

Композитор • Санкт-Петербург Зебра Е

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ещё девочкой Роми Шнайдер начала вести дневник и продолжала это делать до самой своей смерти. Её тексты — основа для волнующего жизнеописания замечательной актрисы и очаровательной женщины. Роми Шнайдер откровенно рассказывает о своих мечтах и страстях, признаётся в разочарованиях и поражениях.

«Дневник» Роми Шнайдер — захватывающий личный документ, непосредственность и сила которого увлечёт каждого читателя.

Эта книга выходит на русском языке впервые.

- Я, РОМИ ШНАЙДЕР
- Предисловие к немецкому изданию
- Предисловие к русскому изданию
- 1938-1959
- 1949-1953
- 1953-1955
- 1956-1958
  -
  - 1957, 11 февраля — 5 марта
  - 1958, 13 января — 5 февраля
- 1958-1965
- 1965-1967
  -
  - Письмо ко Дню матери
  -
  - Мой отец Вольф Альбах-Ретти
- 1968-1969
- 1970-1974
- 1975-1980
- 1981
- 1981-1982
- Фильмография [42]
- Интервью
- Иллюстрации
- Примечания
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

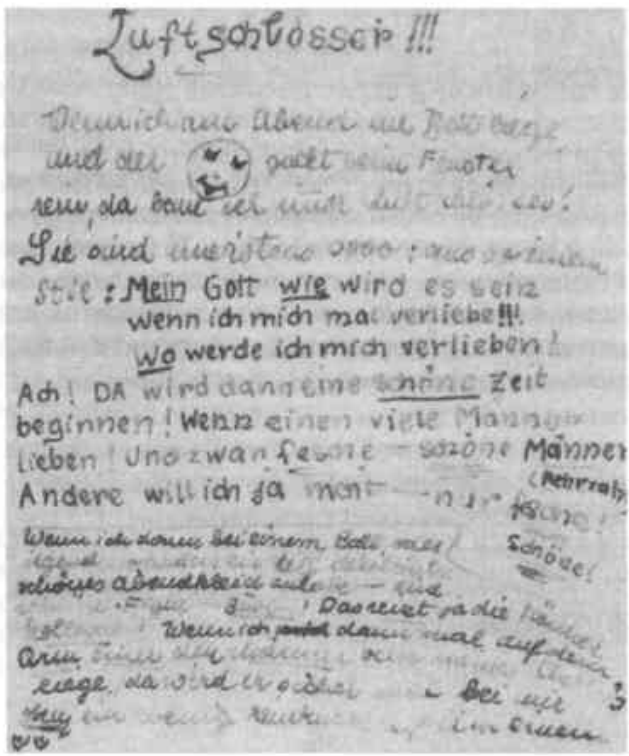
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45

Содержание

Я, РОМИ ШНАЙДЕР
Дневник

Три странички из дневника Роми

Предисловие к немецкому изданию

Перед вами — и автобиография, и биография сразу. Книга об актрисе, которая раскрыла свой дар в шестидесяти фильмах. И о женщине Роми Шнайдер: детские мечты и надежды, ранний взлёт и первые успехи, потом — высокая художническая зрелость, по-настоящему большое кино, и наконец — её страстное и мучительное стремление гармонично совместить творчество и личную жизнь, что неизбежно вело и привело к глубоко трагическому концу.

Собственные тексты Роми Шнайдер объединены подобным образом впервые. Вначале это дневник тринадцатилетней девочки, далее — воспоминания о важных событиях и переживаниях, письма, путевые заметки. В документальных свидетельствах запечатлелись именно те годы, когда Роми предпочитала молчать. Она сдерживала себя даже в письмах к друзьям, избегая откровенно высказывать свои мысли, взгляды и впечатления.

Эти тексты предваряются рассказом Магды Шнайдер о детских годах её дочери.

Композиция книги, последовательность отдельных глав имеет своей целью как можно полнее представить читателю этапы этой необыкновенной жизни. Каждая глава открывается введением, необходимым для того, чтобы повествование воспринималось целостным и восполняло временные разрывы в текстах Роми.

Однако задача детально изложить биографию здесь не ставилась. Цель была, скорее, — дать образный портрет этой большой актрисы, которая как в своих сильных сторонах, так и в своих слабостях принадлежала своему времени.

Иллюстрации, значительная часть которых публикуется впервые, отражают жизненный путь Роми Шнайдер, которую Лукино Висконти назвал «одной из гениальнейших актрис Европы» и «одной из последних настоящих мировых звёзд».

В книге немало кадров из фильмов с её участием, но гораздо важнее фотодокументы, запечатлевшие окружение Роми. Как и в своих дневниковых записях, героиня повествования предстаёт здесь вместе с товарищами по профессии, с партнёрами — свидетелями и участниками её восхождения к вершинам славы.

23 сентября 1988 года Роми Шнайдер исполнилось бы 50 лет; к этой дате и приурочено издание книги. В публикуемых воспоминаниях запечатлён образ этой воистину необыкновенной актрисы.

Рената Зайдель
Берлин, февраль 1988 г.

Предисловие к русскому изданию

Что мы знаем о Роми Шнайдер?

В советском ещё энциклопедическом словаре «Кино» про неё сказано: австро-немецкая и французская актриса. Значит, даже составители словарей не решили точно, кто она.

Но это в России, а как в Германии? Роми Шнайдер упрямо повторяет в своих записках, которые вы держите в руках: «Я — немка, я думаю по-немецки, моя родина — Германия». Между тем в списке её фильмов совсем мало немецких: несколько ранних, где Роми — почти подросток, и один-единственный «взрослый», неудачный — «Групповой портрет с дамой».

Почему, собственно? Потому что роман актрисы с родиной не сложился, и это было одной из двух настоящих трагедий её жизни. Она хотела играть в Германии — не дали. Она хотела быть просто счастливой женщиной — не позволили: ни в родных краях, ни в чужих — нигде. Так и прожила — неприкаянная. Ничья.

О том, как было у Роми с Германией при жизни, вы прочтете в её дневниках, там об этом — подробно. А я — о том, как стало после её ухода, то есть сегодня.

Сегодня в Германии — культ Роми. Ей не нужна здесь даже фамилия, довольно имени. Её дневник переиздается чуть ли не каждый год начиная с 1988-го (умерла она в 1982-м), и называется он не как в русском переводе, а просто «Я, Роми». Выходят биографии, фотоальбомы, документальные фильмы, а сейчас ещё и два художественных фильма о Роми Шнайдер, для кино и для телевидения. Это — к юбилею: в сентябре 2008 года ей исполнилось бы 70 лет.

Вот так получается: живую и прекрасную Роми Германия отторгла, а после жизни Роми — нате вам, культовая актриса! Дело, в общем-то, ясное: Германия всегда хотела «свою Роми», вечную Зисси, юную императрицу из трёхсерийной костюмной мелодрамы, а Роми всю жизнь вопила: нет! Я не ваша сладкая Зисси! Теперь Роми молчит, а Германия присваивает Зисси и обожествляет её. Например, каждый год к Рождеству продаются специальные календари. Большой постер, а под ним шоколадки в картинках — всё, что мило здешнему сердцу. Ёлка с игрушками, свечки в лентах и бантах, младенец Иисус в яслях... и Роми Шнайдер — тоже, видно, привычный атрибут сентиментального рождественского набора. Портрет — не в жизни, а в роли: та самая Зисси, прелестный ангелочек в розовом кринолине.

Защитить Роми от этого уже некому.

В юбилейные дни самая крупная из «жёлтых» газет Германии, «Бильд», напечатала портрет Роми Шнайдер. Под заголовком «Бабушка Роми». Прожив на свете всего-то 43 года, Роми вроде бы получила привилегию никогда не состариться. Как бы не так! Её догнали даже после смерти, сцапали и состарили: портрет в «Бильде» обработан на компьютере так, чтобы превратить молодую женщину в старую женщину.

И от этого Роми защитить уже некому.

Роми Шнайдер никогда не была «богемой» или «эмансипе́». Она мечтала о семье, о тихом домашнем счастье, куда не пролезли бы наглые папарацци. Она пробовала трижды, и с каждым провалом семейной идеи силы её уходили, исчерпывались. Ален Делон покинул её, даже не попрощавшись; Харри Мейен ещё и ободрал её как липку; Даниэль Биазини довел её до последней черты. Обожаемого сына Давида она потеряла, он погиб в 14 лет. И каждый раз удары, разрывавшие её сердце, превращались бульварной прессой в дешёвые сенсации.

А зачем же тогда Роми всё это записала? Она ведь так стремилась укрыться в убежище, воевала как могла с бессовестными вторжениями в личную жизнь! И вот теперь мы читаем о её сокровенном. Тут, думаю, дело в особой актёрской психике. Актёр живёт перед камерой всегда, невзирая на свои желания и убеждения. К тому же психологи считают, что если актёр начал играть очень-очень рано (как Роми, например, — в 14 лет), то с ним непременно происходит некая психическая трансформация. Он нечётко разделяет себя в жизни и себя в роли, и пространства «тут» и «там» у него смещаются, путаются, взаимопроникают. По записям Роми вроде бы и видно, что делались они для себя (естественную «корявость» её письма я попыталась сохранить и в переводе). Но с другой стороны, её письменная речь порой переходит в диалог — с кем? С самой собой? С нами?

Давайте считать так. Давайте будем думать, что дневник Роми — ещё и послание. Из которого я тут приведу начало: «Музыка, театр, кино, путешествия, искусство — вот моя жизнь! От этих пяти слов моя театральная кровь просто закипает», — и конец: «...но что за жизнь, что за жизнь из всего этого получилась...»

Лариса Крылова

Дюссельдорф, октябрь 2008 г.

1938-1959
Магда Шнайдер. Моя дочь Роми

Роземари Альбах появляется на свет 23 сентября 1938 года в Вене. Поскольку её родители, актёры Магда Шнайдер и Вольф Альбах-Ретти, полностью отдают себя работе в кино, раннее детство Роми проводит со своими бабушкой и дедушкой, Марией и

Францем Ксавером Шнайдерами, в усадьбе Мариенгрунд в Берхтесгадене-Шёнау. 21 июня 1941 года рождается Вольфдитер, брат Роми. 21 сентября 1944 года Роми идёт в школу. Годом позже родители Роми разводятся. 1 июня 1949 года Роми поступает воспитанницей в интернат Гольденштайн. В декабре 1953 года Магда Шнайдер выходит замуж за владельца сети отелей Ханса-Херберта Блатцхайма.

Рассказ Магды Шнайдер о детских годах Роми, составивший первую главу книги, датирован 1957 годом.

Между Берхтесгаденом и озером Кёнигзее расположен городок Шёнау, в самом деле прекрасный, как о том говорит его название. Первый камень в фундамент нашего домика был заложен в 1936 году. Дом получил имя Мариенгрунд, и в 1937-м мы туда въехали.

Поначалу в доме поселились мои родители. Мой отец прежде владел в Аугсбурге мастерской по установке сантехники и хорошо разбирался в строительном ремесле, поэтому он присматривал за постройкой дома — я ведь непрерывно снималась и не могла сама об этом позаботиться. Родителям было нелегко привыкать к жизни в таком тихом деревенском доме. Но всё же они остались тут навсегда — просто потому, что хотели мне помочь. Ведь кто не откажется от собственных желаний ради того, чтобы помочь своим детям? А иначе мне пришлось бы допустить к управлению усадьбой чужих людей. Мои родители взяли это на себя. К тому же вскоре они были уже не одни. 23 сентября 1938 года родилась Роми. Роземари Альбах. Как хорошо, что был на свете Мариенгрунд, что там жили мои родители, что они с любовью приняли маленькое существо.

Роми родилась в Вене. Спустя четыре недели я привезла её в Мариенгрунд, и здесь прошло её счастливое детство.

В первый год жизни её опекала ещё и няня, сестра Хедвиг. С самоотверженностью и любовью она посвящала себя заботам о малышке. Сестру Хедвиг мы вскоре стали называть Хеди, а потом просто Деда, — так дети выговаривали слово «сестра». У неё был талант писать чудесные письма и открытки. Почти каждый день я получала от неё очередную новость о том, чему ещё научилась Роземари. Эти письма и открытки я собрала в альбом, получилось что-то вроде дневника. По этим записям прекрасно видно, как человеческий детёныш переживает драматические события в самом начале жизни: от попыток ползком познать окружающее и прикоснуться к нему — до первого зуба.

«Мышонок теперь умеет ещё кое-что новенькое, — писала Хеди в марте 1939-го. — Она становится в кроватке на колени,

упирается ручками и раскачивается туда-сюда, да ещё так, что кроватка ходит ходуном. При этом она так кричит от удовольствия, что ушам больно. Купание у нас каждый день — это просто наводнение...»

31 марта 1939-го: «Вот ужас с нашей маленькой колбаской! Она уже не желает днём спать, я её по двадцать раз подряд укладываю на спину и накрываю, но ей хоть бы что: снова и снова переворачивается на живот и сползает на четвереньках...»

Роми было ровно шесть месяцев, когда я получила от сестры Хедвиг такую новость: «Сидеть и стоять на коленках и лежать на животе — это нам уже скучно, и наша мышка уже хочет стоять! Если я её усаживаю, она упирается ножками и приходит в ярость...»

12 апреля: «Если я её пристегиваю в коляске ремнём, она ни за что не соглашается и гневается, потому что так она не может вертеться, а ей этого очень хочется. Быть привязанной она совсем не переносит...»

Да, полагаю, это свойство Роми сохранила на всю жизнь!

19 апреля: «Сегодня у нас был урок ходьбы, и уж такая радость по этому поводу! Наша маленькая госпожа бросается как дикарь на пёстрые шарики и колокольчики, хватает их и тащит в рот...»

Днём позже пришла телеграмма: «Мама, папа, послушайте: у вашего ребёнка первый зуб!»

После этого: «Теперь из нашего ангелочка получился настоящий пострелёнок, она гневается всерьёз, если что-то не по ней».

Если мне выпадали дни отдыха и я была в Мариенгрунде, то полностью посвящала себя Роми. И свои наблюдения тоже заносила в альбом.

А потом снова писала сестра Хедвиг: мой отпуск заканчивался очень скоро.

4 июля Деда сообщает о большом событии: «Мышка научилась бегать! Она бежит и падает, встаёт и снова пробегает два-три шага, и тут же плюхается на пол. Не будь она такой вертлявой, могла бы пробежать порядочный кусок, но она хочет бежать, прыгать и размахивать руками, всё сразу, а это не выходит».

Как-то мой муж был один в Мариенгрунде, и я получала в Берлине от няни новости вроде этой: «Папа и мышка прекрасно понимают друг друга, но сегодня нам пришлось пожертвовать маминой соломенной шляпой. Я очень старалась спасти шляпу, но ничего не получилось. Ангелочек так радовался, и господин Альбах так смеялся, что мне пришлось отступить».

Запись в альбоме, которую я торопливым почерком сделала за несколько дней до первого дня рождения Роми: «Началась война».

Итак, война. К счастью, детство Роми не было омрачено этим ужасным событием. Она ведь жила не в одном из тех городов, где все потрясения этого тревожного времени ощущались так отчётливо. Даже позже, когда посыпались бомбы, её жизнь осталась прежней. Роми росла как деревенская девочка.

Кстати, именно поэтому она избежала преждевременного взросления, которое часто бывает у детей больших городов.

Роми была типичной девочкой. Играла в куклы и совсем не интересовалась играми и игрушками мальчиков. Ей и дружить хотелось с девочками, но на самом деле она больше бывала среди мальчиков: соседские парнишки приходили к нам чаще. Она набралась от них всяческих грубостей, усвоив мальчишеские манеры. А когда появился на свет её братик, мой сын Вольфи, то вскоре Роми превратилась в настоящего тирана.

До тех пор, пока у Вольфи не лопнуло терпение. При его флегматичном темпераменте можно было ждать взрыва очень долго. Но уж если он срывался с места, то мчался как паровоз. Мне всегда было любопытно, как долго он будет выносить её тиранию.

Хотя Вольфи едва доставал своей сестре до пупа, это уже не имело значения. Как-то раз он очень медленно покраснел, пригнулся, чуть отступил — и бросился на нее как хищный зверь. Она испугалась. Закричала: «Он убьёт меня!»

Я задала дочери нагоняй: «Ничего удивительного, — сказала я ей. — Ты же его уже просто допекла».

Роми плакала, но недолго. И вскоре опять принялась за Вольфи. Пока однажды не случилась история с монетками в десять пфеннигов. Была такая круглая штучка для монет, она служила кошельком и так здорово вращалась. «Кошелёк» открыли, и когда монетки высыпались, дети пришли в восторг, оба. Оба кинулись к вещице. Вольфи протянул руку, но Роми треснула его по пальцам. «Это моё!» — закричала она.

Вольфи ничего не сказал. Он опять ужасно покраснел, как тогда, и с места в карьер взял такую скорость, какой я у своего медлительного медвежонка никогда не наблюдала. Он вцепился Роми в волосы и выдрал клок. Роми визжала как резаная.

Конечно, вскоре они жили уже душа в душу, как это обычно и бывает у детей. Но теперь Вольфи добился-таки признания и стряхнул с себя сестринский гнёт. С этого момента он больше не давал себя в обиду. Роми его зауважала, — хорошо ведь, когда ребёнок растет не один. Каждый постигает свои границы.

Роми выросла без битья, как и Вольфи. Я уверена, что только так и нужно. Если родители бьют детей, они лишь показывают им своё превосходство в физической силе, и больше ничего. И всё же однажды Роми получила хорошую взбучку — от моего отца.

Не помню, шла ли речь об уроке Закона Божьего или о подготовке к конфирмации. В тот день Роми позвонила пастору и сказала жалобным голоском, что ей нужно к зубному врачу.

«Ладно, дитя моё, иди к зубному врачу», — разрешил добрый пастор.

Но чуть позже сам позвонил нам домой. Роми уж и след простыл, так что трубку взяла моя мать.

— Ах, фрау Шнайдер, — сказал пастор. — Роземари сегодня у дантиста, не правда ли?

Моя мать всегда была ангелом, который витает в облаках. Она не сообразила. И вообще она не могла лгать.

Я-то, вероятно, ответила бы: ах да, правильно, я же совсем забыла. Она и правда должна сегодня к врачу... Но моя мама сказала:

— Что? К зубному? Я об этом ничего не знаю!

Так все и открылось. Когда Роми, довольная, вернулась домой, она сразу почувствовала, что пахнет жареным.

— Ты обманула господина пастора! — выбранила её моя мама. А мой отец не сказал ничего. Он был зол сверх меры и просто отколотил её. Врать, да к тому же ещё и пастору — такое для моих набожных родителей не лезло ни в какие ворота.

Это был единственный случай, когда Роми «воспитывали» столь грубым образом. Ей оказалось достаточно. Она больше никого не обманывала — уж во всяком случае пастора.

Четыре года она посещала начальную школу в Шёнау. Потом она должна была поступить в интернат. Правда, учитель в начальной школе полагал, что с этим она не справится, потому что никогда не была образцовой ученицей.

Труднее всего для неё была математика. Роми считала неплохо, но уж очень неохотно. Во всех вещах, связанных с числами, она отнюдь не была героиней. Уже в школе было ясно, что она не видит смысла в абстрактных понятиях.

Её любимыми предметами в школе были те, что могли возбудить фантазию или были связаны с искусством. Она с интересом, несмотря на случай с пастором, посещала уроки Закона Божьего, любила петь, её привлекали краеведение и история. Талантливо рисовала и писала красками, потом это чуть не стало её профессией.

В географии она чувствовала себя слабее; это ведь тоже довольно абстрактная вещь, особенно если преподносится сухо,

только по картам. Совсем не лежала её душа к домашнему хозяйству, хотя этот предмет считался в то время особенно важным для девочек. Для рукоделия у неё был слишком беспокойный характер. Насколько я знаю, она не довела до конца ни одного платочка, или носка, или вышивки. При её непоседливости она просто лопалась от злости, если была вынуждена рукодельничать. Однако, вопреки мрачным прогнозам господина учителя, Роми блестяще окончила гимназический курс в интернате и выдержала все экзамены.

Вместе с начальной школой ушло и беззаботное детство Роми. Из идиллического Мариенгрунда в Шёнау она попала в совсем другой мир. Не было больше рядом ни бабушки с дедом, ни маленького брата, ни соседских ребятишек. Интернат стал первой ступенькой к самостоятельности, к чуждому окружению. Вначале она поступила в интернат в Гмундене на Траунзее. Но быстро выяснилось, что это неприемлемо. Поэтому я решила перевести её в другой интернат.

Там она провела пять лет. Вели дело сёстры-монахини в замке Гольденштайн близ Зальцбурга. Сестёр этого ордена готовили в Англии. Руководившая интернатом сестра Тереза стала для Роми великодушной и понимающей воспитательницей.

Интернат Гольденштайн был невелик. Число воспитанниц ограничивалось таким образом, чтобы воспитательницы могли уделять внимание каждой из девочек. Хорошо, что с Роми могли заниматься индивидуально. Потому что это было для неё непростое время.

Каждый ребенок когда-то вступает в тот возраст, когда с ним становится нелегко. Роми слишком охотно ходила «не в ногу», и дамам из Гольденштайна понадобилось настоящее искусство, чтобы, с одной стороны, держать её в узде, а с другой — не навредить при этом её многогранной личности.

Для Роми эти годы были отличной подготовкой к взрослой жизни, что вскоре и проявилось. Её держали в строгости, но директриса постоянно следила, чтобы с ней обращались по-доброму. Некоторые свойства натуры Роми — они сегодня видны в её работе — развивались именно в интернате.

— Просто не знаю, что делать с вашим ребёнком, — сказала мне начальница. Это был единственный случай за пять лет, когда она пригласила меня, чтобы поговорить о Роми. Роми тогда была просто невыносимой — такое время бывает у каждого ребенка. Начальница сделала серьёзную мину, доложила мне о своих заботах и наконец добавила:

— Если она не переменится, мне придется её выгнать.

Так и сказала. Поскольку предпочитала выражаться

предельно ясно.

Роми постоянно устраивала в интернате всевозможные озорные проделки. Несмотря на это, её не выгнали. Стала ли она и вправду вести себя лучше, я не знаю. Вероятно, у совсем юного человека это зависит не только от его доброй воли. Просто это такое время, оно приходит — и уходит.

Сегодня Роми — человек компромиссный, терпимый, избегающий ссор и споров. А тогда она не уживалась ни с кем. И не знала, что ей делать с самой собой. Свои каверзы она предпринимала просто из озорства, но чаще — с досады. Прогуливать было для неё обычным делом. Иной раз она убегала в кино, которое её всегда влекло, или они с подружками не возвращались вовремя с прогулки — и конечно, следовал выговор, запись в дневнике, или её в наказание оставляли после уроков. Я уже говорила, что сестре Терезе я воздвигла благодарный памятник в своём сердце. Несмотря на все трудности, она знала, как призвать Роми к порядку и при этом помочь ей без обиды. В то время, когда я из-за своей работы находилась слишком далеко от моих детей, директриса была для Роми настоящей матерью.

Приведу один пример, чтобы показать, как сестра Тереза умела соединять строгость и доброту.

Было установлено, что Роми должна писать мне по письму в неделю. Однако порой проходили две, а то и три недели, прежде чем она давала о себе знать. «Мы были так заняты, так заняты!» — обычная отговорка.

В таких случаях я отправляла в Гольденштайн письма с упрёками. Результат всегда был один и тот же: Роми отвечала покаянным письмом. Почта регулярно прочитывалась руководством, как это, вероятно, делается в любом интернате.

Так вот: по обыкновению директриса добавляла к письму Роми пару своих строк — например, таких: «Вы не должны на неё сердиться — помните, что у неё на самом деле золотое сердечко!»

Оно, конечно, так, но золотым было сердце и самой сестры Терезы. Она держала Роми в строгости, но всегда признавала и уважала её человеческое достоинство.

Для Роми это было хорошее время. Интернат научил её вести себя в обществе, пусть поначалу это было нелегко. Она научилась ограничивать свои эгоистические интересы и считаться с другими людьми. Научилась дисциплине и пунктуальности. Это всегда было её самой слабой стороной. Особенно если нужно было что-то сделать очень срочно. Тогда вещи летали по комнате и по всему дому, а потом всё это выглядело как после бури. Сегодня она старается — с большим или меньшим успехом — содержать

всё в порядке. Иногда у неё это получается просто замечательно.

Там же, в интернате, Роми развивала свои художественные способности. У неё была очень чуткая учительница рисования, она разрешала Роми, единственной из воспитанниц, расписывать тарелки. Талант к этому изящному искусству проявился у неё случайно.

И Роми стала покупать у одного столяра необработанные деревянные тарелки, расписывала их и покрывала лаком. Её изобретательность была при этом неистощима. Она придумывала всё новые и новые сюжеты. Иногда это было похоже на верхнебаварское народное творчество, или напоминало восточные орнаменты, или вдруг — дерзкий полет фантазии, выполненный светящимися красками. Кроме тарелок Роми расписывала шкатулки, шарфики, вазы для цветов, и многие из них по сей день стоят в её комнате в Мариенгрунде, да и по всему дому. Их можно было бы без всякой доработки продать в любом художественном салоне.

Роми и саму себя раскрашивала с охотой, когда была ещё совсем маленькой. Часто я обнаруживала, что вся моя губная помада израсходована. Роми при этом выглядела как клоун. Потом это ушло: ведь была просто потребность играть, а вовсе не женское тщеславие.

В сельской местности и в интернате, где выросла Роми, городские манеры не были популярны. Ей и в голову не приходило как можно раньше начать красить ногти или делать макияж. Всё это она узнала только когда начала сниматься в кино.

Такая уединённость и была причиной, по которой театральная жилка Роми оставалась от меня скрытой до тех пор, пока ей не пошёл пятнадцатый год.

Молчаливый уговор не обсуждать дома работу касался и её собственных профессиональных устремлений. Сегодня-то я знаю: она всегда хотела стать актрисой. Но тогда мы об этом вообще не говорили, и мне было невдомёк, что она втихомолку размышляет о чём-либо подобном.

Я оставляла при себе всё, что касалось моих профессиональных занятий. Так было, пока я не могла жить вместе с моими детьми. Роми это понимала (или, скорее, чувствовала) и поэтому всегда трогательно старалась ничем меня не отягощать. Всё, что могло меня рассердить или раздражить, она скрывала. Именно поэтому она и не заговаривала о кино или вообще об актёрской профессии.

Возможно, она угадывала, что я молча сопротивляюсь тому, чтобы мои дети освоили профессию родителей. Если я сегодня

вспоминаю свои тогдашние представления на этот счёт, то ясно вижу: я была в плену иллюзий.

Вероятно, так часто бывает: родители желают своим детям иной профессии, чем у них. Полагаю, причина тут в том, что они отлично знают теневые стороны своего дела и хотят оградить от них своего ребёнка. Их профессия, возможно, кажется таким родителям слишком напряжённой, слишком изнурительной, слишком небезопасной. При этом они забывают, что любая другая специальность наверняка имеет свои подводные камни. Нет сомнения, что киноактёр — не самая спокойная или защищённая профессия. Но сегодня я убеждена, что в любом деле есть свои острые углы.

Так что моё сопротивление актёрской будущности Роми было ошибкой. Неверная установка была скоро и счастливо пересмотрена, и поэтому я могу не упрекать себя за неё.

И всё-таки я могла бы раньше заметить актёрский талант Роми. Она, как и все дети, часто играла в школьных спектаклях. Обычно это были рождественские представления, и Роми всегда получала в них главные роли: ведь она была дочерью известной артистической четы. Были в интернате спектакли и помимо рождественских. Однажды Роми играла Мефистофеля в «Фаусте». Ставились и пьески на английском языке, Роми в них тоже участвовала. В церковном хоре она пела сольную партию.

Всё это я воспринимала как обычные школьные будни. Да ведь я и не видела ни одного из этих представлений. Они устраивались, когда я находилась то в Берлине, то в Мюнхене, то в Вене, а уж на Рождество и в предшествующие ему недели я была всегда особенно занята.

Одарённость Роми открылась мне только тогда, когда снимались кинопробы к её первому фильму.

Я могла бы подумать о том, что этот талант заложен в Роми от рождения и, возможно, уже пробудился. Сегодня я понимаю, что она всегда очень отчётливо ощущала себя дочерью знаменитого киноактёра Вольфа Альбах-Ретти и знаменитой киноактрисы Магды Шнайдер. Не могло же это чувство быть в ней просто похоронено.

Я, кстати, не знаю, видела ли Роми меня когда-нибудь на экране. Когда она жила в Мариенгрунде и в интернате, она редко бывала в кино. Может быть, именно поэтому те немногие фильмы, что она видела, произвели на неё особенно сильное впечатление. Кроме кино, имена её родителей постоянно упоминались в газетах, журналах, буклетах. Её одноклассники, вероятно, ожидали, что Роми окажется какой-то особенной. Всё это не могло пройти для девочки бесследно.

А самым важным мне кажется то, что Роми получила мощнейшую актёрскую наследственность. Я-то сама как актриса была в своей семье исключением, поскольку ни один мой предок или родственник не имел ничего общего с театром. Известно, впрочем, что как раз такие «чужаки» особенно полно передают потомкам свой дар.

А вот по линии отца Роми впитала давнюю актёрскую традицию. Семья Ретти насчитывала несколько поколений артистов. Уже прапрадед Роми был актёром в Австрии. Его сын, прадед Роми, тоже был актёром и женился на актрисе. Дочь этой пары, бабушка Роми — знаменитая Роза Альбах-Ретти, которая и сегодня выступает на сцене венского Бургтеатра.

Роза Альбах-Ретти носит титул придворной актрисы. Она стояла на сцене в славное для венского театра время, была принята императором Францем-Иосифом и разъезжала в собственном фиакре, как это было принято среди придворных актёров. Она выступала с Кайнцем и Миттервурцером, все вместе они были звёздами действительно великого театра.

Без сомнения, такие предки значили для Роми очень много. Парадоксально, но я не думала, что подобная наследственность непременно проявится. Сегодня я знаю: было бы напрасно склонять Роми к какой-то иной профессии. Актёрская кровь говорила в ней ясно, побуждала её двигаться в эту сторону, и вышло так, что двери в артистический мир открылись перед ней очень рано, в пятнадцать лет.

Во время войны Роми была ещё ребенком, что и оградило её от многих бурь, которые пережили все люди в военные годы. Судьба пощадила её, и горькие события моей личной жизни тоже прошли мимо неё. Они произошли, когда Роми была в интернате и не имела никаких серьёзных забот.

Когда я сегодня думаю об этом — мы поженились в 1937-м — то нахожу очень много общего между Роми и её отцом. Мать Вольфганга, актриса Альбах-Ретти, была категорически против актёрской профессии для своего сына — вероятно, из тех же соображений, что и я относительно Роми. Когда Вольф сидел на козлах почётного фиакра или в машине возле своей матери и её друзей, знаменитых актёров и актрис, то ему всегда хотелось стать кучером. Его талант открылся позже.

Математика, слабое место Роми, и её отцу доставляла в школе много проблем. Ему разрешили посещать занятия в Венской академии музыки и театра. Прошло не так уж много времени, и дарование истинного сына своей матери вышло на свет божий. В постановке комедии «Славная женщина» Александра Биссона юный слушатель Академии оказался столь

заметным в роли юного же любовника, что его взяли в 1926 году в Бургтеатр. Вот это была награда!

Часто он выступал на сцене вместе со своей матерью; порой и по сюжету они бывали матерью и сыном. Через пять лет после начала карьеры его взяли на студию УФА, в Берлин.

Есть люди, которые не могут найти контакт с детьми, даже со своими собственными. В нашем случае, возможно, виной была жизнь вдалеке от семьи и детей. У Вольфа были с детьми большие психологические трудности, и он преодолевал их с помощью своей характерной черты — особого, лучащегося юмора. Он был вообще-то вечным пострелёнком. Он находил забавным тайком обучать Роми всяким крепким словечкам. «Но ты можешь так говорить только когда меня здесь уже не будет», — настойчиво внушал он ей.

Иногда я просто не верила своим ушам: Роми своим детским голоском выдавала такие солёные мужские выражения, что хоть стой, хоть падай. Несомненно, это был «папочка», и мне стоило больших трудов отучить её от этой прелести.

Разумеется, Вольф находил и другие способы проводить время с дочерью. Например, засовывал её в свой рюкзак и отправлялся на велосипедную прогулку. Он старался! Но инстинкт у маленьких детей безошибочен. Для Роми «папочка» так и остался далёким существом (он и был чаще всего на самом деле далеко), отношения их не потеплели, хотя она пыталась всем своим детским сердцем полюбить отца. Несмотря на эти попытки, она была и осталась «маменькиной дочкой», что, как известно, с дочерьми бывает относительно редко.

В 1945-м я получила развод — вскоре после рождения нашего сыночка Вольфи. Детей присудили мне. «Все мужчины — слабые», — прочла я недавно в «Мюнхенер Иллюстрирен». Вольф был таким в действительности.

Я ждала, что он вернётся. И когда увидела, что надежды нет, однажды схватилась за револьвер. Удержала меня мысль о детях. Время шло, и меня всегда утешала эта мысль. Всегда она помогала мне выстоять.

Если хочешь вновь собрать себя из осколков, нет ничего лучше, чем развод втихомолку. Надо отсидеться в своей пещере. Кстати, и с фильмами сразу после войны было покончено. Студии были, по большей части, разрушены, создатели кино рассеялись по всему миру.

Для Роми это время, к счастью, прошло безболезненно. Папочка исчез из её жизни, в которой он и без того играл лишь роль гастролёра. Все потрясения, связанные для меня с разводом, обошли её стороной. В интернате она однажды получила от отца

в подарок карнавальный костюм и была в нём очаровательным чертёнком. К шестнадцатилетию она ещё получила от него телеграмму из Цюриха. После чего он исчез уже окончательно.

А вот для меня жизнь сильно изменилась. Моя профессия была почти не востребована. Фильмы не выпускались. Все заботы повседневной жизни легли только на мои плечи; прежде всего надо было думать о моих детях — Роми и Вольфи. Я поняла, что такая ответственность способна мобилизовать в человеке все его силы. Я осознала по-настоящему, что такое семья. Моя семья для меня — главное. Мои дети, которые зависели от меня, мои родители, которые жили в моём доме Мариенгрунде, — вот единственная твёрдая почва, на которой я тогда стояла.

Это и было смыслом жизни. С театром ничего не было понятно. Откроется ли где-то сцена или нет? Может, нужно подрабатывать — собрать труппу, ездить в турне, снимать залы?

У людей тогда земля шаталась под ногами. Один раз что-то получалось — а потом сто раз проваливалось. То вдруг был ангажемент, то снова — ничего. Всюду возникали авантюрные планы, большинство из них терпели крах. Были маленькие представления, сборные концерты, а потом — снова пусто. Но никто не мог позволить себе сдаться. Люди привыкают ко всему, и к таким неопределённым положениям — тоже.

В то время, когда денежная реформа уже второй раз всё изменила, в мою жизнь вошёл человек, совсем не похожий на всех тех, кого я знала до сих пор. Это было внезапно, будто волна разбилась о скалу. Я не знала тогда, что встретила своего второго мужа, который стал отчимом и по-отечески добрым другом моим детям Роми и Вольфи, — Ханса-Херберта Блатцхайма.

Точно так же, как Вольф Альбах-Ретти постепенно и незаметно исчез из жизни моих детей, мой второй муж постепенно и незаметно «врос» в их жизнь. В моём доме всегда было много народа — коллеги, друзья, знакомые. Среди них однажды и появился Ханс-Херберт Блатцхайм, совсем непринуждённо, как что-то само собой разумеющееся. Дети привыкли к нему, когда ещё и речи не было о его будущей роли отчима. Я отчётливо помню день, когда Роми впервые встретила своего будущего «Дэдди». Она тогда пришла из интерната домой, в Мариенгрунд, на выходные.

— Это моя дочь Роми, — сказала я.

Она стояла в дверях и выглядела точно как интернатский ребенок: из простого платья торчали слишком длинные, как мне тогда показалось, ноги и руки, и причёска тоже была соответствующая. Однако смущения она не чувствовала ни малейшего.

Если кто-то думает, что каждый шаг Роми кем-то направлялся, — это чушь. Роми — натура, страстно ненавидящая принуждение, предписания и вмешательство в личную жизнь. Поглядела бы я на неё, если бы только попробовала давать ей указания или вообще держать её на привязи! Вот уж вздор! Это так же глупо, как думать, что на неё можно надеть пояс целомудрия.

Нет уж, Роми не верит в жизнь под безоблачными небесами и со счастливым концом. Как любая девушка её возраста, она живёт с открытыми глазами, стоит на земле обеими ногами и не создаёт себе иллюзий. Было бы иначе — сегодняшняя жизнь оказалась бы ей не по плечу. Мы оба, я и мой муж, это понимаем — и потому не пытаемся держать Роми под стеклянным колпаком.

Я могу лишь порой дать ей совет, поделиться опытом, если она в том будет нуждаться.

Роми должна накопить в жизни собственный опыт и собственные разочарования. Чудеса, конечно, случаются, но было бы уж слишком дерзко на них полагаться. Я могу лишь попытаться предупредить её, если вижу, что она может оступиться и свалиться в пропасть. Более того, это — моя обязанность. Я могу попытаться поговорить с ней, если чувствую, что дело кончится слезами. Сердце каждой матери болит при этих мыслях. Единственное утешение — что человек нуждается и в страданиях, чтобы обрести зрелость.

Сегодня Роми ещё не отягощена подобными проблемами, и только будущее покажет, как пойдёт её жизнь дальше. Одно ясно: пока я здесь, я всегда буду здесь для Роми. В хорошие и плохие (и прежде всего — в плохие!) дни. Если она нуждается в моём совете, она его получит; если нуждается в моем утешении — я ей дам утешение. И я хочу ей помочь, если она когда-то сядет в лужу. Но свой путь она должна пройти сама. Пока дети вырастают, родители должны быть им защитой и охранять от бурь. Но с каждым годом дети становятся всё более самостоятельными людьми, и наконец — личностями. К сожалению, многие родители не могут смириться с тем, что из их маленьких, беспомощных существ однажды вырастают взрослые люди, покидают родное гнездо и должны теперь сами завоёвывать мир.

Вот и она однажды покинет гнездо, и я попытаюсь быть разумной, насколько к тому способно материнское сердце.

Так я смотрю в будущее — с улыбкой и со слезами.

1949-1953
Мой дневник:
Интернат Гольденштайн близ Зальцбурга

Роми 10 лет, когда она поступает в интернат Гольденштайн близ Зальцбурга. Руководят интернатом монахини ордена Св. Августина. Там точно в день своего тринадцатилетия Роми начинает вести дневник. Она называет его Пегги и поверяет ему свои мысли, чувства и желания. Она вклеивает сюда фотографии родителей, популярных актёров, рассказывает о преподавании и воспитании, о первых выступлениях на школьной сцене, о профессиональных мечтах и планах — и прежде всего признаётся в своей страсти к театру и кино. 12 июля 1953 года она покидает интернат, получив аттестат зрелости.

1 августа 1951 года в Шёнау умирает Мария Шнайдер, бабушка Роми.

Роми обращается к дневнику почти ежедневно, подробно описывая свои годы в интернате. Она продолжает вести дневник и после выпуска.

23 сентября 1951 года

Я пригласила мою любимую подругу Маргит. С ней и с тётей Марианной мы ходили в кино. Потом ещё полакомились вкуснейшим шоколадным тортом. Вот! За всеми этими удовольствиями прошёл мой тринадцатый день рождения. Музыка, театр, кино, путешествия, искусство — вот моя жизнь! От этих пяти слов моя театральная кровь просто закипает.

14 октября 1951 года

Вчера во время уроков я писала дневник, потому что сделала уже все задания. Тут — вот ужас! — входит директриса. У-у-уй! Закричала страшным голосом:

— Роми! Тебе что, больше нечего делать?.. Немедленно за работу! И твой дневник я забираю, пока ты не окончишь рукоделия!

И ведь правда — отняла мою драгоценность.

А теперь ты, моё сокровище, снова со мной. Я так рада, так счастлива. Ты меня больше никогда не покинешь.

11 ноября 1951 года

Ах! Хорошо бы сегодня ночью удрать, да? Здорово было бы устроить «маленькое девчачье приключение», и уж я бы так сделала, что никто бы и не заметил!!! Могла бы уехать в Париж или в Мехико и играть в театре роль ковбоя!

14 ноября 1951 года

Лопнуть можно! От злости на эту противную сестру Августину. Стоит только сказать, что я не справилась с заданием, — она тут же начинает насмехаться и кричать:

— Пошла прочь, Роми!

Вот если бы она знала, как меня это бесит, тогда...

17 ноября 1951 года

Сегодня были именины сестры Августины. Я написала на доске поздравление. Вошла директриса и сказала с издёвкой:

— Да уж! От кого ещё можно ждать этаких выкрутасов, как не от Роми!

Меня это так разозлило!

1 декабря 1951 года

Бабуленька, я сегодня надела твою тёплую юбку! Так было здорово! Свяжи мне ещё одну!

О Господи, бабушка, тебя ведь больше нет. Что же будет в этом году на Рождество? Как бы я хотела тебе что-нибудь подарить, и я это сделаю. Принесу подарок тебе на кладбище. Ладно?!!

3 декабря 1951 года

Сегодня я хочу тебя крестить, мой дорогой дневник! Да-да! Я дам тебе имя. Конечно, у меня не получится макнуть тебя в воду, а то ты бы простудился. Ну вот: тебя будут звать Пегги.

5 декабря 1951 года

...Однажды на маленькой скамейке сидела влюблённая парочка. И вот она ему говорит: дорогой, сегодня я так сильно тебя люблю! (А завтра, может, она на него разгневается! Потому что мужчины ведь редко бывают верными!)

10 декабря 1951 года

Да! Ну и упражнение у нас было сегодня! «Целый день молчать». Не очень-то приятно, правда? Но это ещё полбеды. Я к тому же заболела гриппом!

Было четыре доклада. Отец ректор очень милый, он разрешил вечером разговаривать! Так прошло моё первое упражнение. Когда же будет второе? Вот бы не сразу! Теперь хорошо бы устроить перерыв.

28 марта 1952 года

Аааааах! Ну и денёк был сегодня! Просто жуть!

1. Писали контрольную по арифметике, моя вышла просто никудышная.

2. Наша ужасно любезная, уж такая любезная директриса опять подложила нам свинью. Но только мне на это уже наплевать! Да! Да! И ещё раз да! Наплевать, правда! Так и так без конца все шипят и фыркают, что нужно вести себя прилично! Ах! А вот я такая, уж какая есть!

1 июня 1952 года

Я разозлилась. Я ужасно несчастная. Думаю, я бы могла — ну не знаю, что. Что за день сегодня, правда! Ведь среда. Среда — единственный день, когда мы после обеда можем делать что хотим. Но сегодня нашу свободу отобрали. Я бы вообще сбежала из этого интерната.

С самого утра всё пошло по-дурацки. Я спала и не услышала, как директриса кричит: «6:30, вставайте! Петушок пропел давно!» Ну так петушок и есть дурак. Я вовсе не хочу вставать ни свет ни заря. Буду спать до десяти, а потом пусть мне подают завтрак в постель.

И на уроке пения мне тоже не повезло...

Вышло, вообще-то говоря, вот что: вчера вечером я читала книгу Карла Мая — её принесла из дому одна девочка. (Думаю, что книга её брата, чья же ещё?) Только дочитала до самого интересного места — вот, пожалуйте спать. Явилась госпожа директриса и выключила свет. Я выругалась себе под нос, и тогда девочка, которая спит вместе с нами уже две недели, сказала: «Возьми книгу завтра с собой на пение и читай себе дальше. Спорим — не осмелишься?»

— Ещё как осмелюсь! — сказала я.

Потом я лежала в постели, но не спала: всё соображала, как бы мне это получше провернуть. Увиливать мне не хотелось, ясное дело: ведь поспорили! Наконец я догадалась: вот что я сделаю! Наутро мы все, как всегда, вовремя пришли в класс. Та девочка, с которой мы поспорили, что я буду читать дальше, села прямо рядом со мной и ну меня подначивать. Я разъярилась. Я же взаправду взяла книгу с собой. Но никто этого не замечал: я вложила книгу в черную обложку, получилось похоже на нотную

тетрадь. И вот теперь я хотела, чтобы мою затею оценили по достоинству, поэтому всё время показывала книгу исподтишка и посмеивалась.

Вот злосчастье: начальница сразу вызвала меня — посмотреть мою нотную тетрадь. Я бы лучше сквозь землю провалилась. Раскаиваться-то было поздно.

Она взяла мою книгу. Глянула и громко прочитала: «И никакого права у тебя нет называться Хаджи Али. Кто говорит, что он Хаджи, должен был совершить паломничество в Мекку...»

Кое-кто из девчонок захихикал.

Госпожа начальница просто побелела.

— Это что ещё за книга? — спросила она строго.

— Это Карл Май, — созналась я. — 41-й том. «Караван рабов».

Директриса забрала книгу. Без единого слова.

5 шюня 1952 года

Когда мы, как всегда в полдесятого, пили молоко с бутербродами, я вывернула свой стакан себе на платье, потому что мне не сиделось на месте. Пришлось переодеться. Теперь мне надо браться за стирку, чтобы завтра можно было выглядеть как полагается.

Конечно, лучше было бы поехать после обеда в Зальцбург, в кино. Маргит и Моника тоже собирались. Мы же всё делаем вместе — неразлучная троица, даже почти не ссоримся. В кинотеатре «Мирабель» идет шикарный фильм. Но я не рискну отпрашиваться — после истории с молоком.

6 шюня 1952 года

Сегодня я вернулась из Зальцбурга. Наконец-то была в кино.

Дважды в месяц, а иногда и чаще, я езжу в Зальцбург к тёте Марианне и дяде Ойгену. Всего-то полчаса на автобусе. Они оба ужасно добры ко мне, а тётя Марианна — она мне вообще вроде мамочки. Если я не могу приехать, они посылают мне передачку, — очень мило с их стороны.

Мамочка тоже мне что-нибудь чаще бы посылала, если бы не пошлина. Всё, что отправляется в Австрию, должно проходить таможню. Вот гнусное изобретение — эта граница. И там и тут говорят по-немецки, но почему-то вот так устроено. Это политика, и в этом я ничего не понимаю. И по истории я, кстати, тоже не очень хорошо учусь.

Когда я гостила у тёти с дядей, они спросили, чего бы я хотела. Конечно, в кино! Шли «Близнецы». Обе девчонки мне жутко понравились. Их зовут Иза и Ютта Гюнтер.

Для этого фильма искали подходящих девочек. Очень многие двойняшки хотели сниматься, и наконец нашлись сёстры Гюнтер. Жаль, что у меня нет сестры-близнеца! Я бы тогда тоже попыталась.

10 июня 1952 года

Что касается меня, то я бы прямо сейчас стала артисткой. Как мама. Но я с ней об этом ещё никогда не говорила. Об этом у нас дома вообще не говорят.

Мама хотела бы просто жить в Берхтесгадене и ничего не слышать про кино.

Из-за этого я всё чаще бываю не в ладу со своей совестью. Когда я только появилась в интернате, на меня просто набросились: как, ты — Роми Альбах? Твоя мама — Магда Шнайдер, а папа — Вольф Альбах-Ретти? Расскажи-ка, как там это всё делается — в кино! А на киностудии ты уже была хоть раз?

Ну и что я могла ответить? Я же ни разу не была на съёмках. Мама меня никогда с собой не брала. Из кинозвёзд я знала только Рихарда Хауслера и Густль Гштеттенбауэр. Они как-то заходили к маме на кофе, тогда-то я их и видела. Да и то издали.

Просто стыд, что я, дочь кинозвезды, не могла ничего рассказать об этом деле. Правда, я что-то слышала краем уха про съёмки крупным планом, про кинооператора и кулисы. Всё это я худо-бедно приделала одно к другому. Меня слушали раскрыв рты. Это было чуть ли не в первый мой день в интернате.

Я и сейчас помню все эти расспросы. Они меня сильно взволновали. Конечно, я сочиняла тогда что-то другое, чем на самом деле в кино, но всё-таки.

Как бы я хотела увидеть наконец настоящую киностудию! Когда же?

15 июня 1952 года

Опять я давно ничего не записывала. Дни были просто безумные. Хотя я сама в этом виновата.

Вот, сидим с Мони и Марго в беседке. Директриса сюда редко заходит. Можно спокойно заниматься чем хочешь. Мони и Маргит тоже пишут дневники.

В верхнем углу висит большая фигура. Это святой Иосиф. Смотрит прямо на меня. Надеюсь, ему невдомёк, что мы пишем дневник. Директрисе это бы не понравилось. Но беседка устроена очень удобно. Здесь и стол, и скамейка. Прямо идеально.

Из-за книги Карла Мая вышел большой скандал.

Директриса потащила меня на молитву. Сказала: я переполошила всех воспитанниц. При том, что вовсе этого не

хотела. Пришлось пообещать, что исправлюсь.

17 июня 1952 года

Вчера опять вышел из-за меня ужасный переполох. Но тут уж я была, правда, ни при чём.

В восемь вечера, как всегда, выключили свет. Я тут же уснула.

Должна сознаться, у меня есть дурацкая привычка. Я разговариваю во сне. Мама говорит, что я это унаследовала от отца. Он всё время разговаривал.

Однажды он вскочил среди ночи и давай бегать по комнате. Мама испугалась, спрыгнула с постели, схватила его и привязала галстуком: она подумала, что это вломился грабитель. Тут папа по-настоящему проснулся и стал объяснять, что случилось. Он, оказывается, вообразил, что он — на охоте. И он в самом деле собрался стрелять — в спальне, среди ночи!

Вот и со мной случилось что-то вроде этого. Все вдруг заорали, захохотали, зажёгся свет. А толстая зануда Вазерль, она спит на соседней кровати, завопила как резаная. Оказалось, я встала прямо во сне и опрокинула на неё свою миску для умывания, а в ней была ледяная вода.

Все подумали, конечно, что я это сделала нарочно. Директриса тут же явилась. Она спит в монастырском флигеле, рядом, и сразу же услышала шум. Был скандал, конечно.

10 июля 1952 года

Наш интернат — семиэтажный, дом очень высокий и узкий. Я думаю, это какой-то старый замок. Кто тут раньше жил, не знаю. У нас шесть спальных комнат. Выбрать, с кем ты хочешь спать в одной комнате, не получается: всех меняют очень часто.

10 сентября 1952 года

Долгие каникулы кончились.

Сегодня со мной произошёл такой случай! Дело было в деревне, по дороге в Зальцбург. Останавливается машина. Классное авто с белым рулём, и такой мужчина там сидит!

У меня просто сердце зашлось, когда он остановился возле меня. Спросил, где здесь интернат Гольденштайн. Ему надо записать туда дочку.

Я говорю: вы можете взять меня с собой, потому что мне как раз туда.

Сажусь в машину, и мы едем в интернат.

Стоит только встретить шикарного кавалера, так он непременно женат, да ещё и с дочкой-школьницей.

20 сентября 1952 года

У нас потрясающая учительница, фрау Августина! Монике, Маргит и мне она нравится больше всех. Я её безумно люблю. Она даже может вместе с нами устраивать всякое озорство.

Рисую я просто со страстью. Если я не стану артисткой, то тогда — художницей.

Фрау Августина разрешает мне, одной из всего класса, разрисовывать тарелки. У меня есть в Зальцбурге знакомый столяр. Он живет недалеко от собора. Когда я в прошлый раз была в Зальцбурге, то заказала ему деревянную тарелку.

Сейчас я её раскрашиваю: хочу подарить маме на Рождество. Все-таки здорово, что мы тут можем мастерить.

А вот рукоделие для меня просто отвратительно. Всё равно как у Герты у меня никогда не получится. Герта сидит в классе рядом со мной, она у нас — лучшая. У неё очень много достоинств, но я почему-то не хотела бы быть такой, как она. Хотя списывать у неё здорово.

На прошлой неделе мы писали классную работу по математике. Я математику просто ненавижу. К несчастью, меня ещё посадили отдельно. На скамейку за пианино, совсем далеко от Герты. Но случилось чудо: у меня всё получилось. Все решила правильно и получила единицу. Первую честно заработанную единицу [1] по математике.

Иногда чудеса всё-таки происходят.

1 октября 1952 года

Вот повезло: для интерната купили радиоприёмник! Я могла бы сидеть возле него часами и крутить ручку. Волшебное чувство слушать, как говорят люди, которые живут так далеко, что их и не понять. У меня просто страсть узнать хоть частичку огромного мира.

Хотя и здесь прекрасно.

Особенно летом. Но мы же должны весь день напролёт сидеть здесь, в интернате! Не для меня такая жизнь.

19 октября 1952 года

Из окна классной комнаты виден Эльсбетен. Так называется деревня рядом с интернатом. Там церковь, а вокруг неё торчат домишки, как цыплята вокруг наседки. Видна главная улица. Она ведёт в Зальцбург, а ещё дальше — в Вену.

Вена! Должно быть, великолепный город. Я его совсем не знаю, хотя там родилась. Занятно, я же могу считаться настоящей венкой. Но жила там только первые четыре недели, а потом — в Берхтесгадене. У нас там красивый дом. Мне там ужасно

нравилось.

Вольфи повезло: он сейчас ещё всё время там. А я тоскую по этому дому. Правда, так хорошо, как раньше, уже никогда не будет. С тех пор, как умерла бабушка, в доме чего-то не хватает. Она всегда так обо мне заботилась, когда мама уезжала на съёмки.

Эх, вырваться бы отсюда! Мир посмотреть, хотя бы маленький кусочек!

10 ноября 1952 года

Слава Богу, скоро Рождество. Могу уехать в Берхтесгаден. Нужно непременно закончить расписывать тарелку в подарок маме. Перед Рождеством у нас в интернате всегда всё вверх дном. Театр, репетиции. Кстати: снег идет! Всё, хватит на сегодня.

11 ноября 1952 года

Сегодня глаза бы мои не глядели на весь белый свет. Прямо за завтраком начались всякие подначки. Потому что когда я была в Зальцбурге у тёти Марианны, я остригла свои длинные волосы. Теперь у меня голова как у овечки. Или как у ежа, такие короткие кудряшки. Мони и Маргит находят, что это шикарно. Я вообще-то — тоже. Но остальные! Или насмехаются, или возмущаются. Кричат: ты выглядишь как кинозвезда! Слова довольно-таки лестные, потому что ведь киноартистки очень симпатичные. Но КАК они это говорили! Меня это взбесило.

Ну ладно, я ещё покажу этим глупым индюшкам! Дождётесь!

13 ноября 1952 года

Играть на сцене мне ужасно нравится. Мы выучили одну маленькую английскую пьесу. Я играю главную роль, и потом ещё Мефистофеля в «Фаусте».

Августина всегда бывает режиссёром, мы репетируем по субботам после обеда. Поэтому у меня не получается ездить в Зальцбург. Но репетировать — это даже лучше, чем в гостях у тёти Марианны.

Жаль, у мамы никогда нет времени посмотреть меня на премьере. К другим девочкам родители всегда приезжают. Только я должна всё описывать в письмах, а я же так ленюсь писать!

Если бы я себя заставляла, мой дневник был бы полнее и подробнее.

Моника уже гораздо больше написала. А у меня — большие перерывы. Но я хочу исправиться.

14 ноября 1952 года

Я теперь лучшая по пению. Пою в церковном хоре сольную партию.

15 ноября 1952 года

Толстая Хельга действует мне на нервы. Она такая послушная! У неё лежит на ночном столике листок бумаги и карандаш, и она, чуть что, должна всё записывать — всё, из-за чего вечером вышла ссора. И она так и делает! Марлен я тоже не пойму. Вечно мы с ней ругаемся. Она такая скучная!

17 ноября 1952 года

Моника, Маргит и я сегодня опять спрятались в кегельбане. Там уже давно никто не играет, потому что там стоят гимнастические снаряды. Летом мы занимаемся на улице, а зимой — здесь. Гимнастика — мой любимый предмет. Но настоящего спортзала у нас нет, иногда его заменяет столовая. Но куда это годится? Мы там должны надевать длинные спортивные трусы. Я их ненавижу. Директриса вечно устраивает мне скандалы. Потому что я просто поддеваю короткие трусы под длинные и, улучив момент, когда никто не смотрит, стаскиваю быстренько верхние. А то что ж мне — прыгать как на ходулях?! Фрау Августина понятливее. Она разрешает мне надевать короткие.

1 марта 1953 года

Рождество прошло уже давно. Когда я ездила в Берхтесгаден, мне пришлось заплатить на таможне пошлину за тарелку, которую я разрисовала для мамы! Ничего себе, да? Они там подумали, что я её купила. Пожалуй, стану мастером по росписи, если с актёрством ничего не получится.

12 июля 1953 года

Ну наконец-то! 12 июля 1953 года. Эту дату надо запомнить: сегодня я покидаю школу. С «малым аттестатом зрелости», как здесь говорят. С Рождества почти ничего не записывала. Но теперь, когда с этой гнусной школой покончено, у меня будет больше времени, наверняка.

Оценки у меня хорошие!

А сейчас я жду господина Лигля. Он меня заберёт и отвезёт на машине в Берхтесгаден. Почти все девочки уже уехали со своими родителями.

Господин Лигль уже должен подъехать. Выйду и посмотрю, а в Берхтесгадене напишу дальше. Я рада ужасно!

1953-1955
Мой дневник: Я СНИМАЮСЬ!

«Когда вновь расцветает белая сирень» — «Фейерверк» — «Юность королевы» — «Гроссмейстеры Тевтонского ордена» — «Последний человек» — «Зисси»

15 июля 1953 года, уже через три дня после окончания школы, Роми едет в Мюнхен, на киностудию. Так решила Магда Шнайдер. Вскоре начнутся съёмки фильма «Когда вновь расцветает белая сирень». Кинопробы Роми настолько удались, что она получила роль дочери героини Магды Шнайдер. Вот так уже в четырнадцать лет Роми вошла в киноиндустрию, и вошла успешно: за «Сиренью» последовали «Фейерверк» с Лили Пальмер, «Юность королевы» и «Гроссмейстеры». В этих фильмах, снятых в 1954 году, Роми вновь снималась вместе со своей матерью, а в «Последнем человеке» - с Хансом Альберсом.

Роми окончательно решает стать актрисой.

Режиссёр Эрнст Маришка экранизирует в 1955 году романтическую историю Елизаветы Баварской (её называют Зисси), ставшей императрицей Австрии. Роми исполняет главную роль, в роли императора Франца-Иосифа — Карлхайнц Бём. Фильм «Зисси» имеет большой кассовый успех.

Роми продолжает вести дневник, начатый в интернате. Она пишет о съемках, об отелях, о радостях и невзгодах на студии, о своих партнёрах по фильмам и об отношениях с ними. И о том, что значит для неё работа в кино, чему она обучается, как входит в образ.

15 июля 1953 года

Скажу честно: у меня есть чутьё. Сижу сейчас в вагоне-ресторане и еду в Мюнхен. Я вся в голубом, всё — мамино: пальто, перчатки и туфли на высоком каблуке (к счастью, они оказались мне как раз). А слева в углу сидит молодой человек, он выглядит как мой папа в молодости. Чёрные глаза, чёрные волосы. Наверняка он дал мне не меньше семнадцати лет. Иначе он бы так на меня не пялился. Посмотреть на него в упор я не могу: сразу покраснею. Здорово, что я пишу. Это производит хорошее впечатление.

Что думает обо мне официант? Знал бы он, что у меня в сумке всего пять марок, да и те я сейчас тут промотаю! Надеюсь, мама будет меня встречать. Иначе я пропала.

Да, я же ещё не записала, как это получилось, что я вот так вдруг еду в Мюнхен. А вышло вот что: вчера вечером мы сидели дома в Берхтесгадене, в охотничьей комнате, и играли в карты. Зазвонил телефон. Вольфи подошёл к письменному столу и взял трубку. Звонила мама. Вольфи положил трубку рядом с аппаратом, вернулся, уютно устроился в кресле и только потом, когда мы уже умирали от любопытства, сказал:

— Иди, Роми, это тебя.

Я взяла трубку — и дальше всё так завертелось! «Собирай быстро чемодан и принарядись хорошенько. И завтра выезжай утренним поездом в Мюнхен».

До сих пор не знаю, что меня там ждёт.

Вот теперь сижу в поезде и всё ещё удивляюсь, что мне всё это удалось.

Официант на меня уставился. Понятно: надо расплачиваться. Мы уже прибываем в Мюнхен.

16 июля 1953 года

Если бы я могла так высоко прыгать, то точно подскочила бы до потолка от радости! Я снимаюсь, я буду сниматься, — если всё получится.

Вот это был день так день!

Сижу в нашей комнате — ах! Что значит «комната»! Это называется «апартаменты», я читала — в отеле «Баварский двор», в Мюнхене. Тут всё так чудесно устроено. Возле двери — кнопка. Нажмёшь — сразу же появляется горничная, или кельнер, или что я пожелаю.

Я сама себе не верю. Не знаю, что бы мне заказать. Может, лимонный сок? Утром я попросила маму, чтобы она позвонила кельнеру и показала, как всё это делается.

Ну хорошо, по порядку. Поезд подкатил к вокзалу. Тот молодой человек, что похож на папу, встал у дверей рядом со мной, как будто случайно. Когда поезд остановился, этот парень спрыгнул сам и помог мне сойти. Было даже немножко неловко, хотя и очень мило с его стороны.

Пока я размышляла, что я должна сказать и как лучше его поблагодарить, ко мне подошла мама. Я уронила чемодан и бросилась к ней, а когда обернулась, тот молодой человек уже исчез. Может, он мамы испугался?

Вот бы он теперь меня увидел!

Мы взяли такси. Мне нравится ездить в такси. А больше всего

— в совсем старых. Я тогда всё время представляю себе, кто тут только не ездил до меня за долгие годы. Вдруг — Макс Шмерлинг? Или Ханс Альберс? Когда он ещё снимался вместе с Марлен Дитрих.

Мама оглядела меня сверху донизу и улыбнулась:

— Хорошо выглядишь!

— Пожалуйста, мама, — сказала я, — не томи, рассказывай. Чего ради я должна была посреди недели мчаться в Мюнхен? Ты, может, выиграла в лотерею? Или что?

Наверно, я слишком разнервничалась. Мама подумала, что лучше бы меня сначала как-то успокоить, а уж потом объяснять, что случилось.

Я была как натянутая тетива. Да что там — тетива! Как... как... высоковольтная линия. «Осторожно, опасно для жизни!» Примерно так. По маме было видно, что случилось что-то невероятное.

И тут, пока мы ехали, она мне рассказала, что было вчера. Я так сильно взволновалась, что эта поездка по Мюнхену засела во мне, наверно, навсегда.

Мама пришла в бюро известного продюсера господина Ульриха, чтобы получить сценарий одного нового фильма. Контракт у неё уже был, очень хороший. И она собиралась уехать ночным поездом в Кёльн, чтобы повидаться с Дэдди: съёмки в Берлине начнутся только через несколько недель, так что время у неё было.

Господин Ульрих спросил маму, кто у неё: дочь или сын.

— Смеяться будешь, — ответила мама. — У меня — оба: и дочь, и сын.

— Дочка? А не могла бы она в нашем фильме сыграть твою дочь? Вот было бы здорово!

Вот примерно так и сказал маме этот господин Ульрих. Она не ответила «нет» (моя любимая!). Но «да» она тоже не сказала. Она вообще ничего не сказала. Просто позвонила в отель, чтобы вновь забронировать номер (ведь она уже успела отказаться от своего номера, потому что собиралась ехать в Кёльн), сунула сценарий под мышку, поехала в отель и принялась читать.

Свою роль, а ещё — детки, мне всё равно ещё не верится! — а ещё роль, которую, может быть, сыграю я!

Потом она позвонила Дэдди, посоветоваться. Но он сказал, что ничем не может ей помочь, и поэтому пусть она решает сама. После чего мама заказала себе пару рюмок коньяку — и только потом позвонила мне в Берхтесгаден. И ни слова не сказала, о чем вообще идет речь! О роли в фильме!

Приехали в отель. Мне надо было быстренько освежиться, и

потом мы сразу же поехали меня представить. Всё, что было дальше, для меня и сегодня как в тумане.

Мы домчались до больницы. Там жутко пахло болезнью, чем-то затхлым в коридорах. В любой больнице так.

Вахтёр. Длинный коридор. Все белое, чистое. Очень холодно. Потом, помню, — мы в какой-то комнате. В комнате полно мужчин. Я, конечно, никого из них не знаю. Никогда не думала, что в одной-единственной комнате может вообще уместиться так много мужчин. Или женщин. Всё равно кого.

Волновалась я ужасно. Спряталась за мамину спину и не осмеливалась высунуться.

На кровати лежал какой-то человек. У него были видны только лицо и громадная подвешенная нога в гипсе.

Только я вошла, как он тут же закричал: «Люди, вот она!» Явно обо мне.

Он пожал мне руку. Остальные мужчины — тоже. Я сделала книксен, как всегда, и замерла.

Мужчина на кровати уставился на меня. Я просто не знала куда деваться.

Мама объяснила всем, что я её дочь. Оказывается, они этого не знали. Думали, что я просто какая-то девочка, которую мама рекомендует для съемок, а похожи мы с ней случайно.

Короче, они сказали, что мне надо ехать в Берлин на кинопробы.

Кинопробы! Представить себе невозможно! Я, Роми Альбах, — на кинопробы в Берлин! Я не знала, что мне нужно говорить.

— Вот-вот, — пробурчал человек с ногой в гипсе. — Там, в Берлине, и посмотрим.

Я опять сделала книксен, и мы вышли.

В Берлин, в Берлин!

Вот теперь я лежу в постели, в гостинице. Заснуть я не смогу, это точно. Кинопробы! Голова идёт кругом. Мурашки бегают по спине. Я попросила маму записать мне имена тех мужчин, с кем я познакомилась в больнице. Учу их наизусть, чтобы в Берлине каждого назвать правильно.

Вот Фриц Роттер. Он написал рассказ, по которому потом сделали сценарий фильма, где я буду сниматься.

Фильм, кстати, называется «Когда вновь расцветает белая сирень». Надеюсь, всё получится. Потом был Курт Ульрих. Он продюсер, он даёт деньги. Фильм-то, думаю, безумно дорогой.

И тот, на кровати, — это был Ханс Деппе, режиссёр. Я полагаю, он ужасно милый. Это хорошо, что он говорил на берлинском диалекте, не на баварском, а то я бы вообще ничего не понимала.

Завтра мы с мамой едем в Кёльн. И уже оттуда вылетим в Берлин. Лететь! Я ещё никогда не летала.

Надеюсь не провалиться на кинопробах. Вот был бы кошмар! Это... это просто невозможно себе вообразить! Мамочка — молодчина, что всё это для меня устроила!

Сейчас всё же посплю. Я же устала смертельно. Если бы я уже была в Берлине...

18 августа 1953 года

Вот уже несколько дней я в Кёльне. Мы приехали в спальном вагоне. Должна сказать, мне это нравится. Чудесное ощущение, когда тебя во сне покачивает. Наверно, как у младенца, когда его укачивают, чтобы успокоить. Надо только не оказаться над колесами, это неприятно, говорит мама.

Признаюсь, всё это меня очень волнует.

Вообще многое изменилось. Знать, что тебе уже больше никогда не надо будет в школу, — это так необыкновенно, что я себя иногда щиплю за ухо, чтобы убедиться, что я не сплю. Это так прекрасно, но всё-таки мне чего-то не хватает. Я бы сейчас охотно поболтала с Мони и Маргит. А в Кёльне я никого не знаю.

Кёльн очень сильно разрушен. У нас в Гольденштайне или в Берхтесгадене вообще незаметно, что недавно была война. А здесь и правда печально. Вчера я посмотрела на фасад Кёльнского собора. Он прямо возле вокзала. Все дома, что стоят поблизости, даже самые высокие, выглядят рядом с собором совсем маленькими и неприметными. Фантастика, что столько веков тому назад построили такое произведение искусства! Сегодня всё гораздо более трезвое и практичное. Как-то без романтики и без идеи.

Я не могу сосредоточиться. Вот опять сижу почти целый час и мечтаю. Если бы эти кинопробы уже прошли! Текст я выучила наизусть уже давно. Кажется, даже чувствую, что это за девочка, которую мне надо играть.

Эта девочка узнаёт, кто её отец. Мама ей говорит: это очень известный певец, исполнитель шлягеров. Девочка его до сих пор видела только издали, когда толкалась среди его поклонниц.

Я точно могу это сыграть.

27 августа 1953 года

Я сейчас перечитала страницы, которые я написала ещё в интернате и в Мюнхене. Если читать подряд всё, что написано, то это выглядит довольно-таки по-дурацки. Смешно: в тот момент, когда что-нибудь записываешь, кажется — это очень важно.

Пока читала, убедилась: дневник нужно дополнить кое-чем из

жизни в интернате. Это я ещё сделаю. Но как всё это уже далеко, каким чужим вдруг стало!

Вот был карнавал. Мы все уже за несколько недель волновались по этому поводу. Директриса пригласила учительницу танцев. На настоящем карнавале ведь все танцуют. Причём некоторые просто валяют дурака. Но я не думала, что для меня это будет уж слишком трудно. Нас разделили на две группы. Одни танцевали за девочек, другие — за мальчиков, чтобы получились пары. Я была, конечно, мальчиком. Мы выучили румбу, самбу и все танцы, которые сегодня полагается уметь танцевать. Потом был бал, правда, очень милый. Но, как обычно бывает, прекраснее всего — когда ещё чего-то ждёшь.

30 августа 1953 года

Послезавтра мы летим в Берлин!

1 сентября 1953 года

Мама находит, что это глупо. Но я всё равно хочу быстренько записать хоть несколько строк. Надеюсь, получатся не совсем уж каракули, чтобы потом можно было прочитать.

Мы сидим в самолёте! Я вообще-то не боюсь. Я сижу возле окна, справа, как раз где пропеллер. Поэтому крыло не закрывает мне обзор. Конечно, много тут не рассмотришь. Только как мы стартовали, и как медленно взлетели, и как самолет развернулся — и можно было увидеть, какая, оказывается, Земля маленькая...

У нас две симпатичные стюардессы. Мне бы эта профессия тоже подошла.

Когда взлетаешь, нужно пристёгиваться, как будто боишься выпасть из самолета. А иначе зачем бы?

Прекращаю писать: пора обедать. По мне — это шикарно, что в самолете подают обед. Мама говорит — так всегда. Потом я буду всегда летать!

2 сентября 1953 года

Вот и всё, я это сделала! Мой желудок совсем пустой. Там так давит, точно как вчера в самолёте давило на уши, когда мы приземлялись. Сейчас я даже не знаю, как получились мои кинопробы.

А было так: мы поехали в Темпельгоф. Это совсем близко от аэродрома, куда мы вчера прибыли, и от старой студии УФА.

Когда я раньше рассказывала девочкам про студию, то представляла себе все совсем не так. А там — большие ворота, сидит привратник. На всей территории киностудии — настоящие улицы, высокие дома; они выглядят как громадные спортзалы. На

каждом — табличка: павильон 1 или павильон 5.

В одном из зданий — гримуборные. Для съёмок это очень важно. Там переодеваются, гримируются и ждут своей очереди. Эти комнаты не очень-то красивые и совсем маленькие.

Мы с мамой тоже получили такую гримёрку. На дверях написаны имена актёров, например: Магда Шнайдер. Но у нас такой таблички нет, потому что снимаются только кинопробы, а не настоящий фильм. Господин Деппе, режиссёр, тоже уже был здесь. Он выглядел совсем не так, как тогда в Мюнхене, в больнице. Но был ужасно симпатичный.

Нам нужно было в павильон 1. Мне было совсем не по себе. Я всё время себе говорила: спокойно, спокойно, Роми! Успокойся, а то всё испортишь.

Но успокоиться не получалось. Я думала, я жутко вспотею, но на самом деле — нет. Первый раз в жизни меня загримировали! Мне не пришлось делать это самой. Мне казалось, всё лицо упаковано в целлофан. А ведь они меня только немножко загримировали, совсем чуть-чуть.

В павильоне 1, я слышала, только что был Стен Кентон. А теперь я тут должна сниматься! Господин Деппе сел на свой стул. (Мама мне говорила: у каждого режиссёра здесь собственный стул, и на стуле написано его имя. Наверно, чтобы каждый знал, кто он такой!)

Изнутри павильон выглядел ещё больше, чем снаружи. Почти как большой сарай, только без сена. Кругом стояли декорации — половина комнаты из картона. Или кусочек кухни. Ещё там были большие стальные подмостки, на них возились рабочие. И ещё свет, большие прожекторы. Если кто-то бежит в этой тесной мешанине из проводов, проволоки и рельсов, вполне может запутаться.

Ах да, я ещё очень подивилась этим рельсам. По ним ездит камера, на вагончике, то туда, то обратно, как нужно для съёмки. Эта штука, на которой смонтирована камера, забавно называется «салазки».

2 сентября 1953 года, вечер

Мы уже поужинали. Хочу кое-что ещё записать. Мама мне успокаивающе подмигивает. Это должно означать: у тебя всё получилось. Ну конечно, я же ни о чём другом думать не могу. Больше всего меня смущали люди, их было много вокруг нас в студии. Не меньше чем человек тридцать. Я всё думала, когда же они уйдут. Но никто не уходил. Все оставались тут. Они тут были свои — вроде камеры. Я всегда думала, что на съёмках остаешься одна или, в, крайнем случае, с теми, кто тоже снимается.

Дальше всё пошло очень быстро. Господин Деппе всё время говорил:

— Не смотри в камеру!

Я должна была войти в дверь. Повесить своё пальто. Мама уже сидела за столом. И потом мы проговорили всё, что я выучила. Вот и всё.

— Прекрасно, Ромихен, ты всё прекрасно сделала, — сказал господин Деппе. У меня в голове всё шло кувырком, настолько я была не в себе.

Потом пришёл господин Везель, фотограф. Маленький, юркий человечек, у которого, как мне рассказали, своё фотоателье где-то возле Курфюрстендамм. На всех съемках он фотографирует актёров.

Фотографии потом через пресс-службу попадают в газеты. А уж дальше всё зависит от газет. Я страшно волнуюсь: напечатают ли в газете и моё фото?

3 сентября 1953 года

Сегодня мы опять шатались по Берлину. Скоро улетаем обратно в Кёльн. Мы живём в отеле на Штайнплац. Владелец отеля женат на Винни Маркус.

Мы были на ярмарке, ездили на радио. Ещё осмотрели Бранденбургские ворота. Там стоят народные полицейские. Это полиция Восточной зоны. Они проверяют каждого, кто переходит через границу в советский сектор. Мы не пытались. Но мы могли туда посмотреть. Улица, которую нам было видно, называется Унтер-ден-Линден. Я это название уже знала, потому что оно звучит в шлягере Пауля Линке. Мама мне рассказывала, что раньше это была самая роскошная улица в Берлине. Но нам было видно не так уж много.

4 сентября 1953 года

Сегодня пятница. Мы шикарно попили кофе. Идти гулять у меня не было охоты.

Вот если бы я уже знала, будут меня снимать или нет! Вообще-то я себе представляла, что всё это происходит проще. Стать киноартисткой стоит много нервов.

Может, было бы лучше идти в художественные промыслы и расписывать тарелки — делать то, о чём я заранее знаю: мне это в удовольствие. И куда проще. Кино — это непросто!

Эта гнусная неизвестность! Полгода назад я и мечтать об этом не могла. Да что там полгода — я и два месяца назад посчитала бы это невероятным!

Как раз два месяца назад был наш выпускной вечер. Пришёл

даже архиепископ. В столовой собрались все монахини. И мы вошли, каждая — с большой свечой в руке, и все другие девочки тоже, кто ещё не заканчивал школу. Мы были в нашей форме, в матросских костюмах.

Директриса произнесла речь, потом отслужили мессу. Ко многим приехали родители. Мы все ужасно рыдали, а я — громче всех. Всё-таки это же было прекрасно, многие годы.

Но это всегда замечаешь только потом, когда всё уже кончилось.

4 сентября 1953 года, вечером

Я ещё раз просчитала свои шансы. Господин Деппе был, правда, очень мил, но он меня точно не возьмёт. Я в Берлине познакомилась с несколькими девочками, они тоже пробовались на роль, как и я. Против них я ничто.

Ну и наплевать!

6 сентября 1953 года

Удалось! Получилось! 8 сентября мы, мама и я, едем в Висбаден. Всё получилось! Я снимаюсь! Здорово! Просто здорово!

10 сентября 1953 года

Писать дневник здесь, в Висбадене, я вообще не могу.

Совсем нет времени.

Когда я вечером ложусь в постель, я или жутко устала, или должна ещё учить мою роль на завтра. Профессиональные выражения, которые надо знать, довольно-таки странные. Например, установка. Звучит так, как будто я должна иметь собственное отношение к каким-то вещам. А на самом деле здесь это означает просто — кадр. И камера будет установлена для этого кадра. Каждый фильм состоит из сотен таких кадров. Между одним кадром и следующим всегда нужно какое-то время.

Декорации тоже должны перестраиваться. Каждая сцена сначала «высвечивается», то есть прожектора располагаются так, чтобы тени и свет правильно сочетались друг с другом.

Вилли Фрич, кстати, со мной невероятно мил.

11 сентября 1953 года

Сегодня я была просто в шоке. Мама мне рассказала, что у неё была договоренность с господином Ульрихом, но мне она раньше ничего не говорила, чтобы меня не волновать. Она боялась, что у меня со съёмками ничего не получится. Вообще-то не мешало бы ей немножко больше мне доверять.

Мама договорилась с господином Ульрихом, что она может

забрать меня из фильма, пока не прошла первая неделя съемок! Если бы маме не понравились репетиции, то меня просто отослали бы назад в Берхтесгаден — и с кино было бы покончено!

А теперь, в самом начале съёмок, уже была очень трудная сцена — Вилли Фрич и я. (В среду 9 сентября — важная дата!)

Вилли Фрич играет знаменитого эстрадного певца, исполнителя шлягеров Билла Пэрри, а я — его дочь. Правда, он обо мне ничего не знает. Но я-то знаю, что он — мой отец. Эпизод, где мама мне выдаёт эту тайну, я должна была играть в Берлине на кинопробах.

Так вот, мы с Ниной — это по фильму моя подруга, дочь берлинской актрисы Алексы фон Порембски — идём в отель, где живет Билл. Мы хотим взять у него автограф. Он стоит перед нами, улыбаясь, с сигаретой в руке, и вообще не представляет себе, кто я такая. Я выпаливаю эту новость — и он теряет дар речи. Мы с Вилли сначала прошли всю сцену, и потом всё получилось на самом деле здорово! Мне там нужно было плакать. И я заплакала!

Мамы при этом не было. Она потом пришла на студию, очень волновалась. Привратник ей сказал: всё отлично!

Я уже закончила с первым эпизодом. Все были мной очень довольны, кроме мамы.

Вилли Фрич даже сказал в первый же день:

— Удивительно, как она свою роль не просто играет, но и внутренне проживает. Действительно, великолепное дарование!

И при этом он имел в виду меня! Вот это комплимент! Мне его сделал профессиональный киношник. Я жутко покраснела и вышла.

Вилли Фрич просто восхитителен! Да, а мама до сих пор сомневается. Только вчера она дала согласие. Я могу сниматься дальше, она так и сказала. Иначе попала бы я впросак: я ведь уже успела написать Мони и Маргит, как здесь, в Висбадене, здорово.

12 сентября 1953 года

Я уже и раньше слышала, что у меня фотогеничная внешность. Фотогеничная! Речь идёт о том, что ты хорошо получаешься на фото. Многие девчонки отлично выглядят, но когда их фотографируют, то вся прелесть куда-то девается. А у меня всё наоборот. Нет, конечно, не совсем наоборот, потому что — без хвастовства, правда! — я и в жизни выгляжу не так уж плохо. Вовсе не плохо. Девочки это всегда про себя знают.

Я попаду на обложку! Куплю штук десять журналов, не меньше. Вот шумиха-то будет!

19 сентября 1953 года, вечером, в постели

Вилли Фрич представлял меня в фильме публике, на сцене, как свою дочь. На мне было дивное белое тюлевое платье в пёструю крапинку. Он тоже выглядел очень элегантно: белый костюм, белые туфли и тёмный галстук в горошек. Все статисты, кто играл публику, аплодировали. Надеюсь, когда фильм выйдет, тоже все будут аплодировать. Я бы сквозь землю провалилась, если бы меня нашли безвкусной.

20 сентября 1953 года

Гёц Георге тоже играет. Он сын Хайнриха Георге. Хайнрих Георге был очень знаменитый. После войны его посадили в тюрьму, и он там умер. Мне бы хотелось посмотреть какой-нибудь фильм с ним, теперь, когда я знаю Гёца.

Вчера я услышала, что премьера будет в «Универсуме», в Штутгарте. Это самый большой кинотеатр. В самом большом кино!

Мы все тоже там будем, на премьере. Но сначала надо закончить фильм. Потом сделают копии, мне рассказал наш оператор Шульц. Это тоже займёт какое-то время. Вечно надо чего-то ждать!

24 сентября 1953 года

Я порхаю как облако в своём наряде. Как агнец божий, сказала бы я. Есть такой старый шлягер, тридцатилетней давности: «Аромат, который сопровождает красавицу...»

Вчера мне исполнилось пятнадцать лет, я вдвое моложе того шлягера. И к этому дню я получила в подарок громадный флакон духов «Шанель № 5», Париж. Париж — моя мечта...

Вчера мы все вместе чудесно отпраздновали. Это был мой самый прекрасный день рождения. Может, были и другие, тоже прекрасные, но я этого просто не помню: была слишком маленькая.

Теперь и мой дневник тоже пахнет. Я эту страницу надушила. Надеюсь, аромат выветрится не так уж быстро.

15 октября 1953 года

Уж так мне лень писать! Точно по пословице: никогда не откладывай на завтра то, что ты можешь сделать послезавтра. Вот послезавтра непременно напишу.

9 ноября 1953 года

Наконец-то. Упала последняя хлопушка, как говорят на киношном жаргоне. Это слово не имеет ничего общего с «большой

хлопушкой», как иногда бранится старый берлинец господин Деппе, если слышит, как кто-то выражается слишком высокопарно. Тут совсем другое: хлопушка — это просто две дощечки, и на них мелом написан номер кадра. Эту хлопушку тоже снимают, перед каждым эпизодом. Чтобы потом монтажёр при склейке фильма знал, какой кусочек плёнки к чему относится.

Итак, мой первый фильм готов. Вдруг он останется единственным? Что касается меня, то я бы так и продолжала. Обстановка здесь мне нравится.

Вот, к примеру: я сижу в моей гримёрке, и всюду струится чудесный аромат. На кушетке у стены, позади меня, лежит вечернее платье — в нём я должна быть в главной сцене с Вилли Фричем. Оно из белого тюля; впрочем, кажется, я его уже однажды описывала.

Оно и правда очень красивое, спокойно можно написать про него два раза. Его изготовили специально для меня. Мама сказала, что мне, может быть, разрешат его забрать. Но, конечно, не сейчас.

Все люди здесь ужасно милы и приветливы ко мне. Я на самом деле хотела бы ещё раз с ними поработать. Осветители, операторы, гримёры, костюмёры — почти все в деле уже годы. Они всё знают, они принадлежат этому делу. Вот если бы когда-нибудь так можно было сказать и обо мне!

10 ноября 1953 года

Завтра мы едем в Штутгарт. Я ещё никогда там не была. Слышала, публика там особенно приветливая, но я думаю, прокатчики говорят так о каждом городе, чтобы придать актёрам смелости перед премьерой. Вечернее платье я беру с собой. Мне разрешили оставить его себе и после премьеры. Уж скорее бы всё это кончилось.

Сценическая лихорадка — это что-то ужасное. Но мне предстоит, кстати, кое-что и кроме сцены. Перед фильмом будет пресс-конференция. Те журналисты, с кем я уже познакомилась, были очень славные. Но что ждёт меня теперь?

Ну, уж совсем плохо быть не может, потому что странным образом пресс-конференция пройдёт до того, как пресса увидит фильм. Значит, поводы для придирок появятся только потом. Хорошо, что мама здесь, со мной.

11 ноября 1953 года

Всё уже позади! Я жива и даже чувствую себя ничего.

Мы остановились в отеле Государственной железной дороги.

Он прямо в здании Штутгартского вокзала, шикарно обставлен. Вообще приятно жить в отеле.

Пресс-конференцию я себе, собственно, представляла совсем иначе. Нина, Гёц и я сидели у стола и отвечали на вопросы. Вопросы были в основном одни и те же. Я вскоре уже могла выпаливать свои реплики наизусть.

Но всё равно волновалась.

Я выпила так много яблочного и апельсинового сока, кофе и газировки, что потом мне было очень не по себе. Господин Торклер очень заботливо за мной ухаживал. Поэтому я чувствовала себя не слишком неуместно среди этих журналистов.

А потом наступило самое волнующее событие этого необыкновенного дня: раздача автографов!

Я уже раньше давала автографы. Но тут творилось такое, что превзошло все ожидания, даже самые дерзкие. Если бы я знала, что мне предстоит, то перепроверила бы дома ещё раз, как моё имя выглядит лучше всего. Роми Шнайдер — с этакой закорючкой, или просто так: Роми Шнайдер. До сих пор я всегда если подписывала какое-нибудь письмо или, тем более, официальную бумагу, то ставила — Роземари Альбах. И вдруг — Роми Шнайдер.

Хорошо ещё, что дома я пару часов поупражнялась в скорописи. Причём писала только своё имя, так что мама как-то странно на меня посмотрела, когда внезапно вошла в комнату и застигла меня за этим тупым занятием. Но чего не сделаешь, чтобы прославиться!

Когда поток охотников за автографами иссяк, настало время выходить на сцену. Ах да, я же забыла самое главное!

В финале фильма Вилли Фрич в роли Билла Пэрри должен на взлётной полосе сунуть мне в руку настоящий каштан. И точно такой же каштан, только из чистого золота, подарил мне к премьере господин Ульрих, продюсер. Получился ещё один талисман. Поэтому я взяла оба, когда вышла на сцену «Универсума».

Это было потрясающее чувство. Весь кинозал был заполнен, весь, до единого места. Тысяча людей, две тысячи — не знаю, сколько. Я смотрела на них и пыталась найти, за кого мне зацепиться взглядом. И никого не находила. И вдруг увидела прямо в первом ряду молодого человека. Он так приветливо мне улыбался, что я сразу осмелела.

И тогда я прочитала свой стишок, который приготовила мне мама. И все аплодировали. Все ликовали. Снова и снова, когда я уходила за сцену, кто-то с восхищением пожимал мне руку. А всего меня вызывали 64 раза.

Сама-то я не считала. Я просто без конца выходила на аплодисменты и делала свой книксен. Я была счастлива до потери сознания — так счастлива! Ещё чуть-чуть, и я бы заплакала от счастья.

Теперь начинается жизнь всерьёз. Может быть, я получу ещё один фильм. А иначе зачем бы публика так хлопала?

15 февраля 1954 года

Премьерное турне получилось напряжённым. В Мюнхене тоже было столпотворение. Наконец мы полетели в Берлин. Там дали залп из всех пушек сразу: фильм вышел одновременно в нескольких десятках кинотеатров. Мы устроили презентацию в громадном «Мерседес-Паласе»: Пауль Клингер, Вилли Фрич, мама и я. Потом уехали в Кёльн.

20 февраля 1954 года

Сегодня мы с мамой ходили в школу художественных промыслов в Кёльне. Я уж совсем было решила туда записаться. Мне же ещё в интернате очень нравились рисование, живопись, роспись по тарелкам. Но обстановка в школе мне не понравилась. Да и девочки все были старше — 17, 18 и 19 лет.

Мы ещё раз об этом поговорили. Мама попыталась меня убедить. Но я думаю, этот поезд уже ушёл. И мне не хотелось бы в него вскакивать. С другой стороны, было бы, конечно, не очень хорошо в будущем попасть в полную зависимость от кино. Я недавно читала, что у болгарской королевской династии была старинная традиция: все принцы должны были обучаться какому-нибудь ремеслу. Один, например, становился машинистом, другой — слесарем или не знаю кем ещё. Мне это нравится. Если трон зашатается и рухнет, то короли могут себя прокормить, причём неплохо. Не зря же есть поговорка: ремесло — золотое дно.

С художественной школой ничего не выйдет. Но осмотреться и подыскать себе что-нибудь всё-таки можно.

Ещё когда мы снимали «Сирень», мама получила ещё одно предложение для меня. Пока это было не наверняка, я ничего и не писала. Теперь, кажется, всё складывается удачно. Я должна играть главную роль на студии НДФ. Они хотят экранизировать «Фейерверк», и Лили Пальмер споёт «О, мой папа». У меня дома есть эта пластинка. Но я её больше не ставлю, потому что эту песню и так без конца крутят по радио.

Я буду играть молодую девушку. Она просто заболела цирком и вообразила, что должна стать артисткой, но потом всё-таки возвращается к человеку, который раньше для неё много значил,

— к простому садовнику. Этого садовника сыграет Клаус Бидерштедт. Я его, правда, не знаю. Но все, кто его знает, говорят: он очень симпатичный.

1 мая 1954 года

Каникулы в Берхтесгадене. Чудесно! Почти как раньше. Я люблю горы. Мне нравятся эти зелёные луга, а коров я бы просто обнимала, когда они бродят по пастбищу, а их большие колокольчики позвякивают в такт.

Стыд и срам! Я уже несколько месяцев не вела дневник.

Письмо от директрисы. Она сочинила к школьному празднику стихи для восьмидесяти учениц, милая моя. Теперь она зовёт меня приехать и прочитать эти стихи вместе с ней. Я бы — с удовольствием. Хотя бы чтобы показать, что я — не такой уж безнадёжный случай, как раньше говорила директриса. И конечно, было бы здорово увидеть Маргит и Монику. Мы пишем, правда, друг другу каждую неделю, но всё же это не совсем то: ведь всё не напишешь, о чем хочется сказать. К тому же ждать ответа — такая тоска! Вот если бы переписка была как по телевизору или хотя бы по телефону, чтобы представлять себе, что твой собеседник делает и как он выглядит. А вот если пишешь дневник, это совсем другое дело. Можно потом вспоминать, как это было, когда ты писала вот эту фразу. Или когда что-то придумывала.

Я ещё раз поговорила с мамой. Но она считает, что мне нужно быть разумной. Сейчас мне лучше отдохнуть. А в интернат съездить позже. Ведь когда я ещё смогу сделать перерыв в работе, не знаем ни я, ни она. Конечно, она права. Жаль! Устроила бы там такой переполох, что потом о нём говорили бы целый год.

15 мая 1954 года

Мой новый фильм будет сниматься в Гайзельгаштайге. Мама на этот раз не участвует. Поэтому я еду в Мюнхен одна.

18 мая 1954 года

С тех пор как я в Мюнхене, я не написала ни строчки. Фильм в основном похож на другие. Та же обстановка. В Берлине ли, в Висбадене или Гайзельгаштайге. Люди такие же.

У них другие имена, другая внешность, но та же цель: сделать хорошее кино. Каждый верит в это, и работает для этого и делает всё, что может. И когда что-то готово и вечером отсматривают эпизоды, только что отснятые, то все довольны или недовольны — одинаково. И когда фильм закончен, каждый знает, что в нём получилось, а что нет.

20 мая 1954 года

Чувствую себя как будто слегка навеселе. Не знаю, счастлива ли я или мне, наоборот, грустно. Я даже не знаю, должна ли я обо всём этом написать. Но думаю, что должна. Хотя бы просто чтобы выговориться, отвести душу.

Вообще-то это ужасная профессия — киноартистка. Артистка! Тут нужно выкладываться полностью. Но бывает, что это невозможно. Вот ты сидишь, или стоишь, или кричишь, или плачешь. И нужно себя до конца отдать, вжиться в это, если хочешь всё делать хорошо, но в то же время надо отстраняться, сохранять ясную голову.

Я знаю, что могу просто раствориться в этом актёрстве. Это как отрава: ты её глотаешь, и вот ты к ней уже привыкла, как будто она тебя околдовала, но ты и проклинаешь её.

Мне теперь 15 лет. Я была с бабушкой в Берхтесгадене, была в школе, была в интернате. И вдруг я оказалась в кино. Впервые я должна играть то, о чём я до сих пор не имела ни малейшего представления.

Я никогда не забуду: раньше, когда я сидела в кино и на экране разыгрывалась любовная сцена, то я всегда закрывала глаза, потому что мне было стыдно. Потом я начала подсматривать, из любопытства. Но всегда думала: так не должно быть. Это же дело только двоих, и эти двое должны быть совсем одни. Только вдвоём, больше это никого не касается.

И вот сегодня я сама должна перед камерой делать что-то вроде этого. Может быть, не знаю, если кто-то в кино уже лет десять или ещё дольше, ну как Марлен Дитрих или Стюарт Грейнджер... Если Стюарт Грейнджер обнимает Марлен или берёт её на руки и по-настоящему целует, или она делает что-то такое, то потом Марлен Дитрих может спокойно уйти к себе в гримёрку и разгримировываться, и сесть в машину, и ехать домой, и есть свиную отбивную, и вообще больше об этом не думать... Я — я так просто не могу!!!

Сегодня утром я ни о чём не подозревала, когда пришла на студию. Я не знала, что мы будем снимать. Так часто бывает, что заранее ничего не знаешь: это зависит от слишком многих вещей. Если натурная съемка, то от погоды. Если в павильоне, то от того, как лучше использовать выгородки, декорации, как подготовились монтировщики, и ещё много чего приходится учитывать. Так вот, получаю я сегодня утром дневной план, и меня бросает то в жар, то в холод: на очереди — любовная сцена с Клаусом Бидерштедтом.

Честно-честно: я по-настоящему испугалась. Можно было бы,

конечно, просто придуриваться, чтобы все кругом смеялись, — но нет, это мне тоже не подходит.

В общем, я разнервничалась. Сижу в гримёрке, и господин Штангль меня гримирует. Раймунд Штангль — он работает на картине гримёром. Тут Клаус с грохотом открывает дверь.

— Ну, Роми, — говорит он, — ты выучила свой эпизод?

Я не знаю, что сказать. Клаус не отстает:

— Думаю, ты уже потренировалась?

Я чувствую, как краснею под гримом. Но понимаю, что тоже должна посмеяться. Клаус был такой милый, что я просто не успела устыдиться.

И вот мы в павильоне. Я ещё не сказала: Клаус играет молодого садовника, его зовут Роберт. Я — Анна, дочь некоего господина Оберхольца, надутого владельца «Фабрики изящных садовых украшений». Иначе говоря, мой папа производит садовых гномиков, ещё там всякие мухоморы, олени и прочая чепуха. Я влюблена в Роберта, и мы тайком встречаемся в оранжерее, среди примул и гвоздик.

В студии тоже построили роскошную оранжерею. Мы сидим там рядышком на скамейке. Курт Хоффман, режиссёр «Фейерверка», стоит у камеры:

— Давайте, дети. Сначала пройдём эпизод.

Сижу возле Клауса, чувствую — душа ушла в пятки.

Господин Хоффман недоволен:

— Ну, целуйтесь же! Ну! — кричит он. — Мы уже репетируем!

И мы целуемся, и целуемся, и целуемся. Вокруг орут и смеются.

— Целуйтесь, целуйтесь, целуйтесь!

И мы продолжаем целоваться.

Я не думаю. Я вообще ни о чем не думаю.

Внезапно всё это заканчивается. Кто-то кричит:

— Всё, снято. Чудесно получилось!

И все смеются. Я мчусь к себе, разгримировываться.

Я так благодарна Клаусу. Он отличный парень. Я его, кстати, и раньше считала очень славным парнем.

9 июня 1954 года

Мы были в театре на Гартнерплац. Там шёл «Прощальный вальс», гастрольный спектакль. Мы — это мама, Дэдди и я. Мама и Дэдди приехали в Мюнхен на несколько дней, навестить меня.

Мы вышли из театра в отличном настроении и сразу поехали в отель «Четыре времени года», у Дэдди там была договорённость о встрече с господином Вальтершпилем, который держит самый

известный, а может, и самый лучший ресторан в Мюнхене.

Мы заняли места в зале. Я люблю такие залы в отелях. Они старинные, картины на стенах, тяжёлые портьеры, огромные галереи, по которым идёшь как по облакам, и какой-то терпкий, острый запах так называемого «большого света». Это звучит глупо. Конечно, Большой свет не может ничем пахнуть сам по себе. Я имею в виду некий дух Большого света — ароматы прекрасных женщин, толстенных сигар — их курят миллионеры, — роскошных яхт и лимузинов, всяких штучек для гольфа — ну, не знаю, чего ещё.

Нас уже ждали Эрнст Маришка и его жена Лили. Маришка — режиссёр, очень даже известный. Мама уже давно знала их обоих. Взаимные приветствия. Мама демонстрирует меня, как это всегда делают матери: держатся будто бы безразлично, но и слепому видно, что в глубине души они ужасно гордятся. Но ведь и правда, у мамы нет никакой причины роптать на судьбу: недотёпой меня не назовешь. До сих пор — уж точно. (О школе мы умолчим.)

Господин Маришка уже видел «Сирень». Вот, сидит теперь в кресле и молчит.

К обеду подали говядину с хреном. Я от этого просто умираю!

10 июня 1954 года

Вчера не получилось ничего больше записать. Я напилась лимонада. Лимонад действует на меня как алкоголь. После него я этакая развесёлая, как будто под мухой, и почти что без тормозов. Значит, надо сейчас всё быстренько записать. (Дневник — это такое дело: раз начал, то это уже почти обязанность.)

Ну вот, Маришка сидел и молчал как рыба. Он поглядывал на меня, я — на него. Почему бы и нет? Он же симпатичный.

Наконец он вздохнул:

— Теперь я понял, почему я такой несчастный!

Надо бы запомнить эту фразу. Думаю, ничего лучше не скажешь, если хочешь сразу привлечь к себе внимание. Каждому же интересно, что да как, да почему кто-то несчастлив.

Значит, господин Маришка заговорил! (Ох, Боже мой, лимонад! Я просто дурёха!) И объяснил, что с ним. Оказывается, он сейчас как раз готовится к новому фильму. Фильм будет называться «Юность королевы». Что-то вроде этого уже однажды экранизировалось. С Женни Юго в заглавной роли. Тогда, как и сейчас, Маришка сам и сценарий написал.

— Конечно, все отлично, — продолжал он. — Я даже уже кое-кого пригласил на роль. Но теперь, когда я вижу Роми...

Многозначительное молчание.

Я совсем оробела. Роми? Это же не может быть серьёзно. Хотя... В конце концов, не зря же его зовут Эрнст [2], подумала я.

Но тут он встал и исчез.

Мама, Дэдди и я переглянулись. Вот это да! Роми — королева Виктория.

Сюжет фильма разворачивается вокруг случайной встречи английской королевы и какого-то графа, его зовут Альберт.

Через полчаса Маришка вернулся, не помня себя от радости. Ещё он привёл с собой господина Тишендорфа из кинопрокатной фирмы «Герцог».

— Ну всё, дети мои, другой артистке я отказал. Она зато сыграет в фильме «Моя сестра и я». А Роми сыграет королеву!

Ясно, я говорю — да. Малышка Роми ещё себя покажет! Когда я об этом думаю, то у меня чуть ли не руки-ноги отнимаются.

10.06.1954

Виктория, королева Англии

1 августа 1954 года

«Фейерверк» отсняли. Я получила своего Клауса, а Лили Пальмер сохранила своего Карла Шёнбека. Точно так, как это предусмотрено в сценарии.

Теперь можно немножко отдохнуть. После таких долгих съёмок чувствуешь себя так, как будто тебя прокрутили в мясорубке. Не зря же говорят — крутить кино...

Ужасно рада, что буду занята в «Юности королевы»: моя первая настоящая главная роль!

Виктория была потрясающая женщина. Я уже представляю, как она всё это делала и как управляла. Целая историческая эпоха так и называется ее именем: викторианская. Для англичан это звучит примерно так, как для нас — «старое доброе время».

Раньше я часто мечтала о том, как было бы здорово, если бы я родилась какой-нибудь принцессой. И вдруг я сразу — королева. Надо написать об этом в Гольденштайн. Мони и Маргит, конечно, за меня порадуются. Но остальные просто лопнут от зависти. Ну и пожалуйста.

1 сентября 1954 года

Господи Боже, опять я забросила дневник! Но тут уж виновата подготовка к «Юности королевы». Даже в Берхтесгадене я должна была учить свою роль. Но сейчас мы в Вене. Вена! Это как сон. Мой родной город. Он так чудесно лёг мне на душу. Скорее всего, это только воображение, но когда мы въехали в город, я почувствовала себя как дома. Люди говорят так мило, всё так уютно. Если бы я умела сочинять стихи, сразу бы сочинила. Но

сейчас я подумала: на слово «Вена» совсем мало рифм. Точно! Поэтому все венские песни заканчиваются или на слове «вино» или как-то вроде этого.

Мы живём в отеле «Амбассадор». Завтра мама покажет мне город.

У меня внутри всё вертится. Как колесо обозрения в Пратере. Если бы мне нужно было сказать, что мне здесь больше всего понравилось, то я бы не знала. Вена — чудесный город. Несмотря на русских и американцев. Здесь никто ничего не усложняет — не то что в Берлине, например. Один водитель такси мне рассказывал:

— Да знаете ли, мы этих союзников всерьёз не воспринимаем! Они для венцев — просто пустое место.

Я думаю, это здорово. И эти русские, и французы, и кто угодно, кто хоть какое-то время пробудет здесь, они заражаются от венцев. Им тоже становится на всё наплевать, и они тоже пьют молодое австрийское вино, и они тоже чувствуют себя хорошо и уютно.

Да, теперь я знаю, что мне тут больше всего нравится. Пирожные в кафе «Демель». М-м-м... У меня до сих пор их вкус во рту. Если бы можно было съесть их больше... Но мама меня вечно тормозит и говорит: стоп, а то растолстеешь. Подумай: ведь королева Виктория была стройна, как ёлочка. Она права, конечно. Но ведь королева была меньше меня ростом. Завтра я тайно сбегаю ещё раз в «Демель» и наемся до отвала. У меня ещё достаточно карманных денег.

Да, что мне только что пришло в голову: нужно будет непременно поторговаться с мамой насчёт карманных денег. Их наверняка должно быть больше, ведь я теперь сама зарабатываю. К тому же нельзя ведь держать в чёрном теле королеву.

3 сентября 1954 года

Снова я встретилась с Рудольфом Фогелем. Мы с ним вместе снимались в «Фейерверке». Постепенно это начинает доставлять удовольствие. Потому что узнаёшь множество людей. Карл Людвиг Диль, наверно, очень приятный. Сердечко у меня трепещет. Но ведь это хорошо. Я думаю, пока испытываешь страх перед первым съёмочным днем, всё остаётся свежим и придает силы.

Помогите! Я же забыла самое важное: первый бал кино в отеле «Эспланада». Я всё время хотела об этом написать. Это было волнующее событие в Берлине. Сегодня вечером я это сделаю.

Мой первый бал кино! Кто участвует в любом событии как

новичок (как я, потому что я ведь всего несколько месяцев работаю в кино), тот всё воспринимает как сказку. Я и сейчас отлично помню, как это было, когда я пробегала статьи в газетах о таких балах кино или любовалась на звёзд в кино-журнале: как они с неподражаемым величием вышагивали по какой-нибудь лестнице, проинтервьюированные и расфотографированные, демонстрируя ослепительные улыбки и удивительные наряды, — и тогда у меня перехватывало дыхание от восторга, и тогда я засматривалась с любопытством, и робостью, и упоением на роскошь и блеск, открывавшиеся мне.

А теперь я вдруг, почти в один миг, оказалась посреди всего этого!

И вот что: не всё то золото, что блестит, — если увидишь это совсем близко. Но зато кое-что, наоборот, куда красивее, чем рисовалось в моих фантазиях.

Великолепный выезд автомобилей, множество людей, желающих хотя бы одним глазком взглянуть на мир кино, — и я, я блистаю среди них! Шествую рядом с мамой по залу, меня представляют, я приветствую, меня приветствуют — с ума сойти можно!

Вот я стою рядом с теми, кого ещё недавно видела только во сне, — и они так милы со мной!

Некоторых я уже знаю. Вот Вилли Фрич. С ним я танцую, а другим приходится отказывать. Так жаль! Я ведь не от гордости, я просто боюсь опозориться. Я же выучила только несколько танцевальных па! Мама сидит рядом со мной. Я ею восхищаюсь: она такая раскованная! Болтает со всеми, наслаждается всем этим — а я против неё настоящий гадкий утёнок.

Я себе клянусь: всё будет по-другому. Каждый вечер буду тренироваться перед зеркалом!!

7 сентября 1954 года

Играть главную роль — это прекрасно. Но тяжело. Вообще-то у меня не было каких-то особых сомнений. Но перед началом съёмок «Королевы» наш оператор меня смутил. Бруно Монди кое-что в этом понимает! Мы с ним гуляли вдвоем. Полчасика. И он мне изобразил, что меня ожидает. Играть королеву Англии! Женни Юго в первой экранизации с режиссёром Эрихом Энгелем играла с блеском, и дай мне Бог сыграть хотя бы вполовину так, как она. Ну, правда, напрямую он этого не сказал, но уж думал так, это точно!

Мама рассердилась, когда я ей об этом рассказала:

— Не позволяй себя дурачить!

Но я все же рада, что услышала всё это. Ведь, в конце концов,

начинающие киноактёры годами учатся в театральных школах, прежде чем вообще получить какой-то шанс. А я откуда-то возникла — и вот пожалуйста: хочу с ходу сыграть роль королевы! И думаю, что у меня всё получится, — вот смеху-то!

12 сентября 1954 года

У нас очень милый ассистент режиссёра, его зовут Герман Ляйтнер.

13 сентября 1954 года

Я могла бы без конца танцевать и беситься. Меня заводит песня из «Огней рампы» — вот крутится в голове, и всё тут. Давно уже лежу в постели, но уснуть — НЕ МОГУ! Почему — этого я не напишу. Потому что и так не забуду.

15 сентября 1954 года

Был жутко тяжёлый съёмочный день. Я так устала, что с ног валюсь. Ляйтнер и правда милый. Мы с ним понимаем друг друга просто великолепно!!!

16 сентября 1954 года

Баронесса Кодак даёт мне уроки верховой езды. Да, это противно. Ночь напролёт я должна была лежать в постели на животе, а днём едва могу присесть, так у меня всё болит. А у Диля это хорошо получается. Он уже может скакать.

Но он мне сказал, что первый раз всегда больно, и у него тоже так было. Слабое утешение.

21 сентября 1954 года

Через два дня у меня день рождения. В прошлом году в Висбадене было здорово. Мне любопытно, как будет на этот раз. Они же должны об этом подумать? Конечно! Правда, мама здесь. Мама думает обо всём. Мне будет 16. Я медленно старею. Пока ещё это хорошо — становиться старше. Взрослее и серьёзнее. Но ещё пара лет, и я хотела бы остановиться, как Ханс Альберс в старом фильме, — недавно я его посмотрела. А, вспомнила: этого человека, который вечно оставался молодым, звали Мюнхгаузен. Что-нибудь такое есть про девушек? Я имею в виду — в сказках?

24 сентября 1954 года

Это было просто как на небесах. Чудесно. Это был сон. Когда я ещё только подходила к студии, в воздухе уже что-то носилось. Мне казалось — что-то праздничное. Хотя выглядело всё вроде бы как обычно.

И вдруг в кулисах грянули колокола из «Огней рампы». Моя самая любимая пластинка! Её, конечно, поставила мама, и стояла тут же, сияя, и радовалась, что я радуюсь. С галереи наверху свисал громадный плакат. Там было «Сердечные пожелания счастья нашей Роми» или что-то в этом роде. И все меня поздравляли. И мама немножко поплакала тайком. И был огромный стол с подарками. Всё для меня. Тысяча вещей. Если бы я принялась их считать, то и до утра бы не уснула. Золотая пудреница с рубинами тоже тут была. И новый брелок для моего браслета. Браслет у меня — ещё со времен «Фейерверка». И я собираю для него брелочки. Их всё больше! Каплю вермута я тоже глотнула, это для радости. Как раз в день рождения я поняла, что заболеваю ангиной. Ужасно болело горло. После обеда я его полоскала. Это лучшее, что можно сделать в таком случае. Стало гораздо легче. Впрочем, может, это мне вообще показалось.

Вечером мы ещё долго праздновали в городе. Вена великолепна. Уже второй день рождения в моём родном городе!

Я и мечтать не могла, чтобы в 16 лет что-то прокукарекать в мировой истории. Я ОЧЕНЬ счастлива!

2 октября 1954 года

Дэдди только что разговаривал с мамой по телефону. Вообще-то они разговаривают каждый день. И тут он сказал, что если я хорошо сделаю своё дело в «Юности королевы», то после съёмок мы поедем в Италию!! В первое настоящее путешествие за границу. Вот было бы здорово!!! Сейчас мы идём в театр, мне ещё нужно переодеться.

7 октября 1954 года

До сих пор у меня мрак перед глазами, когда я об этом думаю. Сегодня был первый день съёмок. Мы с Дилем — с самого начала. Всего несколько кадров. Нас сначала сняли спереди, потом — со стороны. Всё это было в Пратере. Вообще-то сцена происходит в лондонском Гайд-парке. Пратер в Вене выглядит очень похоже, так сказал Эрнст.

Сначала мы немножко порепетировали. Я шикарно скакала в дамском седле, как королева, и сразу перешла в галоп.

Но на этом лугу, так похожем на Гайд-парк, есть одна загвоздка: тут в траве полно ям. Луг же не автобан, ясное дело! Поэтому прежде чем начать, вызвали рабочих сцены. Они должны были выровнять нам путь. Вот был бы цирк, если бы лошадь оступилась: ноги сломаны, мы кувырком — в траву, и вся сцена летит к чертям. Но получилось ещё хуже.

Там было каштановое дерево, нам надо было проскакать

мимо него. Вниз свисал огромный сук. Его надо было убрать. Ну, его отпилили, и дело пошло дальше. Тут-то и случилась беда. Снимали второй дубль. Мы чувствовали себя вполне бодро, это ведь было ещё до обеда. И вот, когда мы поравнялись с этим каштаном, меня вдруг что-то резануло по лицу. Это было как удар хлыста. Даже просвистело похоже. Я кричу или не кричу — не знаю. Я даже не помню, было ли мне больно.

В общем, я схлопотала жуткую царапину. Прямо поперёк лица. Наверно, это была тонкая ветка, а мы её не заметили. Ещё бы два миллиметра, и мой глаз — пиши пропало! Вот был ужас.

Картинка: королева Англии с этаким рубцом мчится по всему фильму. Моя щека распухла как фрикаделька. Ни с чем не посчиталась. У меня теперь только одно желание: дорогая щека, вернись, ради Бога, на своё место. Ну ужмись как улитка! А то куда это годится?

8 октября 1954 года

Нормально. Мне только приходится потолще накладывать грим. И тогда ничего не видно. Кроме того, щека услышала мои мольбы. Она постепенно проходит. Герман Ляйтнер говорит, что скоро вообще всё пройдёт.

9 октября 1954 года

Сцена скачки как заговорённая! Теперь досталось Дилю. Диль и я опять скакали мимо этого проклятого каштана. В конце надо было перейти в галоп. И вдруг Диль падает с лошади!

Тут же примчалась неотложка. Диль лежит на земле, белый как мел, и стонет, и выглядит так, будто в любой момент с ним будет всё кончено. Медики изображают задумчивость на лицах.

— Сколько вам лет, господин Диль? — спрашивает один из них.

— Пятьдесят восемь! — стонет Диль.

Медики делаются еще серьёзнее. Они предполагают что-то ужасное, вроде травмы спинного мозга или смещения грудного позвонка. Два ребра сломаны. Нужно немедленно в больницу.

Я всё ещё не могу понять, что, собственно, произошло. Мы потом это так себе объяснили: лошадь сбилась с шага, и Диль должен был её придержать. Когда скачешь верхом, нужно всегда точно попадать в ход. Если не попадаешь в такт, то можно свалиться с лошади. Надо очень крепко держаться, иначе не успеешь оглянуться, как рухнешь вниз.

Диль упустил момент — вот и случилось несчастье. К тому же у его Хенгста особенно тяжёлый ход, не то что у моей Стеллы.

Пусть теперь кто-нибудь скажет, что быть киноактёром — не

опасно. Да нам нужно платить надбавку за вредность! Надеюсь, Диль скоро опять будет в строю.

10 октября 1954 года

Сегодня, в воскресенье, мы потрясающе наелись.

Нас пригласили к обеду Маришки. Тётя Лили готовит великолепно. Это настоящая австрийская кухня.

Дом Эрнстля расположен в Блехтурмгассе. Выглядит он снаружи ужасно, но внутри! Маришки там всё волшебно устроили.

Больше всего мы говорили о фильме. Эрнстль очарователен. Он сразу говорит, если доволен кем-то. Никогда не занудствует, — наоборот, всегда скажет что-нибудь приятное.

И это так здорово действует, любая маленькая похвала — как бальзам.

12 октября 1954 года

Я в отчаянии! Это возмутительно: у меня глаза покраснели. Это просто налетело на меня — может, конъюнктивит? Мои веки красные и опухли. Отчего же это случилось? Мы с Германом съездили в ночную аптеку и купили мазь. Герман думает, что ничего страшного, скоро пройдёт. Если он говорит, то так и будет. Но все равно возмутительно. Может, я это где-нибудь в поезде подхватила? Ещё говорят, в Вене слишком много гранитной пыли в воздухе. Может, от этого?

13 октября 1954 года

Я ужасно испугалась. Кожа у меня шершавая и шелушится. Когда я вечером снимала грим, этот жуткий конъюнктивит был опять тут как тут. Вроде бы всё должно уже было пройти! Мои глаза как заклеенные. Я в полном отчаянии. От грима это не может быть: я же под грим наношу вазелин. Наверно, у меня на что-то аллергия. Завтра пойду к глазному врачу.

14 октября 1954 года

Доктор Сафар назначил мне уколы кальция. Ещё я должна принимать таблетки. Скорее всего, это всё-таки от грима. Но точно сказать он не может.

18 октября 1954 года

Сегодня был большой съёмочный день. Снимаю грим, смотрю в зеркало. Опять всё лицо изуродовано. Возмутительно! Я чуть не завыла. Мы уж думали, может, это от зелени в Пратере, где наши декорации. Перешли в другие кулисы. Точно то же самое! Если не

станет лучше, со мной покончено!

22 октября 1954 года

Доктор Сафар прописал мне ромашковые компрессы. Теперь я один день снимаюсь, а потом делаю перерыв на три дня. Что же это может быть?

24 октября 1954 года

Ура, я живу! Я верю в ромашку. Всё исчезло как привидение. Но в любой момент может вернуться. Пожалуйста, пожалуйста, не надо! Ничего хуже быть не может. Я же тогда не получу больше ни одной роли!

1 ноября 1954 года

Всё позади. Съёмки закончились. Мой следующий фильм опять снимают в Вене. «Гроссмейстеры Тевтонского ордена». На этот раз не с Адрианом Ховеном. И не с Рудольфом Фогелем, и не с Карлом Людвигом Дилем, а с ними я с таким удовольствием работала. Эрнстль опять режиссёр. Но ассистента он взял на этот раз другого. Герман едет в Берлин на Беролину [3]. Я его считаю одним из лучших ассистентов режиссёра. Что же Эрнстль от него отказался?

Наконец мы едем в отпуск, как и обещал Дэдди. Дневник я беру с собой. Но записывать буду только самое-самое важное! Я хочу просто лениться. И только наслаждаться — будто выдохнуть, глубоко-глубоко. Пока-а-а! Мы, кстати, опять летим!

5 ноября 1954 года

Рим, вечный город. У меня нет слов. Сказочное путешествие. В самолете сидели Одри Хепбёрн и Мел Феррер. Я обожаю Одри! В «Римских каникулах» она была восхитительна! Я бы там тоже охотно сыграла. Я отчётливо помню отдельные сцены. Здесь, в Риме, одна из них всё время приходит мне на память. А Одри в моём представлении связана со всеми этими известными римскими площадями — они же как раз есть в фильме.

Небо такое голубое, как рисуют в детских книжках с картинками.

Вилла Боргезе. Ватикан. Фонтан Треви. Мы ещё были на беатификации [4] одной монахини в соборе святого Петра. Это было одним из сильнейших моих впечатлений. Вот бы наша директриса меня сейчас видела. Непременно пошлю ей открытку.

6 ноября 1954 года

Это неописуемо прекрасно. Мы уехали с самого знаменитого

римского вокзала. Станция Термини. Не доезжая до Неаполя, впервые увидели море. Оно лежало между пальмами и апельсиновыми деревьями как бесконечно огромный ковёр в заколдованном замке. И маленькие брызги пены на нём — как будто рассыпанные, сверкающие бриллианты. Солнце ещё сильно греет, и оно красивее, чем у нас. У него как будто диадема — думаю, я просто рехнусь от восторга. Или, может, у меня будет маленький солнечный удар. Это легко может случиться от жары.

7 ноября 1954 года

Вот не повезло! Наверно, солнце на меня обиделось, что я сказала про солнечный удар. Сорренто — Капри — и потом погода испортилась! Мы живём в «Квизиане». Есть спагетти — просто мучение. Я в них вечно запутывалась. Их едят, когда по-настоящему голодны. Но в этом, наверно, и есть суть дела. Потому что в Италии спагетти — это только закуска.

10 ноября 1954 года

Вот мы и снова в Неаполе. Ночная поездка на пароходе — это что-то невероятное. Я стояла на палубе, совсем одна. Море кипело. Качку я перенесла хорошо. Потом взошла луна. Я ещё никогда так не переживала лунный восход. Ночь постепенно становилась серой, потом серебряной. Это было призрачно красиво. Я даже заплакала, так было прекрасно. Пароход рассекал море как дракон. И я стояла на его спине — и мечтала. О том, что когда-нибудь я ещё раз проделаю тот же путь. Но уж точно не одна.

14 ноября 1954 года

Сиракузы. Очень жарко и очень грязно. Мы были на экскурсии, ещё видели чудотворную Мадонну, когда ехали поездом в Таормину. Подумать только: ведь уже ноябрь! А здесь всё ещё лето. Я люблю юг. Мне вообще нравится, когда тепло. Зимой тоже здорово. Но прежде чем замёрзнуть, уж лучше сначала вспотеть!

Мы остановились в отеле «Сан-Доменико». Отель просто волшебный. Кругом сад, известный всей Сицилии. Я целыми днями в воде: купаюсь, плаваю, нежусь на солнце.

Здесь еще живёт Алида Валли.

И ещё одна знаменитость из Германии: Густав Грюндгенс. Он меня сразу узнал. Он видел мои фильмы и взглянул на меня по-отечески:

— Давай, Роми, продолжай!

Уж теперь-то — точно!

16 ноября 1954 года

Я полагаю, в раю, где жили Адам и Ева, и то не было прекраснее. В середине ноября всё цветёт. Апельсиновые деревья меня восхищают. Ароматы — наверняка как в садах Эдема. Я бы не удивилась, если бы вдруг проснулась — и оказалась первым человеком. То есть — вторым. Я же точно знаю, кто оказался бы первым!

26 ноября 1954 года

Это было как сон. Теперь я уже опять дома, в Кёльне. Если есть что-то прекрасное, так оно всегда слишком быстро проходит. Путешествие. Хороший фильм. Всё. Только сообразишь, очнёшься — а всё уже кончилось. Остаются только воспоминания. Воспоминания — вообще часто самое прекрасное, что есть в жизни. Так я думаю.

Мы проехали на поезде весь итальянский «сапог», всё время вдоль моря. Редкий случай: поезд ехал на пароме, и потом прямо до Мессины. В Риме мы ещё остановились в «Эксельсиоре», а потом вылетели назад «суперконстеллейшеном» компании «Эйр Индиа». Был попутный ветер, и не успели мы удобно устроиться, как уже долетели. Рим — Дюссельдорф за три часа.

8 декабря 1954 года

К Рождеству будет премьера «Юности королевы». Я ещё не видела готовый фильм! Это — самое захватывающее в кино. Каждая сцена снимается отдельно. И напрягаешься в каждой сцене. А всё решает то, как всё это смотрится вместе. Но Эрнстль сделал всё на самом деле хорошо. И Герман тоже. Герман Ляйтнер ведь не только ассистент режиссера, он и монтировал картину. Уж те эпизоды, где я была не совсем в порядке, он, надо думать, вырезал. Например, где я с воспалёнными глазами! Надеюсь, этого нигде не видно!

14 декабря 1954 года

Странное чувство: теперь, если я иду по улице, люди иногда друг друга подталкивают и шепчутся: это не Роми Шнайдер?

И давай меня рассматривать.

Это здорово. Но и грустно. Иногда я чувствую себя будто меня растаскивает в разные стороны. То я горжусь, что меня узнают, а то вдруг хочется сидеть в обычной забегаловке и есть сосиски, и чтобы меня никто не рассматривал и не контролировал, что я делаю и правильно ли я держу вилку. И если нет, то почему бы и нет?

Я ужасно волнуюсь, когда думаю о премьере. Надеюсь, будет успех. Вот был бы лучший подарок к Рождеству!

И это — уже послезавтра!

20 декабря 1954 года

Я ленюсь, так уютно. Это кино отнимает всё здоровье. Неделями ты пашешь как лошадь. Все силы — съёмкам, и кроме них — ничего. Вдруг целый день — никаких съёмок: то солнце не выходит из облаков, а оно срочно нужно, то ещё что-нибудь. И тогда всё задерживается, всё опаздывает, и в итоге все сидят нервные и измотанные, в то время как должны уже быть совсем в другом месте — дома, в отпуске или где-нибудь ещё.

Здесь, в Кёльне, — что-то неземное. Дэдди освободил чудесные апартаменты в отеле «Бельвю», что в Роденкирхене. Это прямо на Рейне. Когда мы приезжаем, отель вообще закрывается, и нас никто не беспокоит. Мамина гостиная выходит как раз на излучину Рейна. Туда-сюда идут баржи. Всё так спокойно, бесконечно спокойно, мирно. Река поблёскивает на зимнем солнце, течение такое медленное, ленивое, как во сне. Я тоже могу долго спать!

На следующий год у меня уже есть два фильма: «Гроссмейстеры Тевтонского ордена» с сыном Зигфрида Бройера и «Зисси», вероятно, с Карлхайнцем Бёмом. Я радуюсь просто ужасно!

21 декабря 1954 года

Отпуск в Берхтесгадене! Чувствую себя так, как будто вернулась к самой себе. Это так чудесно — снова быть здесь, в моём любимом Мариенгрунде, вдали от всей этой чехарды, от всех людей, только с мамой и двумя собаками, Аяксом и Зепплем. Через несколько дней приедет Дэдди. Я так счастлива быть дома. Очень красиво идёт снег. Мы с мамой были в деревне. Вот теперь сидим вдвоём в охотничьей комнате. Безумно уютно.

20 января 1955 года

Несколько райски прекрасных дней. Мы посмотрели немецкий чемпионат по лыжному спорту, чудесно гуляли с мамой и собаками: Аяксом, это наш маленький сладкий щеночек боксёр (ему полгода), и Зепплем, это наша серьёзная четырёхгодовалая такса — причём типичная такса! Громадное удовольствие гулять с ними обоими!!

Стоп. Хватит. У меня отпуск.

Рождество и Новый год отпраздновали великолепно. Теперь — больше ничего, даже дневника будто бы и нет!

Вена, 4 марта 1955 года

Мой четвёртый фильм! «Гроссмейстеры». Он раньше уже имел большой успех, назывался «Весенний парад». Главную мужскую роль тогда играл папа. На этот раз — Зигфрид Бройер-младший. Прошлый фильм я видела в Зальцбурге. Папа был просто восхитителен. Надеюсь в новой экранизации так же ему понравиться, как он мне — в том фильме.

Мы с мамой живём на этот раз в «Захере». Это один из самых респектабельных отелей, что я знаю. А я знаю уже множество. В Мюнхене, в Кёльне, Риме, Берлине — не забыть еще Сиракузы.

Мне теперь уже шестнадцать. И я уже видела всякие достопримечательности в мире. Тысячи людей знают меня, а я их — нет. Поэтому я часто бываю несчастна. Мне хочется когда-нибудь поговорить с этими многими незнакомцами, спросить: что вы вообще-то думаете об этой Роми Шнайдер?

Может, вы думаете, она просто чванливая гусыня? Или нет? Всё это так тяжело.

Может, я и правда — мыльный пузырь и в один прекрасный день лопну с треском? И тогда от меня ничего больше не останется, кроме клочка пены! Причём я ведь сама себя не надувала! Не надувала!

Я из чего исхожу? Ну просто гусыня. Я сегодня разговаривала с одним старым стреляным воробьём, так вот, он так надо мной посмеивался, очень скептически, будто хотел сказать: ага, малышка, выглядишь-то ты хорошо, но кроме этого... ничего! Всё остальное из тебя лепят режиссёры. Однажды ты вместе со своим талантом сядешь в лужу — и что? Что ты можешь? Ты выучилась чему-нибудь разумному?

До этого я и сама додумалась. Но ведь это чепуха! Я же молодая. Я ещё всему могу научиться. И я так и сделаю. Я хочу играть в театре. Начну с роли горничной в каком-нибудь захолустном балагане и буду говорить на сцене только: «Кушать подано!» Уж если ничего другого не остаётся.

Я ведь и сейчас чему-то учусь. И пока что играю саму себя. Даже когда играю королеву Викторию. Или деревенскую девчонку в «Гроссмейстерах». И там и там — я сама. В других вариантах, с другим текстом. Но это — я. Я остаюсь самой собой!

10 марта 1955 года

Мои мысли крутятся как мельничное колесо. Я расстреляна, разбита, измучена и, к тому же, ещё неправильно развешена повсюду. Могу только спать. Но на это совершенно нет времени. Мы с мамой были на премьере «Королевы» в Цюрихе. Я думала,

Швейцария очень уютная! Фигушки с маслом! Но об этом — завтра.

11 марта 1955 года

Была ночь. Где-то на улице, в Вене. Было жутко холодно. Мы снимали всё время один и тот же эпизод. Ещё и ещё раз. И ещё. Опять не получилось. Ещё раз.

Причём всё это вроде бы совсем легко. Простушка из деревни или, если точнее, из Зальцбурга на возу с сеном приезжает в большой город. Она собирается заявиться к своей тётушке, булочнице. Вот и всё!

Мы снимали весь день и всю ночь. К половине четвёртого утра мы совсем обессилели. В полном смысле слова. А в полдевятого — давай вставай! В Цюрих!

Вообще-то всё предполагалось не так. Мы должны были ехать на поезде, так всё и обставили. Но...

Едва мы сели в самолёт, я мгновенно уснула. Если это можно назвать сном. С лицом как мел. Чувствовала себя как жалкая собачонка. Мне было так скверно, что я думала: если ты это выдержишь, значит, у тебя нервы как у вола. Я это выдержала.

В аэропорту уже стояла машина, ждала нас. Мы тут же сели и отправились.

Было ведь объявлено, что мы прибываем поездом. А прибыли самолетом. Для фильма это, конечно, не дело. На вокзале в Цюрихе было темным-темно от народу. Нас же ждали с поезда!

Поэтому мы помчались на другой вокзал, на ближайшую станцию перед Цюрихом, вскочили в тот самый поезд, на котором мы и должны были ехать из Вены, и торжественно подкатили минута в минуту к Центральному вокзалу Цюриха. Вот было бы здорово просочиться сквозь толпу и оттуда пережить, как меня принимают. Просто как любопытный зевака, издали. Хотя, скорее всего, я бы ничего и не воспринимала, так плохо мне было!

Всё перепуталось: приветствия взахлёб, о которых я могла бы только мечтать, если бы не «проспала» их все.

Потом уж я выспалась вволю.

Потом мы со Столерсами из «Элита-Фильм» обедали в ресторане «Эрмитаж», прямо на берегу озера. Всегда у меня так: стоит что-нибудь съесть, и сразу всё в порядке, и душа и тело.

Но нас ожидал ещё один приятный сюрприз. Нужно было давать интервью на телевидении! Вот ещё чёртово изобретение! Я же не имею об этом ни малейшего представления. Те несколько телепрограмм, что я видела, можно пересчитать по пальцам. К тому же, по-моему, они были вполне безвкусными. Ну, я-то тоже отнюдь не повысила своим участием уровень телевидения. Просто

сидела перед камерой, и всё это было для меня так же противно, как и вообще весь этот день. Это был настоящий кошмар.

Мама попыталась утешить меня тем, что давать интервью телевидению трудно даже опытным актёрам. Но в тот момент мне было просто на все начхать. Весь день я была в состоянии «да провались хоть весь белый свет!» Так не всё ли равно, минутой раньше или позже?

Мне было совсем плохо. И я бы не удивилась, если бы люди в Цюрихе, когда я после «Юности королевы» выползла на сцену, вместо аплодисментов освистали меня. Но, слава Богу, никто ещё не видел моего телевизионного интервью. Все хлопали. И как! Успех был громадный. И я примирилась со всем этим. С чёртовым возом сена в Вене. Со скверным полетом. Вообще со всем. Нет ничего прекраснее успеха!

15 марта 1955 года

Вот я и снова в Вене. Это звучит так, как будто всё остальное в Цюрихе прошло хорошо. Как бы не так! Когда нам нужно было улетать обратно, оказалось, что это невозможно. Причём это было связано с Россией. Вроде странно, но это так. Что русским делать в Цюрихе? Нечего им там делать! Но один из них был в Вене. Поэтому мы не могли покинуть Швейцарию. А было так: в Вену прибыл Молотов [5]. Заключать государственный договор или что-то в этом роде. Я только знаю: Австрия получала свободу. Обещали, что оккупационные войска оттуда исчезнут — так быстро, как только возможно. Хорошая мысль (хотя мне-то они вовсе не мешали)! А как же иначе?

Поскольку господин Молотов находился в Вене, ни один самолёт не имел права там приземлиться. Я нахожу, что это уж слишком, потому что я-то точно ничего бы ему не сделала. Когда я его видела в иллюстрированных журналах, то не дала бы ему и половину той власти, что у него есть. Он выглядит как учитель. Это не должно звучать пренебрежительно. Как бы я могла, если я до сих пор переписываюсь со своей директрисой!

Вот так мы и остались ещё на один день в Швейцарии. Я позволила себе купить на Банхофштрассе чудные туфли для Фрэнкли. И потом мы со Столерсами были в кино. Вот странно: вроде бы всё, что связано с профессией, сейчас можно отложить, но на самом деле — не выходит. Кино — это как сладкая отрава. Раз полакомишься — тянет ещё и ещё! Я страстно люблю смотреть кино. И сейчас тоже. Чем дальше, тем больше.

Мы смотрели Марину Влади в «Хвастуне». По-моему, она — прелесть. Кстати, ей тоже шестнадцать, как и мне. Какая у неё походка! Как у леди. Что я говорю. Мэрилин Монро по сравнению

с ней просто ощипанная маргаритка. Стоп. Это уже слишком.

16 марта 1955 года

Мюнхен. Наконец-то снова Мюнхен. По мне, образ этого города трудно уловить. Это какая-то смесь Берлина и Вены. Недавно я прочитала, что люди здесь скорее похожи на приезжих, чем на местных жителей. Мысль, конечно, абсурдная. И упаси Боже сказать это при мюнхенцах. Они бы разнесли всё в пух и прах!

Повод моего приезда в Мюнхен: я получаю премию. Для меня это примерно как если бы скаковая лошадь, какой-нибудь молодой рысак, получила хорошего кнута и прилично пришла к финишу, не переходя на галоп.

Непременно забегу ещё раз в бар «У Хайнца», уж пока я здесь!

17 марта 1955 года

Вот из этого ничего не вышло. Премию я свою получила, но «У Хайнца» не была. А теперь мне надо объяснить, что это за премию мне вручили, а то позднее стану старенькая и всё забуду.

Есть несколько журналов о кино. Это важно, потому что их читают все владельцы кинотеатров. И потом эти господа решают, брать ли в свой кинотеатр фильм, где играет и Роми Шнайдер.

Один из таких журналов называется «Новый фильм». Там каждый год проводится опрос, чтобы определить, кто, на взгляд владельцев кинотеатров, станет кинозвездой завтрашнего дня. Там я, вместе с Карлхайнцем Бёмом, была названа «звездой будущего». А Барбара Рюттинг, Вальтер Гиллер и Клаус Бидерштедт — «актёрами будущего». Различие тонкое, но оно есть!

Шеф-редактор издания Хорст Г. Фельдт вручал нам награды. Я получила чудесную фарфоровую карету. Мейсенский фарфор, ему лет полтораста как минимум. Было жуткое количество фотографов.

Я была счастлива снова увидеть Клауса. Мы с ним не встречались с «Фейерверка».

Вечером: праздник на озере Штарнбергзее. Мама и Дэдди развлекаются так же славно, как и я. Я танцевала с Каем Борше. И познакомилась со многими коллегами. Это Ханс Альберс, Фита Бенкхоф, Винни Маркус, Маргот Хильшер, Ренате Маннхардт — в общем, все, кто там были.

Очень было весело. Маргот Хильшер взяла с собой свою собаку, а Карлхайнц Бём — свою жену, и получился настоящий семейный праздник.

Кстати, премии вручали в Гайзельгаштайге. Во втором

павильоне. Там как раз Мартин Карол с Максом Офюлсом снимали «Лолу Монтес». Что-нибудь вроде этого я бы тоже сыграла.

20 марта 1955 года

Мне уже кажется, что я опять пошла в школу. Все окрестности мне так хорошо знакомы!

Мы снимаем натурные сцены «Гроссмейстеров» в Голлинге. Это совсем близко от интерната. До Гольденштайна — рукой подать. Вчера меня навестили две мои бывшие соученицы, они живут здесь, в Толлинге. Я их раньше почти не знала, они учились в другом классе. Но всё равно было приятно. Я же ещё совсем недавно тоже там просиживала школьную скамью. И в то же время кажется — прошла уже вечность...

26 марта 1955 года

Дорис живет со своей матерью в Штробле. Мы быстренько съездили в Берхтесгаден попить кофе.

10 апреля 1955 года

Когда мы три недели назад начинали в Вене цветной фильм «Гроссмейстеры Тевтонского ордена», с самого начала было у меня одно огорчение: по сценарию я приезжаю из Зальцбурга в Вену, к тётке, вместе со своей собакой. И вот я думала, что Зеппль, моя короткошёрстная такса, мог бы получить эту роль. Но дядя Эрнст, наш продюсер, автор сценария и режиссёр Эрнст Маришка сразу нас разочаровал: Зеппль для этой роли слишком изысканный. Эрнстль представлял себе нечто другое: некую благородную помесь пинчера, шнауцера и овчарки. Так что карьера Зеппля сорвалась.

Мы долго искали моего собачьего партнёра для фильма и, наконец, нашли. Правда, это существо похоже на гибрид афганского шакала и калифорнийского кролика, но мы быстро привыкли друг к другу, и он, невзирая на отсутствие родословной, оказался очень симпатичным парнем.

Моя тётя (родственные отношения тут непростые, потому что эта «тётя» — моя мама Магда Шнайдер) имеет в Вене булочную на Бургринге. И поскольку мимо всё время проходит городская стража, я знакомлюсь с капралом Тевтонского ордена Юреком (его играет Зигфрид Бройер-младший). Отсюда происходят все дальнейшие трудности. Вот, например, по сценарию я должна учиться у моей тёти её пекарскому ремеслу. Ладно, моя мама может, конечно, испечь торт и рождественское печенье, и что там ещё пекут домашние хозяйки. Но какая домашняя хозяйка сумела

бы изготовить настоящие булочки и сырные палочки? Поэтому Эрнст Маришка нанял двух пекарей из самой большой венской пекарни, и они присматривали на съёмках за тем, чтобы в нашей булочной всё происходило профессионально. Не знаю, попаду ли я в жизни хоть раз в такую ситуацию, где от меня потребуется умение печь крендель и сырные палочки, но мама полагает, что учиться ничему нелишне.

Что касается учения, то я ведь в своём последнем фильме играла королеву Викторию и выучила при этом множество придворных церемониалов, в особенности реверансов. В нашем фильме «Гроссмейстеры» тоже много чего связано с королевским двором. Пусть я всего лишь провинциальная девчонка, но и я удостоилась аудиенции у императора Франца-Иосифа (его играет Пауль Хербигер), причём у него в этот момент был с визитом император Вильгельм из Берлина (Вольфганг Лукши). Придворный реверанс мне пригодится и в моём следующем фильме. После «Гроссмейстеров» мы в нынешнем же году снимаем цветной фильм «Зисси» — романтическую любовную историю юной императрицы Елизаветы, её жизненный путь от Штарнбергзее до Дуная, точнее, из Поссенхофена в Вену. Эта роль меня очень радует, ведь я и сама тоже должна вечно сновать между Баварией и Австрией, то туда, то сюда. Впрочем, я же не собираюсь когда-нибудь выйти замуж за кайзера!

20 июня 1955 года

Ужас до сих пор сидит во мне. Случилось такое, такое — просто кошмар!

Вчера мы вволю купались. Была великолепная погода. Было так прекрасно, что такого просто не может быть. И правда: если всё так здорово, то ты тут же получаешь по носу, чтобы не чувствовал себя достойно.

Мы были приглашены к Хансу Альберсу. Мы с ним вместе играем в моём новом фильме «Последний человек».

Кинопробы были в Гайзельгаштайге. Всё прошло чудесно. Я получила роль.

Мы славно болтали с Альберсами. У них дивный деревенский дом на Штарнбергзее, просто дивный. На следующий день, то есть сегодня, проходили гонки на моторных лодках. Дэдди тоже участвовал.

Вот я и дошла до сути дела.

У Дэдди есть одна страсть. На самом деле страстей у него много, но ни одна из них не опасна для жизни — кроме этой. Ни мама, ни я ничего об этом не знали. Вот теперь знаем. До этого случая мы полагали, что если человек умеет плавать, то на таком

маленьком озере, как Штарнбергзее (по сравнению, скажем, с Адриатическим морем), с ним ничего и не случится. Даже если он сидит в моторной лодке.

Вроде бы как раз так и было сегодня с Дэдди. Разыгрывался европейский чемпионат. Он был на старте. Мы стояли на берегу и радовались. У него хорошая лодка, он умеет управлять, так что же может случиться? Так мы думали.

Ханс Альберс тоже не отказал себе в удовольствии поприсутствовать. Мы с мамой желали Дэдди успеха и надеялись, что он выиграет. Как это и бывает у женщин на берегу.

И вскоре после старта это и случилось.

Дэдди «делал все восемьдесят», как гонщики говорят.

Внезапно в него врезался другой катер. Дэдди вылетел кувырком из лодки, рухнул в воду и стал тонуть. Он был весь в крови. У нас просто сердце остановилось! Мама кричала, а я подумала: он погиб, с ним всё кончено!

Того итальянца, что врезался в лодку Дэдди, зовут Симонтаччи. У него было сломано рулевое управление!

Сразу подъехал спасательный катер. Дэдди вытащили из воды.

Вообще-то всё выглядело хуже, чем было на самом деле. Хотя и нам, и прежде всего Дэдди, было и того довольно: сломана рука и рёбра, полно ушибов, повреждён нос.

Дэдди отправили в больницу. Приятного мало. К тому же клиника была переполнена. К счастью, на гонках был министр транспорта Зеебом. Он приехал в клинику, навёл там порядок, и Дэдди получил приличное место. Теперь, при такой великолепной погоде, он должен там лежать и потеть, бедолага!

Мама говорит — всё, с моторными лодками покончено!

25 июня 1955 года

Мы живем в отеле «Элизабет» в Фельдафинге. Совсем близко отсюда — Поссенхофен. Там выросла Зисси, принцесса, которую я должна играть. В замке теперь — мотовелозавод. Поэтому здесь, конечно, теперь уже не так прекрасно, как в те времена, когда здесь жила Зисси, прежде чем стать императрицей Австрии. Но всё равно интересно. Роль меня радует!

30 июня 1955 года

Я пережила несколько замечательных дней в Зальцбурге. Там был фестиваль. Мы были на спектакле «Коварство и любовь». Он оставил у меня незабываемые воспоминания.

Кстати, в этом году я наконец-то увиделась с Маргит и Моникой. Придумала для них один сюрприз.

Сначала мы вместе с тётей Марианной шикарно поужинали в Зальцбурге. А потом все пошли в кино, на фильм «Юность королевы».

Как часто мы раньше сидели в кинотеатре «Мирабель» и уносились в чужой волшебный мир! Всё прочее вокруг нас тогда просто не существовало. Интернат Гольденштайн, где мы продавливали школьные скамьи, все эти маленькие неприятности, которых не удавалось избежать.

Это было как будто ты стоишь под приятным тёплым душем, и он смывает всё, чего тебе уже вот так хватило.

Когда теперь, в такой же милой, доверительной обстановке, во мне всплывают все эти воспоминания, я внезапно ощущаю, как я тогда должна была быть счастлива.

Реклама. Киножурнал. И потом там, наверху, во весь экран «Мирабели» замерцало моё имя.

Не описать, до чего же мне это было приятно. Тётя Марианна, обе мои лучшие подруги рядом со мной — да я могла бы просто завыть от радости. И это был не сон. Самая что ни на есть жизнь.

Я сделала вид, что ничего особенного не происходит. Пробормотала пару каких-то глупых замечаний про фильм, потому что мне пришло в голову: вдруг Маргит и Мони это интересно.

Но украдкой одним глазком я подсматривала, пыталась определить, насколько им нравится та или иная сцена.

Но лишь одно исчезло: я больше не могла, как тогда, в школьные годы, полностью погрузиться в сказочный мир кино. При каждом кадре перед моим внутренним взором возникал то оператор, то Эрнстль — режиссёр Эрнст Маришка, то какой-нибудь рабочий сцены между кулисами, кабелями и прожекторами. Иллюзия пропала навсегда.

Её я оплакиваю ещё и сегодня.

1 июля 1955 года

Баден-Баден. С Хансом Альберсом мы чудесно понимаем друг друга. Он мне очень нравится. «Последний человек» уже был снят однажды. Тогда роль Ханса Альберса играл Эмиль Яннингс.

Он — метрдотель, некоронованный король своего отеля. Внезапно умирает владелица. Она была ему очень многим обязана и обещала пожизненное рабочее место. Но теперь, после её смерти, всё изменилось. Альберса «свергли», и теперь он должен в подвале играть служителя при туалетах, «последнего человека». Прекрасная роль для Альберса — и для меня тоже, первая современная роль. Я же до этого играла только принцессу, королеву или девицу из тех времён, когда меня не то что на свете,

а и во сне не было. А тут я наконец-то играю в фильме, где речь идёт о наших днях. Мне ужасно хочется хоть разок здесь, в Баден-Бадене, пойти в казино. Но мама не разрешает. Хотя меня — честно! — интересуют только разные подробности, как это делается в игорном доме, а вовсе не выигрыш.

10 июля 1955 года

Между тем прошла премьера «Гроссмейстеров Тевтонского ордена». Фильм вышел сразу во многих городах. Я получила хорошую прессу. С этими критиками всегда так странно. Один из них картину просто разгромил, причём как раз за то, что другим критикам особенно понравилось. Будто один — в ногу, а остальные — не в ногу. Впрочем, о вкусах не спорят.

12 июля 1955 года

Павильонные съёмки «Последнего человека» идут в Гайзельгаштайге. Кстати, я должна выйти замуж за Йоахима Фуксбергера. Моё подвенечное платье я уже примерила. Просто ангельское!

Когда я сидела перед зеркалом и смотрела на себя, мне сделалось так тревожно и страшно, потому что это выглядело совсем как взаправду. При том, что это всего лишь кино. И моя свадьба по сценарию в последний момент сорвалась.

Если я когда-нибудь выйду замуж, это должен быть праздник — так уж праздник. Могу себе представить, что за удовольствие все эти приготовления. Сама устрою жутко прекрасное жилище. Оно будет современное, но со старинной мебелью и ещё более старинными картинами. Никаких этих супермодерновых штуковин, с которыми чувствуешь себя вечно как в гостях. Вроде этих кресел, где не знаешь, куда деть руки.

Но когда я выйду замуж? А главное — за кого? Такое странное чувство: знать, что этот «кто-то» где-нибудь уже живёт и работает или ленится — и не имеет представления о своём счастье!

Жизнь — захватывающая.

20 августа 1955 года

Мы снова в Вене. И снова живём в отеле «Захер». Чувствую себя здесь уже почти как дома. Все люди в отеле со мной приветливы. И здесь волшебно готовят. Когда обедаешь, можно просто запеть от удовольствия. Вот только от всемирно знаменитых здешних тортов я не в восторге. Это скорее для знатоков. Но ведь есть и другие смачные вещи.

У меня такие же туалеты «на выход» из ателье Сиверинга, как

и те, к каким я уже привыкла в «Юности королевы». Портье я знаю, знаю многих статистов, и от фильма к фильму чувствую себя всё уютнее. На этот раз «царь сердца моего» — Карлхайнц Бём. Мы отлично понимаем друг друга.

В фильме я его ловлю на крючок в самом прямом смысле слова. Я рыбачу на ручье, он, император, проезжает мимо. Я вытаскиваю свою удочку, шлёп! — она цепляет его за обшлаг мундира, вот так он и знакомится со мной.

1 сентября 1955 года

Вот был сегодня сюрприз! Йоахим Фуксбергер примчался на «порше» из Мюнхена в Вену. Я ужасно рада. Он же всё-таки чуть-чуть не стал в фильме моим венчанным мужем.

24 сентября 1955 года

Мне исполнилось семнадцать лет. Если верить сценаристам, тут-то жизнь и начинается. Так здорово! Мы всей компанией славно отпраздновали, попивая хойриген. Хойриген — молодое австрийское вино — чудесный отличительный знак Вены.

Если говорить об истинной Вене, то как раз сейчас, потому что потом вся Вена вымирает. Сейчас же все сидят в уличных кафешках за хойригеном. Мы праздновали у Антона Караса, он играет на цитре в фильме «Третий человек». Он открыл в Гринцинге винный бар. Всё было украшено лампионами, и настроение было сказочное.

Я получила в подарок от мамы набор чемоданов, винно-красного цвета. С монограммой «Р. Ш.». К шестнадцатилетию мне подарили золотую пудреницу с рубинами, а теперь, в пару к ней, я получила футляр для губной помады. Господин Тишендорф, кинопрокатчик, подарил мне радиоприёмник — супер!!!

26 сентября 1955 года

Вот мучение! Зисси в юности носила длинные чёрные волосы, гораздо длиннее, чем у меня сейчас. Я сказала: лучше всего было бы отрастить свои, — но меня просто высмеяли. Вот уж стал бы фильм ждать, пока мои волосы дорастут до нужной длины!

Поэтому я ношу парик. Отвратительное чувство. Так непривычно, а главное — так утомительно. Вес, который мне нужно постоянно таскать на себе! Кто к такому не привык, вот как я, может просто вывернуть себе шею, как будто он всю жизнь просидел в кино в первом ряду.

30 сентября 1955 года

Натурные съемки на Дунае. Эрнстль всё тут чудесно

преобразил. Я плыву на барже вниз по реке, а на берегу стоит народ и машет своей будущей императрице — так по фильму. Это только представить себе: множество людей, статисты, они все машут, хлопают, приветствуют меня. Они здесь — на один-единственный раз, потому что ведь кто же пойдет бесплатно! Ведь это же не настоящая императрица тут проплывает, как, к примеру, Сорайя [6]!

2 октября 1955 года

Съёмки идут на этот раз невозможно долго. Никак не закончим.

На самом деле тут не только вопрос времени. Дело ещё и в деньгах: каждый съёмочный день стоит чудовищно дорого. Одно только освещение пожирает сумасшедшие деньги.

Если услышишь это от специалистов, суммы кажутся астрономически неправдоподобными. За пару часов можно просадить целое состояние.

Ну, о моих деньгах речь не идёт. Как и о деньгах мамы и Дэдди. Мы с мамой получаем вместе просто крохи от тех сумм, что стоит фильм целиком. Конечно, не в деньгах счастье — так, кажется, говорят, — но всё же это мало утешает.

Мне-то достаточно, если я получаю свои карманные деньги. Мама мне недавно опять прибавила. Я довольна, потому что при такой дороговизне ничего не могла себе позволить. Только вечно злилась.

3 октября 1955 года

Здесь, в Вене, по-настоящему холодно и неуютно. Дунай вовсе не голубой, а серый и сморщенный, как старый садовый гном. Штеффель пробирается между домов, как замороженный.

Вена всё-таки изменилась, когда её покинули оккупационные войска. Чувствуется, что она опять осознаёт свой прежний статус столицы Австрии. Открывается вновь Бургтеатр. Венская государственная опера.

Сегодня свободный вечер. Я ещё должна выгулять Зеппля, а завтра у нас опять тяжёлый день. Если бы я ещё знала, что мы завтра снимаем!

Пару раз уже бывало так, что нас с мамой должны были забрать в семь утра, но никто не приходил. Время каждый час переносилось, и в результате мы после обеда всё еще сидели в «Захере», наш день шёл насмарку — и к тому же ничего не было снято! Лучше бы я ещё часок поспала!

15 октября 1955 года

Вчера я была на премьере «Последнего человека» в Дюссельдорфе. Времени было у меня немного, нужно было лететь назад из Мюнхена, на съёмки в Вену. Летать для меня не так опасно, как, например, пытаться в часы пик в Кёльне перейти Ринг. Однако за моей спиной заключили страховой договор на громадную сумму, на случай — ну, скажем, если самолёт правильно стартует, но с приземлением возникнут проблемы. Миллион марок за мою маленькую жизнь! Страховая компания вряд ли стала бы так рисковать.

Я об этом договоре ничего не знала, иначе, вероятно, забиралась бы в самолёт с весьма смешанными чувствами.

Задним числом мне это рассказали и объяснили, в чем тут дело. Фильм «Зисси» уже сейчас слишком дорого стоит. Если я теперь на остаток фильма выпаду из дела, то и всё остальное придётся просто выбросить. И будет катастрофа.

17 октября 1955 года

Одна газета написала про «Последнего человека»: «Харальд Браун пускает одну из последних и лучших старых лошадей, Ханса Альберса, в галоп. Он подводит милую, всю в утренней росе, Роми Шнайдер к самой границе актёрского искусства. И что-то сразу светит из глубин...»

А другая: «Роми Шнайдер в свои семнадцать переживает первую любовь со всеми её заблуждениями и трепетом сердца...»

Вот так со мной.

Итальянского путешествия в этом году не будет. Хотя я и заработала больше, чем в прошлом году. Зато мы поедем на несколько дней в Париж.

Могу только сказать: весь Париж мечтает о любви.

2 ноября 1955 года

Мы все ещё в Вене. Эрнстль должен снять ещё несколько эпизодов для «Зисси»: он хочет непременно их вставить, потому что, по его мнению, их-то фильму и не хватает. И, стало быть, мы продолжаем снимать. Знать бы заранее! Мы с мамой уже давно должны были быть в Кёльне. Поэтому мы и не позаботились о билетах на спектакль, которым открывается Венская опера. А теперь хоть лопни, но ни одного билета не получишь. Противно.

Цены взвинтились до небес. Билеты стоят около 1000 марок, и даже те, что дешевле, на чёрном рынке уходят по цене вдесятеро больше настоящей.

Говорят, приедет Грета Гарбо. Но этого не будет, мне сказал Карлхайнц Бём. Его отец — директор Венской оперы.

Но я слышала, что Маришки все-таки достали мне билет.

Правда, не на премьеру, а на второй спектакль. Я ужасно рада.

3 ноября 1955 года

«Захер» переполнен. Публика — интернациональная. Приехали даже из Америки, на открытие Оперы.

Я сегодня получила заманчивое предложение. Директор прославленного Бургтеатра Ротт предложил у него играть! Я получила бы главную роль, может быть, даже в пьесе Пристли!

4 ноября 1955 года

Мы обдумали это предложение. Для Бургтеатра я ещё не готова. Конечно, я была бы невероятно рада там играть. Но, скорее всего, переоценила бы свои силы и торжественно загремела под фанфары и литавры. Мне теперь семнадцать. В семнадцать лет совсем не обязательно играть главные роли в Бургтеатре. Через пару лет уже не будет никаких сомнений, вот тогда я и сыграю.

Есть ещё особенно радостный сюрприз: один журнал провёл читательский опрос насчёт «самого любимого немецкого артиста». Результат меня просто убил. Я там стою на втором месте, сразу после Марии Шелл и перед Рут Лейверик!

Уму непостижимо! Если бы мне об этом кто-нибудь сказал два года назад, то я бы заподозрила, что этот кто-то или влюбился, или спятил.

5 ноября 1955 года

Напоследок мы снимали сцену свадьбы. Для меня сшили подвенечное платье. Не платье, а мечта! Вот в таком же я хотела бы танцевать на своей собственной свадьбе!

8 ноября 1955 года

Вот мы и дома. Вена чудесная, она лучше Кёльна. Но дом есть дом. Он для меня всегда один и тот же. Теперь у меня отпуск. Скоро Рождество, потом Новый год, время летит. Я бы, конечно, была счастлива немножко расслабиться. Но всё же уже начала носиться с мыслями о новом фильме. Почему никогда не бываешь доволен тем, что имеешь?

12 ноября 1955 года

Голова раскалывается так, что глазам я своим не верю. От страха, что перед ними вдруг появятся несколько маленьких белых мышек и будут танцевать на ковре возле моей постели. Хорошо, что у меня есть кот. Если мышки и вправду возникнут, я его позову, пусть поохотится и сожрёт их.

Вчера начался карнавал. В Кёльне это важное событие. В ресторанах Дэдди он идёт вовсю. Мы с мамой были в «Кайзерхофе» на празднике «Одиннадцатое одиннадцатого» [7]. Поскольку я немножко выпила, то вспоминаю всё только теперь. Вчера мне всё казалось ясным и само собой разумеющимся. Ладно ещё, что похмелье боится воды, — полью свою голову ледяной водой. Наверняка поможет!

22 ноября 1955 года

Дэдди исполнилось пятьдесят лет. Был грандиозный праздник с сотнями гостей. Всякие уважаемые персоны: Макс Шмелинг, Анни Ондра, Гарри Герман Шпитц, Йоахим Фуксбергер, фабриканты шампанского Хенкель и Хаслахер и ещё много других. Дэдди получил так много подарков, что должен был освободить под них целую комнату.

23 ноября 1955 года

Я сделала огромную глупость. Вчера вечером я легкомысленно пообещала дать журналу «Дойче Иллюстрирте» свой дневник. Наверно, опять выпила слишком много лимонада. Лимонад по-прежнему действует на меня как шампанское. Стоит мне выпить стакан, как я делаюсь весёлой и легкомысленной. Вот если бы я вообще не вела дневник, тогда бы его сейчас никто не мог опубликовать. Или мне им сказать, что первые тетради я запрятала где-то в шкафу в Берхтесгадене и не знаю теперь, где их искать?

24 ноября 1955 года

Я его не дам. Я сейчас ещё раз перечитала, что я там писала, и нашла всё глупым и скучным. Да это никого не интересует! Лучше я его вообще сожгу, иначе опозорюсь навечно.

10 января 1956 года

Честно, я сижу уже полчаса и не позволяю себе что-нибудь записать. Ну вот, дневник я не сожгла. Во-первых, было жаль всего этого труда, во-вторых, уж если дал слово — держись.

И теперь каждый понедельник я дрожа открываю «Дойче Иллюстрирте» и читаю, что я там наплела. Признаюсь: иногда мне стыдно.

Несколько страниц я сделала нечитаемыми — слава Богу! Или они были слишком плохие, чтобы представить, что они хоть кому-нибудь интересны, или там рассказывалось о чём-то уж совсем личном, — но теперь мне не приходится обижаться, что я это сделала, правда?

Однако я получила уже кучу писем от читателей «Дойче» и должна сказать, что была не совсем права: некоторым из них «Дневник семнадцатилетней» понравился, и это меня радует.

Теперь я должна дописать, что ещё случилось в последнее время. Попытаюсь. Хотя посмотришь на записи — и видишь: я понимаю в писании как свинья в апельсинах.

В декабре мы были в Париже. Вечером поужинали в ресторане Дэдди «Ателье», а в девять уже был наш поезд.

Париж. Кто его знает, согласится со мной: это великолепный город. Эйфелева башня, Триумфальная арка, Лувр. Не знаешь, с чего начать. Самое сильное моё впечатление — от прекрасного устройства города. Широкие улицы, движение отрегулировано образцово — и никаких трамваев!

Трамваи портят любой город и перекрывают движение. В Париже от них отказались уже двадцать лет назад. У нас в то время никто не пришёл бы к этой идее.

В Париже ездят автобусами и метро. Метро — это подземка, правда, некрасивая и грязная, но зато неслыханно быстрая...

Боюсь, у меня получится слишком подробно. В трёх словах — это было чудесно.

Одной из крупнейших французских ежедневных газет, «Фигаро», я показалась настолько важной особой, что она сделала со мной интервью, прямо в редакции. На следующий день фото и текст стояли на первой странице!

А теперь — гвоздь программы: Луис Бунюэль, известный французский кинорежиссёр из Мехико, пожелал непременно снять меня в главной роли своего фильма «Смерть в этом саду». К сожалению, мы не могли дать согласие, иначе весь мой график пришлось бы изменить, а это слишком трудно. Но всё-таки само предложение — это уже успех!

Но ничем не замутнённого счастья не бывает. Мама потеряла в ресторане на Елисейских полях свою великолепную бриллиантовую брошь. Мы заметили это только на улице, тотчас же вернулись — стол, где мы сидели, уже был занят.

Там сидел Али Хан с двумя друзьями. Мы искали вместе. Но брошь исчезла. Я рассердилась и расстроилась за маму. Даже то, что я была коронована как «Королева вечера» в ресторане «Ля Табль дю Руа», не вернуло нам хорошего настроения. Слава Богу, брошь была застрахована. И через три недели мама получила деньги за неё.

Да, и ещё одно большое событие, о котором мне нужно рассказать, — это премьера «Зисси» в Мюнхене. Мне ещё вспомнилось, что случилось в поезде, когда я ехала из Вены в Дюссельдорф на премьеру «Последнего человека». До

Франкфурта я ехала в спальном вагоне. Потом мне пришлось пересесть, потому что спальный вагон отцепили. Теперь в моём купе сидел только один старый симпатичный господин. Он приветливо меня разглядывал. Потом предложил мне сигарету. Я отказалась. Тогда он протянул мне газеты. Я отказалась. Наконец он пригласил меня в вагон-ресторан, завтракать. Есть мне хотелось. Но я же не могла... В общем, я опять отказалась.

В Кёльне в купе вошёл Дэдди, чтобы проводить меня до Дюссельдорфа. Оказалось, он знал моего визави. Это был композитор Рудольф Нельсон, он написал множество песен и оперетт! Тут мне стало неудобно из-за моих отказов. В конце концов, Рудольфу Нельсону уже 77 лет! Мы все вместе пообедали, так я искупила свою вину!

Премьера «Зисси».

Мы с мамой уже за несколько дней приехали в Берхтесгаден. Мы всегда проводим там Рождество и Новый год, в нашем доме в Мариенгрунде. Как минимум раз в году должна же вся семья собраться вместе. И под Рождество это получается всего уютнее.

День премьеры. Кинозал был полон, и я опять сильно волновалась — от этого в день премьеры никуда не деться. Думаю, это чувство так и останется со мной, будь это шестая премьера, как у меня сейчас, или пятидесятая, лет этак через двадцать.

Когда в зале погас свет, мы пробрались внутрь. Для нас были заказаны места в предпоследнем ряду партера.

Удовольствия от фильма на этот раз я не получила. Я его уже видела раз пять или шесть — и теперь чуть ли не в каждом эпизоде находила какие-то огрехи. Всегда есть что-то, что можно было бы сделать лучше.

Потом были поклоны на сцене. Кинопрокатчики до сих пор считали Мюнхен не лучшим местом для премьеры. Якобы мюнхенцы слишком спокойные и скуповатые на похвалы по сравнению с публикой в других городах. Продюсерская фирма «Герцог», которая представляла «Зисси», хотела снять с Мюнхена это проклятие. И это удалось. Успех был потрясающий.

Мы делали наши книксены и поклоны. Мама, и Карлхайнц, и я — нам дарили цветы без конца. Был настоящий успех. И я была очень счастлива.

До этого был приём в «Баварском дворе». «Герцог-фильм» пригласил журналистов со всей Германии. Я встретила много знакомых. Холодные закуски, мороженое, шампанское.

Я получила в подарок к премьере роскошную брошь. Приколола я её справа сверху на своё вечернее платье с открытыми плечами. Первый танец, конечно, был за Карлхайнцем

Бёмом. Теперь мы были уже не императором и принцессой, а просто обычными людьми, коллегами.

Когда оркестр сделал перерыв и мы снова заняли наши места, я обнаружила, что новая брошь поранила мне руку. Вновь и вновь убеждаешься, что счастье и боль живут рядом.

Карлхайнц исчез вскоре после полуночи. Очень затосковал по своей жене и дочери Зисси. Зисси всего несколько месяцев. Карлхайнц назвал её так потому, что мы как раз снимали этот фильм, когда она родилась. Совершенно случайно его жену тоже зовут Элизабет. Так что имя вдвойне символично. После приема мы с мамой и ещё несколькими друзьями зашли в бар «У Хайнца». Я была слегка под хмельком, и было очень весело.

На Рождество и Новый год мы и носа не высунули в лес.

Позавчера тоже кое-что случилось: кинобал-1956 в Берлине. Так что год начался хорошо. Бог даст, и дальше так пойдёт. И мы будем здоровы. И исполнится парочка тайных желаний — они ведь есть у каждого...

1956-1958
Ну, не так уж я и наивна

«Зисси, молодая императрица» —
«Китти и большой свет» —
«Робинзон не должен умереть» —
«Монпти» — «Скамполо» —
«Судьбоносные годы императрицы» —
«Девушки в униформе»

«Зисси, молодая императрица» снята в 1956 году с теми же исполнителями и с теми же затратами, что и «Зисси». Роми противилась участвовать во втором фильме, однако была вынуждена играть и в третьем, «Судьбоносные годы императрицы» (1957). Возражениями восемнадцатилетней Роми просто пренебрегли, поскольку фильмы имели невероятный успех, в том числе и за границей. Теперь ей постоянно предлагают входить в надоевший штампованный образ.

В 1957 году она снимается также в фильмах «Китти и большой свет» и «Робинзон не должен умереть» — образ бедной юной девушки в Англии начала XVIII столетия когда-то сильно впечатлил Роми, и она настояла на этой роли. Её партнер здесь — Хорст Буххольц, с которым она также снимается в Париже в фильме «Монпти» (1957).

Растёт желание Роми обрести независимость, самостоятельность, свободу в выборе ролей и фильмов. В конце 1957 года начинаются съёмки «Скамполо» на острове Искья и в Неаполитанском заливе. Роми снова играет девушку своего возраста.

Сразу после своей поездки в Америку (1958) Роми снимается в картине «Девушки в униформе»; роль Мануэлы становится пробным камнем её творческих возможностей. Рядом с Лили Пальмер и Терезой Гизе молодая актриса проявляет всё, на что способна. Съёмки в Берлине и Гамбурге изнуряют Роми.

В главе «Ну, не так уж я наивна» Роми рассматривает проблемы выбора предложений, материала для сценариев, взаимоотношений с продюсерами и прокатчиками.

Когда фильм «Зисси» был закончен, мне стало ясно одно: время ученичества прошло. И теперь я уже — подмастерье. Об этом говорили разные события. Например, балы: я должна была на них появляться, даже если и не испытывала от этого

удовольствия. Они были обязанностью, принудительным условием, и я замечала, что мне не позволено быть такой, как любая другая девушка в семнадцать лет. Или была, например, история, когда я встретила на одном балу в Мюнхене Тони Зайлера. Это был «Охотничий бал», и Охотником выступал журналист Ханнес Обермайер. На его бал в «Баварском дворе» слетается всё, что в Мюнхене что-то значит и при этом имеет отношение к кино.

Мама, Дэдди и я тоже приехали в Мюнхен, потому что прокатчик, у которого была «Зисси», придавал этому значение. Да и вообще мне нравится в Мюнхене. И когда я после обеда встретила Охотника в холле отеля, он сказал:

— Роми, сегодня вечером будет один безумный сюрприз! Сюрпризом оказался Тони Зайлер. За несколько дней до этого он выиграл три олимпийские медали в лыжных гонках и теперь подыскивал себе агента для съёмок — вроде бы он хотел участвовать в “Geierwally” [8].

Вечером, на празднике, когда Охотник представлял всех киношников, я стояла возле Тони; он совсем растерялся и смутился. Он ничего не говорил и только кланялся, а женщины просто набрасывались на него — дело известное.

Потом, много позже, Тони подошёл и пригласил меня танцевать. Ну, мы танцевали. Никто не обращал на нас внимания, и мы болтали. Он рассказал о своих кинопробах, а я, что называется, делилась опытом. Всё свелось к совету: «Не позволяй сделать из себя сумасшедшего».

Оркестр играл без перерыва один танец за другим, и мы всё танцевали и танцевали. Наконец нас обнаружил один репортёр. Пока он нас фотографировал, подошли и другие журналисты. Они потащили нас к тиру и заставили участвовать в игре. А почему бы и нет? Это же карнавал, нам было весело, и вокруг нас собрались тоже только довольные люди. Наутро мы встретились ещё за завтраком, а потом мы уехали — без Тони — в Геную, отдыхать на Средиземном море. Всё. Дальше начался полный абсурд. Трюк, который кто-то специально выдумал, чтобы заработать на нас кучу денег. Я к этому уже привыкла. К сожалению. Эти вечные разговоры: якобы я влюбляюсь в каждого партнёра или я — подружка того или этого.

Не знаю, сыграло ли это свою роль, но то, что эти люди сослужили Тони плохую службу, — это точно. Дома его подняли на смех, и когда он проиграл гонку, то обвинили меня. Чушь!

Он просто не тренировался, потому и проиграл. Это он сам мне сказал. Потом я его ещё раз встретила, в Китцбюэле, и он был по-прежнему мил и прост, как тогда, не строил из себя звезду и

не страдал манией величия. Он сказал:

— Знаешь, Роми, я больше не хочу участвовать в этой ахинее. Они же просто запускают руку мне в карман, вот и всё.

Но через два дня это снова красовалось в газете — как будто я не могу хоть раз в жизни тихо-мирно попутешествовать.

Недавно я поссорилась с одним журналистом. Он утверждал: так и должно быть. Публика желает знать, что я делаю, во всех деталях.

Но я — не такая уж важная персона. Мне просто повезло: правильные роли, правильные режиссёры, сценарный материал, который мне подходил. Я же не раздулась от чванства из-за того, что в восемнадцать лет имею девять фильмов. Мне просто повезло (тьфу-тьфу, не сглазить бы!).

Конечно, я хочу стать хорошей актрисой. Как Мария Шелл или Хильдегард Кнеф, или другие, кому я недостойна воды подать. Меня постоянно упрекают, что у меня нет театрального образования. Да, этого мы не предусмотрели, а теперь мне не хватает времени — в прошлом году я снялась в трёх фильмах: «Китти и большой свет» с режиссёром Альфредом Вайдеманном, потом — «Зисси, молодая императрица» с Эрнстом Маришкой, и напоследок — «Робинзон не должен умереть» с Йозефом фон Баки. Это было так утомительно, что я радовалась, получив хоть пару дней отдыха.

Но всё-таки я учила английский, делала упражнения по сценической речи. Конечно, систематически заниматься актёрским мастерством — этого мне было не одолеть. И мама, и я — мы обе этого хотели бы, но график не позволяет: вся жизнь у меня как бег с препятствиями.

В 1957-м я должна сниматься: во-первых, в «Анне Зедльмайер», истории о прекрасной мюнхенской девушке и баварском короле Людвиге I, с печальным концом. Партнёром будет Карлхайнц Бём. Дальше Хельмут Койтнер должен экранизировать роман Габора фон Васари «Монпти» — со мной и с Хорстом Буххольцем, моим партнёром.

Вот на столе куча сценариев. Недавно появился берлинский продюсер Артур Браунер с пятью сценариями сразу! Причем один лучше другого. Но ни один из этих фильмов мы не могли вставить в график. Всякий раз я попадаю всё в тот же переплёт: или график, или сценарии.

С материалом сценариев теперь так: очень много исторических любовных сюжетов. Как будто меня к ним пришпилили. После «Зисси» я будто обязана сыграть все сентиментальные любовные истории последних восьми столетий. Но у Дэдди твёрдая рука, и он отклоняет этот материал, не

считая его «товаром». И ещё есть миф: Роми, наивное дитя. Если бы я на самом деле была такой невинной, скучной и глупенькой, как обрисовывают меня некоторые авторы, то мне следовало бы немедленно всё бросить. Но есть и ещё целая «армия», которая меня атакует: прокатчики и продюсеры. Им хочется, чтобы я принесла им жирный навар. Тогда это — фильмы «номер такой-то», которые должны сниматься именно ради кассовых сборов, точно так же, как предшествовавшие им «номера». Можно тут, конечно, и просчитаться, — ну а всё же...

Я не хотела сниматься в «Зисси-2». У меня было скверное предчувствие, да и мама тоже всегда говорила, что пресловутые «вторые части» почти непременно проваливаются. Об этом говорил мне и мой отец Вольф Альбах-Ретти ещё в Вене, когда мы снимали первую «Зисси»; уже тогда пошли разговоры, что если этот фильм будет успешным, то второй части не избежать.

Но я сказала «нет», и это означало — весной 1956-го, — что «Зисси-2» сниматься не будет.

Я тогда приехала навестить родителей в санатории, в Верхней Баварии, и там узнала, что после «Китти и большого света» всё-таки будет сниматься «Зисси-2».

Меня просто взорвало. Я потребовала объяснений и узнала — это устроил прокатчик. Тогда я связалась с Хербертом Тишендорфом. И пока мама и Дэдди в полном молчании слушали наш разговор, собралась с силами и спокойно объявила: в «Зисси-2» я не играю.

Мне правда жаль, что всё было решено за моей спиной. Но если поначалу я была просто несгибаемой, то к концу разговора Херберт Тишендорф всё же меня подавил. Он возмутился:

— Как ты со мной разговариваешь?

А потом заявил, что у него слишком много работы, чтобы отвлекаться на такие пустяки.

Я продолжала настаивать:

— А для меня это совсем не пустяки. Вечно ты рассказываешь, что у тебя бессовестно много работы. Но посмотри: с одной стороны, ты же признаёшься, что я твой «кассовый магнит». С другой стороны — у тебя для меня нет времени. Уж если я и вправду для тебя так важна, то, пожалуйста, обрати на меня внимание и избавь меня от отговорок про твою жуткую занятость...

Услышав, как он выругался в ответ, я сунула трубку Дэдди:

— Говори с ним сам!

В результате Херберт Тишендорф приехал, и они быстренько со мной справились.

Но всё-таки я выторговала, в противовес этой Зисси, мой

любимый сюжет: «Робинзон не должен умереть» с Хорстом Буххольцем.

Правда, у меня было подозрение, что этот сценарий будет без конца откладываться. Но я настояла на письменном согласии снимать «Робинзона»; это было впервые в моей жизни — мне удалось не отступить. Я твёрдо решила пробить этот фильм и приложила к этому все усилия, даже когда мы уже начали в мае снимать в Мюнхене «Китти и большой свет». Я страшно боялась Альфреда Вайдеманна, который снял «Канариса» и «Алиби» и о котором шла молва, что его конёк — чисто мужские фильмы.

Но мы друг друга сразу прекрасно поняли — моментально. Мы с Карлхайнцем Бёмом поехали вокруг Женевского озера: через Веве, Монтрё, Эвиан — всюду. Это было неповторимо. В Женеве меня не знали. И только через три недели, пока мы здесь снимали и в газетах много писали о нашем фильме, великолепная анонимность была утеряна.

Здесь, в Женеве, Альфред Вайдеманн объяснил мне, насколько важно играть правильную роль. «Иногда, девочка, достаточно одной-единственной роли, чтобы всё испортить и потерять себя. И тогда — хоть стой на голове, но тебе уже не подняться. Помни о Ханнерль Матц!»

Снова и снова мне напоминали об Иоханне Матц, сделав из неё вечное предупреждение. Она показала себя в «Лесничихе» просто великолепно, и после этой картины, как мне говорили, её гонорары взлетели до небес.

Однако потом, после трёх или четырёх «неправильных» ролей, она рухнула вниз, и я сама знала, как она страдала из-за этой ситуации. Может, ей помог новорождённый ребёнок. Но я это поняла очень хорошо.

Мало-помалу, в течение многих съёмочных недель 1956 года, мне делалось ясно, в каком направлении должна идти моя работа в кино. Мы снимали «Зисси-2».

Я чувствовала, как пошли мне на пользу уроки Альфреда Вайдеманна. Он мне, скажем так, укрепил спинной хребет. «Если тебе что-то не подходит — сопротивляйся!» Это было как волшебное слово, и он мне его подарил. Так я и старалась себя держать.

Но иногда это означало: «Роми просто сбрендила!»

Съёмки «Зисси-2» были безумно напряжёнными. Сначала мы в Инсбруке днями напролёт ждали солнца, а когда потом снимали в горах, на высоте более 2000 метров, от этих гор мне досталось по самую макушку.

В Вене всё было легче — если бы не вернулся мой дурацкий конъюнктивит. В конце октября мы отсняли всё.

Тут же мы вскочили в мюнхенский поезд, и прямо с поезда — на студию. На очереди стоял «Робинзон». С Хорстом Буххольцем.

О нём я знала только то, что его снимал известный французский режиссёр Жюльен Дювивье в «Марианне» и что потом он сыграл русского солдата Мишу в фильме Хельмута Койтнера «Небо без звёзд». «Регина» Харальда Брауна была номером 3, дальше был «Хвастун», и когда я с ним познакомилась, он только что закончил сниматься во «Властелине без короны», с Отто Фишером и Одиль Версуа.

Отношения с Хорстом Буххольцем сложились у нас отличные. Мне нравилось, что он всегда вполне отвечает за себя. Всегда говорит то, что думает. Даже если важным взрослым это не нравится. Несколько раз я вместе с ним попадала в жаркие перепалки, и он в гневе, ни с чем не считаясь, без оглядки выкладывал напрямик что хотел.

Он как раз таков, каким я себе представляю революционера. Никогда он не забывает, как он жил, когда был ребёнком, подростком, совсем молодым парнем. Мне он повторял:

— Роми, ты этого не понимаешь, к тому же у тебя всё идет слишком хорошо.

Однажды я увидела его в ярости, когда кто-то бросил ему в лицо, что его идеи — коммунистические.

Он был белый от гнева, он возмущался, не желая называться коммунистом только потому, что посмел иметь собственное мнение.

— Что вы знаете о жизни, кочерыжка вы обглоданная?! — выкрикивал он, и если бы не пара добрых друзей, которые его утихомирили, то Хорст наверняка полез бы в драку.

Меня постоянно спрашивают, с кем я играю охотнее всего. По логике, для меня каждый партнёр хорош. Потому что я наконец выучила, что в кино превыше всего — договор. Но ведь двадцатидвухлетний Хорст Буххольц — самый молодой, и при этом он именно такой, чтоб быть мне ближе всех. Не говоря о Зигфриде Бройере-младшем. Но Бройер из Вены, а Хорст Буххольц — берлинец, и тут — огромная разница.

«Робинзон не должен умереть» стал первым фильмом, где я могла быть совсем другой — девчонка-замухрышка с тощими косичками, причём порядочная стерва. Йозеф фон Баки был великолепен. Кстати, он познакомился со мной, когда я ещё не родилась: мама снималась в фильме с Хансом Зенкером, и он должен был в одном эпизоде перенести её на руках из лодки по мосткам на берег. Йозеф фон Баки мне рассказывал, что он жутко волновался: вдруг Зенкер уронит маму и у неё случится выкидыш. Баки просто измотал Хансу Зенкеру все нервы своими

предостережениями. Зенкер обозлился и пригрозил, что и правда уронит маму, если нужно будет повторять несколько дублей. Слава Богу, эпизод сняли очень быстро.

Было так, будто эти «доисторические» отношения помогли нам сразу прийти к согласию. И это был и есть замечательный фильм. Для меня он полностью выпадает из рамок. Не зря же прокатчиков пробирал холодный пот от страха, что картина провалится: ведь я выступала здесь вовсе не как царица-небожительница в бутафорском блеске.

Но я считаю: если у меня не получится такой фильм, совсем другой, чем обычно, то мне надо вообще покончить с кино. Я всё время объясняла: если я способна играть только императриц, то тогда всё теряет смысл. Столько императриц просто нет на свете. Должна же я, наконец, сыграть и что-нибудь другое.

Столько радости доставляли эти съёмки — Матиас Виман, Эрих Понто и дюжина мальчишек. И мама.

Когда в Мюнхене вышла «Зисси-2», мы с Карлхайнцем Бёмом сидели в зале и тряслись от страха: вдруг всё будет как предсказывали прокатчики, и фильм провалится.

Мы ошиблись. Всё прошло хорошо, хоть мы с Карлхайнцем сидели с потными от волнения ладонями. Мама всегда говорит: это трагедия актёра — вечно дрожать перед публикой и критикой, но иначе жизнь потеряла бы смысл.

1956 год принёс мне три фильма — и трёх друзей. И кучу проблем. Как пойдёт дальше? Какие роли — правильные? Ехать ли мне в Голливуд? Что вообще из меня получится?

Я часто размышляла и делаю это, собственно, постоянно: как же это всё получилось? У меня девять фильмов, и самые большие кассовые сборы дали «Юность королевы» и обе «Зисси».

«Гроссмейстеры» прошли прилично. «Последний человек» принёс разочарование. Но ведь я же не могу дать больше, чем позволяет сценарий. Однако мысль о дурацком клише «сентиментальной королевы» или «разочарованной королевы» преследует меня без конца.

У меня есть ещё один договор с Эрнстом Маришкой, это должен быть фильм о мюнхенской девушке Зедльмайер, жемчужине в короне — рядом с Лолой Монтес — короля Людвига I Баварского. Точнее, в его коллекции возлюбленных. Маришка сказал:

— Вот это правильный фильм для тебя и Карлхайнца.

— Нет! — сказала я.

Я объясняла Маришке, что мне теперь не надо сниматься с Карлхайнцем, хотя он мне очень нравится; что, может быть, лучшим партнёром здесь был бы Оскар Вернер — я видела его в

Вене на сцене Бургтеатра, и в «Лоле Монтес» Макса Офюлса он мне тоже очень понравился. По-моему, ему куда больше, чем Бёму, подходит роль интеллектуала Людвига Баварского. И вообще партнёров надо менять.

Я вообще против такого штампованного представления о вечных любовных парах в кино. Такая пара, Лилиан Харви и Вилли Фрич, тут, ясное дело, просто мечта любого прокатчика.

Однако именно Вилли Фрич предостерегал меня от подобного конвейера. Он говорил:

— Ты будешь рабыней этого типажа, и как только к тебе станут относиться как к части постоянной любовной пары, собирающей богатую кассу, это отношение тут же тебя раздавит.

Сценарий определяет типажи, не наоборот. Эту истину я за три года выучила очень хорошо. Наконец, я её пережила и на собственном примере. Про «Последнего человека» говорили: ты и Ханс Альберс, вы вдвоём произведёте сильное впечатление на публику. А что получилось? Публика просто не пришла.

Я не заблуждаюсь: своё место в глазах публики и правда быстро теряешь, если твой фильм не попадает в цель. Однако промахивается только тот фильм, который испорчен уже начиная со сценария. Тому пример — «Китти и большой свет». На балу кино в Берлине О. Е. Хассе мне сказал, что фильм дал бы куда большие сборы, если бы экранизировалось всё то, что мы придумали. А в том варианте, что сейчас идёт в прокате, роман между Хассе — английским министром иностранных дел — и мной практически заканчивается в первой же трети фильма.

Поначалу задумывалось, что этот роман должен развиваться, и лишь к финалу его рушит Карлхайнц Бём — ради своей выгоды.

Я не знаю, почему сюжет был изменён. Но из-за этого фильм просвистел мимо публики: политические речи заняли куда больше места, чем требовалось зрителям.

Но как это должно быть на самом деле? «Робинзон», мой последний фильм, тоже выламывается за пределы схемы. Всё время я слышу вокруг разговоры про кризис кино, банкротство и трудности, поэтому так чудесно, что Херберт Тишендорф как прокатчик и продюсер всё-таки рискнул снять этот фильм. Я была так счастлива на этом фильме, что все сомнения куда-то подевались. А теперь я вообще не знаю, как всё должно идти дальше.

Только одно: я позволю себе не согласовывать свои желания и представления с прокатчиками и продюсерами. Если это получится, то время ученичества — позади, и «Робинзон не должен умереть» — мой экзамен на статус подмастерья.

Хорошо, что мне удалось немного отвлечься: я полетела в

Индию. Маленькой компанией туристов мы сложились и наняли чартерный рейс. Можно было обойтись одним чемоданчиком. Сделали прививки против холеры и оспы и отправились в путь, и это путешествие сразу же оставило позади все проблемы, что так занимали меня в последние месяцы.

Всегда дело выглядит так, как будто мной управляют. Кто-то рулит — я еду, и ничего обидного для меня тут нет.

Но если потом читаешь что-нибудь такое (а журналисты, которые об этом пишут, часто сами признаются, что не видели ни одного моего фильма!), то всё-таки хотелось бы иметь шанс доказать: я могу быть «чем-то». Сама — без покровительства, без паблисити, что мне без конца припоминают. Я больше не ребёнок и даже не девчонка. Работа в кино, которая требуется от меня, — точно такая же, какую обязан выполнять каждый взрослый киноактёр. В студии не спрашивают, сколько мне лет и что я вообще такое: там я просто должна с утра до вечера «быть при деле», чтобы отснять свои эпизоды.

Если бы я могла (чего я по-настоящему не могу!), то вот по какому пути я пошла бы: снималась бы каждый год в одном кассовом фильме. Это чтобы убедить прокатчиков и владельцев кинотеатров, что на мне можно делать деньги. Дальше — в чем-нибудь весёлом, например, в современном мюзикле или комедии, задиристой и даже нескромной, но всё же не в такой дерзкой, как фильм Отто Преминджера «Девственница на крыше», — эту картину он снял в Голливуде с Ханнерль Матц, Харди Крюгером и Йоханнесом Хестерсом.

Наконец, третий фильм был бы на жёстком, реалистическом материале, вроде «Хулиганов» с Хорстом Буххольцем.

И в это же время — актёрское образование и потом, возможно, два года в театре.

Вот чего я ещё не знаю, так это как относиться к многочисленным предложениям из-за границы.

Уже после «Юности королевы» проявились американские агенты. Они хотели подписать со мной долгосрочные контракты; самый короткий был на три года, самый долгий — на семь лет. Но до сих пор я не подписала ни одного. Ведь я снималась в Германии, и в Германии и в Австрии сделала себе какое-то имя в кино. Поэтому не могла же я просто исчезнуть отсюда, без всякого продолжения. Между тем и французы, и испанцы, и итальянцы хотели меня снимать. Вот я и не знаю, могу ли я, — хотя я отлично выучила английский, моего школьного французского едва ли хватит, а испанского не знаю совсем. В Испании мои фильмы идут с большим успехом... С Италией, возможно, будет совместное производство.

В общем, у меня впечатление, что дверь как-то внезапно открылась. И мне придётся сказать «да» или «нет».

Я уже могу, прочитав сценарий, представить себе, что из него получится в кино. Я прочла много сценариев. Если бы я должна была сняться в каждом из фильмов, по которым я видела уже готовые предложения, то снималась бы до 50 лет.

И что, я должна вечно играть юных девушек?

Мама говорит: надо играть роли, которые соответствуют моему возрасту. Мне кажется, это правильно. Образованные актрисы, вроде Марии Шелл, обладают широкими возможностями. Я — ещё нет. Если бы я заявила, что могу уже играть настоящие драматические роли, то кто угодно был бы вправе мне сказать: что ты несёшь ерунду?

Но я же могу развиваться. Как раз этого-то я и хочу. Некоторые люди говорят: мой успех происходит только оттого, что зрители видят во мне воплощение любой юной девушки, каких кругом полным-полно. Мама говорит: оттого, что любая девушка хотела бы быть как ты. Но я думаю, тут так: до сих пор я играла девушек, милых, приветливых и даже вымуштрованных быть всегда — сама наивность и невинность. Мне нужно было быть именно такой: никаких особых проблем, затруднений, противоречий. И хотя у юных девушек есть проблемы, иногда — очень тяжёлые и даже вообще не имеющие решения, я играла всегда сплошную безмятежность, все желания моих героинь исполнялись, что и помогало мне завоевать симпатии публики.

Это я поняла вовсе не в павильоне. Так я думала в своих многочисленных вояжах, когда видела свою публику. Кроме того, я делала эти выводы из множества разговоров, когда обсуждала с прокатчиками, продюсерами, режиссёрами, сценаристами, журналистами, какой же материал должен принести наибольший успех.

Это вообще неизменный вопрос номер один: какой фильм, какой материал? Вот недавно мы с друзьями опять спорили на эту тему: мама, Дэдди и я. Дэдди, как владелец ресторанов и отелей, десятилетиями вёл исследования рынка, как он это называет. Он точно знает, когда предприятие рентабельно, а когда — нет. И он мне объяснил, что в кино — точно так же: нужно прилежно наблюдать и делать выводы, какие фильмы приносят успех, а какие — нет. «Один раз закупишь плохое вино только потому, что оно дешёвое, — и всё, можешь попрощаться с этим рестораном». Так он полагает, и мама с ним согласна.

Я, собственно, тоже.

Я всё больше и больше врастаю в эту жизнь, где мама и Дэдди оба служат мне точными аргументами. Или опорами. Кое-какие

вещи ещё год назад меня вовсе не занимали, а теперь они мне нравятся. А что-то казалось мне обременительным и назойливым — например, балы или поездки с фильмом «на поклоны», но сегодня я к ним привыкла и делаю это с удовольствием. Я научилась полностью отключаться на этих балах или презентациях. Я просто не замечаю, что меня без стеснения разглядывают, что люди подталкивают друг друга и начинают разбирать мой наряд — сколько на него пошло ткани и сколько он должен стоить. Я уже могу быть такой же весёлой и довольной, как любая девушка, и на первом балу нынешней зимой — это был Берлинский бал кино — чувствовала себя так, как будто я тут вообще одна.

Мы все так славно развлекались, что мне представилось: так бы могло быть на школьном балу, которого я ведь ещё никогда и не видела.

Иногда меня спрашивают, чего бы я желала. Трудно сказать.

Но если бы была возможность исполнить одно желание, то тогда я бы хотела когда-нибудь уехать на неделю за тридевять земель, скрыться в каком-нибудь углу, где меня никто не знает и где я могла бы позволить себе всё, что хочу, — и никто бы меня не сфотографировал!

Нужно найти такое место, где ещё никогда не шли мои фильмы, сказал один журналист. Но если бы я сама сказала что-нибудь такое, то мне тут же приписали бы манию величия.

Хотя как раз этой мании у меня вовсе нет. Что угодно, но только не эта «звёздность». За те три года, что я в профессии, я уже видела таких актёров-звезд, которых «погасили». Хороший урок! Вот есть люди рядом с тобой — а вот они уже просто исчезли, невзирая на былые успехи.

— Твоя цена всякий раз определяется твоим последним фильмом, — повторяет Эрнст Маришка. Я думаю, тут горькая правда. Тут и крутятся все мысли, все разговоры, и всегда ты возвращаешься к одному и тому же.

Только один пример: пришел прокатчик — он хотел снимать со мной фильм «Война вальсов», в стиле Эрнста Любича. Только нужно было осовременить сценарий. Я возражала, доказывала, что делать римейк всегда опасно, и после азартного спора вроде бы отбила атаку.

Но Дэдди мне объяснил, что моё отношение к делу — дурацкое, потому что рыночная стоимость этого проекта, как всегда, определялась бы моим последним фильмом. То есть говорил как раз то, что Эрнст Маришка выдавал за абсолютную истину в кино.

Я тогда повторяла: было бы лучше просто исчезнуть, скрыться

на острове — и появляться только для съёмок, а потом опять запираться в башне. Вот тогда со мной ничего бы не могло случиться. Ничего бы я тогда не знала о рыночной цене и прочих подобных вещах, от которых попахивает скотным базаром.

Но ничего мне было не добиться такими девчачьими аргументами.

Чаще всего меня просто высмеивали. Особенно если тут были мои братья и сёстры. Мой брат Вольфи и три мои сводные сестры, дочери Дэдди.

Слава Богу, в этих военных действиях существовал противоположный полюс. Моя мама. Хотя у неё та же сумасшедшая профессия, ей удалось не превратиться в сумасшедшую.

Но что получится из юной девушки, если ей запрещают волноваться?

Обо мне и маме очень много написано. Если бы все эти фантазии были правдой, тогда всё и на самом деле было бы совсем плохо. Я думаю, люди, которые ломали голову насчёт нас, проглядели две важные вещи. Моя мать работала на сцене с 18 лет, выступала в Ингольштадте и Мюнхене, в Аугсбурге и Вене и заслужила признание как артистка оперетты. Когда она в 1931 году пришла в кино, ей было уже 22 года. И стало быть, моя мама — тёртый калач и знает не только театр, но и кино, со всеми их тёмными закоулками. Да и я не так наивна, чтобы не понимать, насколько важно то, что называется характером, — для театра и ещё больше для кино.

Уже в эти три года, когда я была поглощена своими собственными заботами, я могла убедиться: слабый или, точнее, неустойчивый характер — самое плохое, что вообще может быть в кино.

Мама — человек с сильным, выкованным характером, она знает дело и знает его минусы. Поэтому она всегда присматривает за тем, чтобы меня не коснулась зловредная болтовня в студии.

Скажем так: мама меня ограждает. Так в моей жизни играют свою роль два важнейших фактора: мамин опыт в киноиндустрии и её старания держать меня подальше от безрадостных сторон этой профессии.

Мы снимались вместе в шести из моих девяти картин. Совместная работа сплотила нас совсем иначе, чем это обычно бывает у других девочек моего возраста. Всё, что наполняет наш день в кино, от причёски до костюма, от грима до бесконечных примерок, — всё это всегда даёт массу поводов для разговоров. И эти разговоры совсем не похожи на то, о чём обычно молодая

девушка просит свою маму. Поэтому параллельно привычным отношениям мамы с дочкой возникают и другие отношения — собственно, как у старшей и младшей коллег друг с другом.

Я знаю, что мама ради меня готова многое взять на себя. Всяческие неудобства и неприятности — они начинаются, как только откроешь новый сценарий, и длятся без конца, вплоть до постоянных споров о нарядах: ведь нам не разрешается появляться в одном и том же туалете на двух разных мероприятиях.

Вот, например, если бы я была без мамы в Мадриде, то вообще бы не выдержала всего этого: там из-за меня поднялась такая шумиха, что мне не раз казалось, будто я стою как бык посреди арены, и меня атакуют десять тысяч тореро.

Думаю, некоторые критики могли бы поменьше придираться к нашей дружбе с мамой. Это не очень-то порядочно с их стороны. Потому что маме и без того должно быть горько видеть, как её вытесняет младшая коллега, и вдесятеро горше оттого, что эта младшая — её собственная дочь.

Ничего удивительного нет в том, что я порой не соглашаюсь с мамиными требованиями. Но потом понимаю, что я была неправа. Я же не могу закрыть глаза на мамин огромный опыт, он ведь просто сокровище. Часто мне приходится беседовать с журналистами. Если перетерпишь первые вопросы типа «Какой ваш любимый фильм? С каким партнёром вы предпочитаете играть? В каком городе вам приятнее всего находиться?» или тому подобное, то потом можно очень приятно поболтать. Но поначалу, прежде чем приобрести нужную уверенность, без мамы я часто терялась.

Недавно я видела в одном крупном иллюстрированном журнале наше с мамой фото. Было очевидно, что мы там ругаемся. Так оно и было.

Речь шла о Хорсте Буххольце.

Мы с ним подружились на «Робинзоне» — он нормальный парень, со всеми достоинствами и недостатками. Ещё в Мюнхене мы договорились, что на балу кино в Берлине будем без конца танцевать. Ну, мы и танцевали, до того, что кругом начали шипеть об этом.

Хорст великолепно танцует, и я танцую с удовольствием. Мама меня бранила за то, что я всё время танцую с ним и некоторые другие господа лишены такой большой чести, поскольку я им отказывала. Может, дело было вовсе не в этих самых господах, а в своре репортёров: им хотелось щёлкнуть меня пару раз не только с Хорстом, но и с другими партнёрами.

Всё. Больше ничего и не было.

Мама меня распекала, укоряя в том, что я не исполняю своих обязанностей и что эти обязанности также относятся к кино. Я согласна.

Я сначала надула губы. Но вскоре до меня дошло. До меня вообще-то быстро доходит. Правда, с Хорстом получилось не так быстро. Но хотела бы я видеть молодую девчонку, которая, если она на балу с мамой, сумела бы выйти сухой из воды, без единого просчёта. Мне просто не повезло, что мы попались на глаза фотографу.

Жаль, конечно, что я не могу сделать ни шагу без контроля. Приезжаю с мамой на бал, устроенный киношниками, и потом об этом говорят: «Ага, этой девице из Гайзельгаштайга не разрешается выезжать одной». Еду одна, как, например, в прошлом году на бал кино во Франкфурте, — тут же пишут: «Ага, теперь она выезжает одна. Теперь мы увидим, с кем она танцует, сидит рядом, выпивает и уезжает!»

Это ужасно. Потом мама меня утешает, говорит:

— Нужно выдержать. Это — цена твоего успеха. Вот если бы у тебя не было успеха и никто не интересовался бы тобой, — это бы тебе тоже не подошло...

Она права, конечно.

Что всё время злит юную девушку — так это постоянные увещевания. «Делай то, не делай этого, сядь прямо, не кури так много!» Но не устраивать же из этого греческую трагедию.

Мама меня всегда ободряет:

— Говори «нет», если тебе что-то не подходит. Протестуй, стой на своём!

А если у меня часто не хватает на это мужества, так это оттого, что две трети людей, с которыми я вместе работаю, — в возрасте моих родителей. И даже ещё старше. Это проблема, и немалая.

Хорст Буххольц, Альфред Вайдеманн, Херберт Райнекен, Хельмут Койтнер — вот только четверо, кто мне ближе по возрасту. Но, скажем, О. Е. Хассе, который мне очень по сердцу, — он же мне в отцы годится! Йозеф фон Баки, Эрнст Маришка, Харальд Браун — всё это поколение отцов, и нельзя же в конце концов вечно притворяться могучей взрослой тёткой.

Поэтому мама для меня — предохранитель, как на линии высокого напряжения. В последние месяцы я кое-что проглотила, и это даже довело меня до слёз: прочла, что когда мы снимаемся вместе с мамой, гонорары платят якобы меньшие, чем когда я работаю одна.

Я уже несколько раз была на переговорах, когда прокатчики и продюсеры нас уговаривали, а мы с мамой объясняли, что не

хотим и не будем больше сниматься вместе. После чего следовали аргументы, требования и заверения, что мы, живые или мёртвые, хотим мы этого или нет, должны играть вместе.

На картине «Китти и большой свет» маме удалось забастовать. А в других случаях — нет.

Но мы из-за своей профессии живём перед взором общественности как на ладони. Поэтому я могу понять, что нас критикуют со всех сторон. Что нравится одному — не нравится другим, и если утверждают, например, что я каждый день звоню всем немецким писакам по очереди только затем, чтобы сообщить что-нибудь новенькое и остренькое и назавтра красоваться в газетах, — то хоть тресни...

Много чего мне в моей жизни уже приписали понапрасну. А будет ещё больше. Что-то будет забыто, что-то останется. Но я счастлива, что мне, невзирая на молодость, уже что-то удалось. Благодаря маме, которая мной руководит, благодаря Дэдди, который мне помогает.

Те девять фильмов, которые я уже сделала, проложили мне путь. Это было тяжело — в нынешнее время, в подходящих ролях занять и удержать своё место. Именно это меня занимает больше всего.

То, что путь был выбран правильно, показывает резонанс фильма «Робинзон не должен умереть». Я опасалась, что публика не пойдёт на этот фильм! Однако меня радует, что даже самые придирчивые критики на этот раз не так уж придирались. Правда, радость премьеры в Кёльне была омрачена: в тот же самый день в Штутгарте хоронили Эриха Понто — он был так мил со мной, когда мы вместе снимались в Мюнхене.

Мои дальнейшие планы скоро будут выполнены. 20 апреля мы начинаем в Мюнхене «Монпти»: режиссёр Хельмут Койтнер, мой партнёр — Хорст Буххольц. Я очень радуюсь этому фильму. К счастью, снимать в павильоне будем только десять дней. А всё остальное — в Париже, на натуре.

В другом фильме, его мы снимем уже в 1957-м, снова с Альфредом Вайдеманном, меня зовут Скамполо. Скамполо ужасно темпераментная — ничего похожего я ещё никогда не играла. Моя героиня переживает на острове Искья чудесную историю. Хоть я и совсем бедная девочка, не принадлежу никому и зарабатываю свои лиры как гид, в меня влюбляется один мужчина, большой и красивый; его сыграет Пауль Хубшмид. Денег, правда, и у него немного, но мы любим друг друга. Вот что самое важное.

Съёмки начнутся в конце 1957-го на острове Искья.

1957, 11 февраля — 5 марта
Слишком много впечатлений

Путешествие в Индию и на Цейлон

Программа путешествия, в котором Роми участвовала вместе с матерью Магдой Шнайдер, отчимом Хансом-Хербертом Блатцхаймом и ещё девятью немецкими туристами, включала четыре недели непрерывных впечатлений, столь сильных, что за короткое время она не могла их толком воспринять. План, рассчитанный по часам и минутам, гнал их из города в город, из отеля в отель, от одной достопримечательности к другой. Осмотр города и окрестностей, посещение монастырей, круиз, снова аэропорт — и в другой город. В Калькутте, почти на середине путешествия, Роми вынуждена по состоянию здоровья сделать перерыв. Кроме того, она досадует, что её отчим, как владелец отелей и ресторанов, интересуется индийскими гостиницами больше, чем культурными достопримечательностями. Последние две недели она проводит на Цейлоне, в Коломбо. На обратном пути, а это 3000 километров лёта и 1000 километров на машине, она участвует в торжественной премьере фильма «Зисси, молодая императрица» в Афинах. Журналистам она говорит только одно: «Спросите маму, она вам всё опишет».

Однако она делает короткие путевые заметки.

11 февраля 1957 года мы отправились в большое путешествие. В Бомбее мы остановились на три дня. Не успели мы прибыть в город, как начались большие приёмы.

Но самым интересным для меня оказалось посещение индийской киностудии. Мы ещё посмотрели несколько индийских фильмов, правда, только фрагменты. Потому что пять-шесть часов — а именно столько длится нормальный игровой индийский фильм — для нас, европейцев, просто невыносимы. Кроме того, собственно действие сильно отодвинуто на задний план.

Бенарес. Город тысячи монастырей. Город паломников, нищих, факиров, чудотворцев, кающихся, умирающих, туристов, торговцев, больных — всё это произвело на меня сильное впечатление. Там есть тесный переулок, который ведёт от Золотого монастыря к Монастырю обезьян. Проход такой узкий, что можно прикоснуться к обеим стенам, просто раскинув руки.

Под ногами там — болото и тьма вонючих насекомых. Переулок битком набит нищими и калеками, вплотную прижатыми к стенам домов, так, что можно едва втиснуть ногу между детьми, хромыми, припадочными, идиотами. Самое ужасное, что все они тянут руки и просто хватают людей, если кто пытается пройти мимо. Чтобы хоть что-нибудь выклянчить, они цепляются за одежду. Продираешься сквозь них, а ноги утопают в грязи.

Бенарес. Самое известное место паломничества такое грязное, что европеец едва может себе это представить.

Ночами напролёт видела я во сне этих людей, истощённых как скелеты, валяющихся в грязи.

Дарджилинг. Едем на джипе к Тигриному холму: оттуда открывается единственный в своём роде вид на Гималаи. Там мы наблюдаем восход солнца. Багровое солнце медленно поднималось над горами, и это было невообразимо прекрасно. Я этого никогда не забуду.

Нас пригласил махараджа Джайпура. Такие дворцы бывают разве что в сказках. Сначала мы прошли через прекрасный парк, там бесчисленные садовники ухаживали за цветами и газонами. Во дворце множество башен, похожих на японские. Много зданий из дерева.

Что мне ещё запомнилось?

Что крошечный монастырь в Бенаресе — из чистого золота; что Тадж-Махал великолепен; что индийские кинозвёзды носят причёску на прямой пробор, а кожа в проборе выкрашена красным гримом; что украшения в крыльях носа у дам должны воспламенять мужчин; что рис «карри» на вкус — совсем другой, чем мы привыкли; что в Дарджилинге, на высоте 2000 метров, очень холодно, а в Коломбо термометр показывает 40 градусов в тени, а вода — 30 градусов. Я всё это испытала. Послушная детка!

Если я торчу на этих гнусных вечеринках и ничего не говорю, люди наверняка думают: вот глупая гусыня! Но что я должна говорить? То же, что говорят другие? «Как вы поживаете?» “Very glad to see you” [9]?

Мне нужно хорошо подумать.

Собственно отпуск начался в Коломбо, на острове Цейлон. Здесь мы провели две недели. И ничего не делали, только гуляли, плавали и спали. Отель расположен посреди джунглей. Едешь на машине, и перед тобой переползают дорогу громадные ящерицы. По пути мы видели полчища обезьян, они населяют улицы и вообще ничего не боятся. А слонов тут почти так же много, как у нас — собак.

Вот опять я прихожу к тому, что знаю точно. Речь о моём свадебном путешествии. Не так скоро, конечно, но я точно хочу

снова на Цейлон, последний райский уголок на этой земле. На этот остров блаженства, который висит на краю Индии, как жемчужина на мочке уха.

Прощаемся с Индией после долгого путешествия по чайным плантациям.

В Афинах премьера «Зисси-2» прошла с огромным успехом. А перед тем греки придумали для меня красивый сюрприз. Они узнали от моей мюнхенской портнихи мои размеры и незадолго до премьеры доставили мне греческий костюм. Я его, конечно, надела на премьеру.

В последнюю ночь, при полной луне, мы поехали в Акрополь. Два года тому назад я уже была в Греции. Тогда меня не знал ни один человек.

Мне лучше бы быть поспокойнее и не так много говорить; у меня же совсем другой темперамент, чем у мамы. Всё происходило слишком быстро, и было слишком много впечатлений. Думаю, ими можно потом питаться всю жизнь. У меня всё бывает так, что проходят месяцы, пока я приведу в порядок все воспоминания. Если бы я просто рассказывала про это, то получилась бы беспорядочная бессмыслица. Нужно время, тогда я обдумаю, чему научилась в путешествии. Лучше бы всё делать медленно, потом выбросить кучу лишнего, а остаток основательно рассмотреть. Ну, я это сделаю... как-нибудь позже.

Так много всего было в последние недели. И напоследок ещё — Афины. Премьера в присутствии короля и королевы, а потом... Потом мы наконец дома. Я безумно рада быть в Берхтесгадене, в моей собственной комнате, где я могу быть совсем одна. Знаете ли вы, что это такое, если ты где-то имеешь собственную комнату, про которую знаешь, что она всегда твоя? Туда можно заползти, закрыть за собой дверь и быть в уединении, существовать только для себя одной. Я люблю маленькую комнату в Берхтесгадене, могу тут лежать и читать, и следовать за своими собственными мыслями...

1958, 13 января — 5 февраля
Мой американский дневник

Путешествие в Нью-Йорк и Голливуд

Поводом к трёхнедельному путешествию Роми и её матери в Нью-Йорк и Голливуд стала премьера картины «Юность королевы»; компания «Уолт Дисней» выпустила фильм в прокат под названием «История Вики» в Нью-Йорке и многих других городах Америки. За двенадцать дней в Нью-Йорке Роми восемь раз выступила по телевидению и пять раз по радио, дала бесчисленные интервью известным американским обозревателям и киножурналистам. Она посещает Метрополитен-опера, танцует на Венском оперном балу в «Уолдорф-Астории», поднимается на смотровую площадку Эмпайр-стейт-билдинга. В Голливуде её приглашают крупные киностудии, она встречает там Софи Лорен, Курда Юргенса, Мела Феррера, Фритци Массари, Эриха Поммера и многих других.

В своём «Американском дневнике» Роми ежедневно подробно описывает всё, что происходит с ней в этой стране.

Вторник, 14 января 1958 года

Я в Америке. Невозможно поверить! Ровно в 6.30 по нью-йоркскому времени мы трое — мама, Лео Хорстер и я — рейсом SAS приземлились в аэропорту Айдлуайлд. Холод жуткий, ветер свистит в ушах. Я не выспалась, но ведь это не важно: я — в Америке! Конечно, немножко волнуюсь. Только мы выходим из самолета, как пять фотографов уже тут как тут. Один из них бросается ко мне: «Я — Деннис, я ваш друг, хочу всё время быть с вами». Это Деннис Стак, известный американский фотограф, как мне объясняет Лео. И потом все они кричат: «Пожалуйста, покажи ноги!» И я должна задирать юбку, в такой холод. Но мне это кажется забавным. Линн Фарнол и Чарльз Левис тоже здесь, они представляют Диснея. Едва мы входим в здание аэропорта, нас обволакивает ужасная духота. В этой жаре мы должны ждать битый час, пока досматривают все наши тринадцать чемоданов. Потом мы отправляемся в отель «Плаза».

Ничего подобного я ещё не видела. Это вообще не отель, это целый город. У нас с мамой номера 1632, 1634 и 1636. Комнаты громадные, и мне нужно чуть ли не полчаса, чтобы добраться через холл от моих апартаментов до маминых. Всюду стоят цветы.

От Уолта Диснея, от Пауля Конера, от Дэдди и ещё от многих других. В 9 часов приходит первый репортёр, а в 10 появляется молодой человек с фотоаппаратом и представляется как Хорст Буххольц. Я сначала думаю, что это розыгрыш. Но его на самом деле так зовут, он фотокорреспондент Ассошиэйтед Пресс.

В 15.30 начинается моё первое телевизионное шоу. Если честно, я немножко дрожу. Но — напрасно, потому что всё проходит хорошо. К концу являются ещё пять фотографов, от Интернэшнл Ньюс Сервис, и ещё — здешний корреспондент журнала «Штерн». И потом мы немножко пошлялись по Нью-Йорку. Это что-то невероятное. Тут ходят по улицам норковые манто — запросто.

Среда, 15 января

В 5.30 я уже должна вставать. И при этом не выглядеть усталой: мне же нужно быть на моём первом американском телеинтервью. Оно начнётся в 7, но надо приехать самое меньшее за двадцать минут, чтобы гримироваться. Я бы предпочла сама привести себя в порядок, и люди на телестудии мне это позволяют — так мило с их стороны! В 7.20 у меня — четыре минуты, и потом еще в 9.40 — восемь минут. С моим английским дело идёт уже получше. Но нужно всё время держать ухо востро. Вопросы следуют один за другим, и все хотят получить точные ответы.

В 11 часов мы уже у Петера фон Цана: он делает с нами радиоинтервью, причём запись должна пойти на немецком радио в тот же вечер. Надеюсь, Дэдди его услышит. В 12 часов — ещё журналисты, по списку. Времени у меня хватит только взглянуть в зеркало и вымыть руки. В 12.30 мы завтракаем с представителем Юнайтед Пресс Джеком Гавером. Перед тем, как всё это продолжается, я полчасика отдыхаю в своём номере. Было бы неплохо часок поспать. Но я же не для того приехала в Америку, чтобы тут спать. Губная помада, пудреница, тушь для ресниц — и вперёд, на следующее интервью. Мама всё делает просто супер! Она не так устала, как я, и только выглядит немного бледной.

В три часа дня мы — в редакции «Лэдис Хоум Джорнэл»; тут я опять должна «показывать свои ноги» и приклеить на себя сияющую улыбку. И, наконец, я хочу зайти в пару магазинов и не рассказывать без конца, что бы хотела сыграть в Америке. И мы идём по магазинам. Фотографы тут же, не отстают. В «Бергдорф-Гудман» я вижу чудненький голубой костюм, и не так уж дорого. Всего 68 долларов. Меряю его, и он сидит на мне как влитой. Прямо в нём и выхожу.

В 16.45 — следующая встреча. С Полом В. Бекли из «Геральд Трибюн». По-моему, он очень милый, но спрашивает почти то же самое, что и все его предшественники-журналисты. Надо сказать, мой английский явно идёт в гору. Хотя мне и приходится просить: говорите, пожалуйста, помедленнее! И вот теперь, после этого последнего интервью, я уже совсем без сил. Сейчас хоть китайский император попросил бы меня дать ему интервью — я и его отправила бы подождать. Роми надо отдохнуть!

Лео и мама очень трогательно заботятся обо мне. Они запихивают меня в первое же такси, и мы мчимся в «Плаза». Прежде чем уснуть, я ещё успеваю подумать про этого таксиста: просто загадка, как это ему удается просачиваться по таким запруженным улицам. Против этого потока мюнхенский Штахус даже в пять вечера - час пик — сплошное кладбище. Вот уж точно.

Четверг, 16 января

Опять — вставать с петухами! Впрочем, я сомневаюсь, что в этом море домов вообще водятся петухи. Маме можно остаться в постели. Я рада, что мне не надо убирать все мои вещи: пусть валяются, а Грета всё приведёт в порядок. Лео нанял для нас с мамой настоящую камеристку. Грета — замечательная! Всё лежит на своем месте. А это вовсе не так просто с нашим количеством всякого хлама.

Лео и я после завтрака опять едем на телеинтервью. Я должна в 8 утра напялить на себя бальное платье! Нет, как вам это нравится? Но по телевизору ведь не видно, что сейчас не вечер. В 10 часов мы снова в отеле. Прыг под душ, быстро переодеваться, и вот нас уже ожидает Фред Хифт из «Варьете».

В 11.30 — запись для немецкого радио. Интервью со мной и с мамой должно транслироваться в будущее воскресенье. Как здорово мама говорит по-английски! Но всё же нам обеим не помешает наш английский надраить до блеска. Следующий пункт программы: интервью и ланч с Майком Макки из «Ньюсуик» в отеле «Алгонкин».

В 15.30, минута в минуту — радиопередача для «Монитора».

В 16.30 — интервью с мистером Бэлдом для мощного «NANA-Синдикэта».

В 18.30 — обед в привилегированном «Клубе 21».

А в 20.40 — спектакль «Моя прекрасная леди». Это что-то фантастическое! Жаль только, что у меня глаза просто закрываются. И только далеко за полночь я падаю в постель. Жутко устала! А завтра с утра мне надо к парикмахеру. После бесконечных причёсываний для бесконечных интервью — не могу больше даже просто слышать это слово! — у меня на голове

какие-то крысиные хвостики.

Пятница, 17 января

Наконец выспалась. Потом сидела битых два часа у знаменитого парикмахера Антуана в «Заксен Варенхаус». Чувствую себя как будто родилась заново. Наконец мы с мамой и Лео идём в «Транслюкс-Театр». Я должна подписать с господином Рихардом Брандтом, владельцем этого заведения, и господином Лео Сэмюэлом, шефом прокатной компании «Буэна-Виста», договор на премьеру фильма «Юность королевы»: здесь фильм пойдёт в двух залах «Транслюкса», на 52-й и 85-й улицах, вблизи немецкого квартала, под названием «История Вики». Потом быстро — в «Сарти». Отличный ресторан! С нами вместе обедает Ирен Тирер из «Нью-Йорк пост». Она мне советует попробовать кекс с кетчупом. Плюх! И пятно от кетчупа — на моем светлом костюме.

Но тут же появляется официант с горячей водой и салфеткой в руке; он, кстати, бегло говорит по-немецки. Только я дожевала последний кусок — и вот уже еду в такси навстречу довольно-таки напряженному занятию: три часа сидеть в редакции «Лэдис Хоум» на фотосессии.

Петер Баш прилагает все усилия, чтобы сотворить из моей малозначительной особы нечто наилучшее. У меня такое чувство, что улыбка примёрзла к моему лицу, изображая некий «гламур». И он постоянно говорит «побольше ног», это так всегда в Америке. В 17 часов я наконец снова в отеле. В плане стоят «два часа отдыха». Но уснуть я не могу, только немножко успокоиться. Снаружи по Пятой авеню без конца мчатся машины.

В 19 часов является Грета с моим новым потрясающим вечерним платьем, оно белое. Впервые в жизни я еду на бал в Америке. На Венский оперный бал. В «Уолдорф-Асторию» мы едем в двух громадных лимузинах «Кадиллак». В дверях нас уже ожидает господин Шиллер, австрийский генеральный консул, он передает нам программу вечера. На первой странице — моя большая фотография в роли королевы Виктории. Публика невероятно элегантная, и я много танцую. Когда я наконец ныряю в свою постель, уже далеко за полночь. У меня устали ноги, и кроме того, я немножко навеселе.

Суббота, 18 января

Мама может сегодня передохнуть. Я еду одна в половине двенадцатого к Петеру Башу. Снова четыре часа съемок.

В 18.15 меня забрал мистер Фарнол и отвёз в недавно открывшийся ресторан. А потом — в Метрополитен-опера. Там

профессор Карл Бём, отец Карлхайнца Бёма, дирижировал спектаклем «Кавалер розы». Я была в восхищении. В антракте пили шампанское, а после спектакля ещё на часок заехали в «Эль Марокко». Маме хорошо, она уже может ехать спать, а я должна ещё с мистером Фарнолом и Лео тащиться на запись радиоинтервью для шоу Барри Грея. Я ужасно возбуждена. Потому что это не тихая студия, а настоящий театральный зал. Когда меня вызывают на авансцену и интервьюируют, на меня смотрят тысячи людей.

Воскресенье, 19 января

Когда я открываю глаза, уже поздно, даже очень поздно. Почти час дня! И сегодня в нашей программе — всего два пункта: отдохнуть и поговорить с Кёльном, с Дэдди.

В 14 часов мы с мамой и Лео едем в такси через Вестсайд на южную оконечность Манхэттена — Баттери. Оттуда — на пароме на остров. Вид Нью-Йорка со стороны гавани — это сильнейшее впечатление мне не описать. Ближе к 16 часам мы снова в отеле. Голос Дэдди в телефонной трубке такой отчётливый, как будто он — в соседней комнате. А потом мы можем ещё пару часов полежать. Мы это заслужили. Но в этот день есть ещё кое-что, от чего нам не отвертеться. От 20 до 21 часа мне приходится по всем правилам искусства изливать душу перед журналистами на шоу Эда Салливана. Причём на этот раз я должна вести себя особенно прилично: прямой эфир смотрят 40 миллионов зрителей.

А после шоу, примерно в 22 часа, мы ещё забираемся на вершину Эмпайр-стейт-билдинга. Ясная морозная ночь, и мы видим вокруг бесчисленные разноцветные огни и корабли в гавани. Я просто умираю от этой красоты. Лео говорит, что уже лет десять не видел ничего подобного. А ведь он уже вечность в Штатах.

Теперь я могла бы довольно рано отправиться спать, но как раз сегодня я вовсе не устала. И я тащу маму и Лео ещё в «Рандеву», прелестный, совсем французский кабачок — он принадлежит отелю «Плаза». С нами там сидит и Рене Биттель, пару дней тому назад мы с ним познакомились. Он ужасно милый, отлично выглядит и превосходно танцует венский вальс. Он кружит маму и меня по очереди. А Лео заказывает различных «Вдов Клико», как он выражается.

Понедельник, 20 января

Сегодня я впервые видела американскую версию картины «Юность королевы», на показе для прессы. Я просто остолбенела от того, как здорово на «Диснее» продублировали мой и мамин

голоса. Звучит так, будто это наши собственные голоса. Лео Хорстер рассказывает, что он несколько месяцев искал подходящие голоса. После обеда мы уже читаем рецензии на фильм в разных газетах. Все отзывы — просто блеск. Что написала «Моушн Пикчер Дейли», я должна просто сюда переписать. Это же мои первые американские «лавры». Там так: «О Роми много чего рассказывают. Она снимается в четырёх фильмах в год, и в 19 лет эта талантливая девочка имеет уже десять полнометражных картин. Она происходит из актёрской династии. Картина „Юность королевы“ наверняка будет иметь успех в Америке». Я совершенно счастлива от этой коротенькой заметки.

В 12 часов — опять переодеваться. Мы приглашены на ланч к австрийскому генеральному консулу Эдуарду Шиллеру, в Парк-Лейн-отель. Здесь ещё и австрийский представитель в ООН, доктор Франц Матч, и профессор Карл Бём с женой. Немножко чопорно, но всё равно приятно.

В 15.15 мы едем в редакцию «Дейли ньюс», это самая крупная ежедневная газета Америки. Я теперь знакома с самым классным репортером Нью-Йорка Джимми Джемайлом, его называют «въедливый фотограф». Ещё здесь журналистка Лоретта Кинг, с ней мы уже познакомились.

В 16.30 — следующее интервью, с Фредом Хифтом, корреспондентом «Дер Нойе Фильм» в Висбадене и одновременно — «Варьете». На сегодняшний вечер мы припасли себе нечто особенное. Мы намерены посмотреть спектакль «Время, которое не забыть» с Хелен Хейз. А перед этим мы ещё ужинаем с её сыном Джеймсом Макартуром в ресторане «Брюссель». Потом смотрим Хелен Хейз. Вот это переживание! Что за великолепная актриса!

После представления мы сидим за рюмкой вина с ней и её сыном «У Уитни». Потом мне хочется домой, спокойно обдумать спектакль. Когда я гашу свет, уже почти час ночи. Завтра лягу спать пораньше, уж это точно. Любопытно, что скажет наш милый Лео?

Вторник, 21 января

Только мы с мамой успели позавтракать в номере, как уже у дверей — опять господин с блокнотом и карандашом. И когда завтракали, уже было полно звонков. Разные девушки и молодые люди просто звонят и говорят: «Роми, я — твой поклонник». Я всегда ужасно смеюсь, когда слышу такое.

Тот репортёр — доктор Роберт Прик из нью-йоркской газеты на немецком языке «Штаатцайтунг». Ну вот, можно забыть про

английский и в своё удовольствие говорить с журналистом по-немецки. Доктор Прик очаровательный, и совсем незаметно, что он выцарапывает из тебя всю подноготную.

А потом — чудесные магазины. Мы с мамой выкраиваем часок на шопинг. Есть роскошные вещи, но на мой вкус — слишком уж всё пёстро. И дамы, что шатаются по магазинам посреди дня, разукрашены так, как у нас принято только для вечера. Они элегантны, шикарны, увешаны драгоценностями и в дорогих меховых манто.

На 14 часов у нас договорённость о встрече в Дисней-бюро. Мистер Дэвид Бергер делает со мной для «Голоса Америки» запись радиопередачи, которая транслируется на Германию. Потом нам ещё показывают большой плакат, который выпустил Дисней для нашего путешествия по Америке. Я вижу себя на громадном фото, в пять раз больше, чем в натуре. Лицо совсем другое, чем я знаю по своим фото и фильмам. С зачёсанными назад прямыми волосами, с закрытыми глазами — я себя просто не узнаю. Ещё и текст к этому фото изобрели такой: «Самая волнующая актриса 1958 года». Ну, не знаю. Америка на самом деле — страна преувеличений.

В 16 часов мы едим креветок, это самое вкусное, что есть на свете, в ресторане «Оук Рум», в «Плаза». Быстро — под душ, Грета уже всё приготовила, и мы едем на коктейль к мистеру Линну Фарнолу. Он устраивает в своём доме эту вечеринку для самых важных представителей прессы Нью-Йорка. Первый раз я — в частном жилище американца. Всё в светлых, пёстрых красках. Много дерева, а вид из широких окон на центр города просто волшебный. Мы болтаем с журналистами, и больше всего я рада, что они — с честными глазами! — уверяют, будто мой английский великолепен.

Среда, 22 января

Ура! Телешоу в последний момент отменили. Я могу всласть выспаться, и только в 12 часов мы с мамой должны быть на ланче с Элис Хьюз, из «Кинг Фича Синдикэт», в «Сарди». Когда она уходит, тут же является Харри Миликен, кинорепортёр из Юнайтед Пресс. Мой английский теперь совсем беглый, сегодня ночью я даже видела сон по-английски.

В 14 часов мы снова у Петера Баша в студии. Он показывает нам первые снимки из новых. Получилось превосходно, и хотя я трудилась без устали, дело того стоило. На этих волшебных цветных фотографиях я себя тоже почти не узнаю.

До следующего пункта программы у нас два часа отдыха в номере, и вот уже Грета является со словами: «Мисс Роми, пора!»

Перекусываем в номере, и к 21.15 едем в огромный зал «Радио Сити Мьюзик холл». Нас пригласил директор мистер Рассел Даунинг. Сначала мы смотрим рождественскую программу, а потом фильм «Сайонара» с Марлоном Брандо. Маме приходится меня два раза толкнуть, пока я замечаю, что представление кончилось.

— Ты совсем ушла в себя, моя малышка, — говорит мама, смеясь.

Потом Лео довёз нас до громадного здания, мы ходили там целый час и всё равно не осмотрели и половины. Опять я падаю в постель смертельно усталая.

Четверг, 23 января

Честно говоря, я ещё не совсем выспалась, когда в девять Грета пришла меня будить. Сегодня мы были сначала в фотоателье «Санди ньюс». За полтора часа отщёлкали 34 цветных кадра, правда, половина из них никуда не годится. Всё здесь происходит быстро и слаженно, и обстановка в студии приятная, так что время пролетело незаметно.

В час дня — ланч с мистером Джоном Макдональдом из журнала «Лайф», в ланч-клубе Рокфеллер-центра, на 65-м этаже. Вид сверху такой, что я почти не могла есть: всё время смотрела вниз.

От 14.30 до 16.30 — интервью с Беном Соморофф, из журнала «Лук». Для фото я должна была одеться в платье викторианской эпохи, чудесное свадебное платье.

Это было довольно-таки напряжённо, но и это закончилось.

Мама тем временем гуляла по городу. Жаль, что без меня: мне так нравится ходить с ней по магазинам.

Вечером, в полвосьмого, мы приглашены домой к немецкому консулу доктору Райфершайдту. Возвращаемся в одиннадцать, глаза у меня просто закрываются. Мама уже на вечеринке всё время делала мне знаки спичечным коробком. Мне бы следовало вставить себе спички в глаза, чтобы они не закрывались.

Пятница, 24 января

Сплошные презентации. Уже в 10 часов мы даём большой приём для немецких и иных европейских журналистов, работающих в Нью-Йорке. Все дамы и господа минута в минуту собрались на первом этаже отеля. В 11 часов — опять журналистка, из «Джорнэл Американ». Для начала она выгоняет маму и Лео, потому что её раздражает, что она со мной — не наедине. И то, что она потом спрашивала, тоже было как-то странно. В общем, её шарм на меня не произвёл впечатления.

В полдень я от неё избавилась. Но пора уже было на телешоу Джоя Франклина. Джой Франклин — очаровательный.

Интервьюировал меня без всякой позы, как будто экспромтом. Я чувствовала себя перед камерой как дома. Потом — к парикмахеру, надо навести красоту для Голливуда. Ведь осталось всего два дня, и потом мы покидаем Нью-Йорк. Я уже страшно волнуюсь, как всё будет в Голливуде. Какие там люди — такие же приветливые, как в Нью-Йорке, или нет?

Но сегодня вечером мне нужно ещё раз как следует сосредоточиться. В последний раз я появляюсь в Нью-Йорке перед телезрителями, на вечеринке «Гринвич-Виллидж-парти». Когда включается камера, я нисколько не волнуюсь. И всё идет классно.

На завтра ничего не запланировано. Наконец-то основательно высплюсь.

Суббота, 25 января

Проспала почти 11 часов подряд. Просто не могла проснуться. На ланче мы с мамой встречаемся с Куртом Риссом. Он потрясающе интересно рассказывает про Америку. Потом ещё немножко прогулялись по городу. Я уже двенадцать дней в Нью-Йорке и много чего видела, но, конечно, не узнала и миллионной части этого невероятного города. Лео объясняет, и объясняет, и показывает, и я не перестаю удивляться. Вечером большой ужин в ресторане «Леон», а потом — шмыг, шмыг в коробочку. Завтра важный день: завтра мы летим в Лос-Анджелес.

Воскресенье, 26 января

В самолете SAS для нас заказан весь хвостовой салон. В десять часов мы взлетаем из аэропорта Айдлуайлд. Комфорт в самолете просто фантастический. С баром, и вообще всё — по последнему слову техники. Я бы с удовольствием выпила коньяку. Но стюард заявил, что мне не положено. До 21 года здесь алкоголь запрещён. О чем только думают эти американцы! Жениться или замуж выходить можно, детей заводить — пожалуйста, а я, в свои 19 лет, не могу выпить безобидную рюмку коньяку! Я же не алкоголик, но если нельзя, то сразу очень хочется капельку выпить. Нельзя даже отпить глоток из маминого стакана, потому что стюард не спускает с меня глаз. Лео объясняет мне: он вынужден следить за этим, иначе может лишиться лицензии и потерять работу.

Но и без алкоголя путешествие великолепное. Погода ясная. И когда мы приземляемся в Лос-Анджелесе, воздух чудесно тёплый и нежный, как у нас дома весной. В аэропорту нас уже ожидают генеральный консул Австрии доктор Валлер и его жена

и господа из компании «Дисней», и ещё — сюрприз: индейский вождь Железный Глаз, который живёт в Диснейленде. Он торжественно принимает меня в своё племя и надевает мне на голову индейский венец из перьев. Кругом толкутся фотографы, и вождь Железный Глаз и я должны четыре раза повторить весь ритуал. Я ужасно горжусь, что теперь я настоящая индианка.

Ну а потом мы едем в отель «Беверли-Хиллз», фантастическое сооружение с бассейнами и садами. У нас больше нет Греты, которая нам так пришлась по душе, но зато есть Клер, она тоже очень ловкая и приветливая.

Не успели мы распаковаться, как пришёл Хельмут Койтнер с женой. Мы вместе пообедали в отеле и на минуту заскочили к Койтнерам, посмотреть, как они живут. У меня даже заболели глаза — от солнца и от новых впечатлений, и в постели я выпила ещё целую бутылку минералки, потому что горло у меня пересохло.

Понедельник, 27 января

Если подумать, что в Германии сейчас — лед и снег, а здесь я из окна вижу эту летнюю роскошь, то всё кажется ненастоящим. Я просто бесконечно счастлива, что нам удалось это путешествие!

В десять часов шофёр в ливрее повёз нас на киностудию Диснея. Мы ужасно долго шли через павильоны и холлы. Я в первый раз увидела, какого труда стоит сделать мультипликационный фильм. За длинным столом сидят рисовальщики в белых перчатках и часами вырисовывают единственный жест какого-нибудь Микки-Мауса. Я долго разговаривала с одной японкой (конечно, по-английски), и она мне всё объяснила.

С 12.30 до 14 часов — большой ланч в директорской столовой студии Диснея, с примерно двадцатью журналистами.

С 14 до 15 — моя фотосъёмка для «Черчилль-Синдикэта».

С 15 до 16 часов — наше интервью с Бертом Райсфельдом для немецкого и австрийского телевидения.

Ровно в 16 — примерка платья, в котором я должна сниматься в кинопробах на студии Диснея. Со свистом мчимся назад в отель. Программа должна выдерживаться точно: компания Дисней расписала наш визит по минутам.

С 16.45 до 17.30 мы даём в наших апартаментах интервью Ли Бельзеру для Интернэшнл Ньюс Сервис. Потом быстро переодеваться — Лео уже стоит в холле с часами в руке — и на коктейль-парти с журналистами, в зимнем саду киностудии Диснея. Снова со всех сторон — вспышки камер. Назад в отель, на ужин с господами из Диснея. Мама опять украдкой делает мне

знаки спичечным коробком. И зря: я просто падаю в постель.

Вторник, 28 января

Сегодня выспаться не удалось. Отложу это до Германии. В 8.15 — и ни секундой позже — отъезд на телестудию KTLA. Журналист Ларри Финлей берёт меня в оборот, но делает это так весело и очаровательно, что я совсем не чувствую себя не в своей тарелке. Назад в отель, пейзаж я наблюдаю только из окна машины, и в 10.30 — интервью с Доном Бейлором из «Геральд Экспресс».

Ланч.

В 13.15 мы снова в телестудии, теперь уже в другой. Это прямая трансляция, и мама может сразу всё видеть на экране. Потом она мне говорит:

— Если ничего другого не получится, ты можешь стать телезвездой, так хорошо у тебя это выходит.

Конечно, мама пристрастна. Но и другие говорят то же самое. Я совершенно счастлива. Больше всего — из-за своего английского, с ним у меня вообще уже нет никаких трудностей. С 15 до 16 часов — запись с Фредериком Поргесом на немецком, для немецкого и австрийского радио. В 16 часов — снова интервью. Лео полагает, что репортер Джой Хеймс особенно важен, и я стараюсь изо всех сил произвести на него хорошее впечатление. Срочно переодеваться — могу я хоть раз в жизни спокойно переодеться? — и мы идём на коктейль с немецким генконсулом доктором Эдвардом Шнайдером. Всюду Шнайдеры! Вечером мы с мамой идём в «Ля Рю», чудный кабачок, и встречаем там Курда Юргенса. Он выглядит немножко бледным, а по-английски говорит как настоящий американец. Ни глотка алкоголя мне тут тоже не дают, кельнер следит за этим строго. Но за это я получаю кое-что другое. Причём даром. Каждые пару минут по залу проходят мировые знаменитости. Лорен, Ким Новак, Фрэнк Синатра и другие звёзды. Я только хватаю ртом воздух, когда кто-нибудь из них вот так просто и непринужденно проходит мимо. Лорен я нахожу в тысячу раз красивее в жизни, чем в фильмах. Она просто совершенство. Курд их всех знает и знакомит нас с некоторыми. Потом, совсем поздно, возвращаемся в отель. Завтра надо бы хоть что-нибудь рассмотреть в Лос-Анджелесе и Голливуде. Лео предлагает проехаться по окрестностям.

Среда, 29 января

Жуткое разочарование. Не просто дождь — льёт как из ведра, и о поездке нечего и думать. Однако Лео ничем не смутишь. Он

быстро организует что-нибудь другое — и сразу после завтрака мы уже осматриваем студию «Метро-Голдвин-Мейер». Вот уж масштабы так масштабы! А за ланчем у нас — ещё один известнейший сотрапезник, Мел Феррер. Время летит слишком быстро. Снова одно интервью за другим.

С 14.30 до 15.30 — запись с Ширли Томас.

С 15.30 до 17 часов — интервью с Паулем Эльбогеном.

С 17 до 18 часов — интервью с Лидией Лейн для «Лос-Анджелес тайм», и потом быстро — на виллу Луэллы Парсонс, она — самая известная и значительная голливудская сплетница. Если я ей не понравлюсь, можно собирать манатки. Дом у неё просто волшебный, и она со мной чрезвычайно любезна. На всякий случай я изображаю свою воскресную улыбку: это никогда не повредит.

Четверг, 30 января

Мама будит меня, утешая, что можно ещё поспать. Дождь барабанит в моё окно. Намеченный визит в Диснейленд, которому я так радовалась, отменяется. Я ещё несколько дней буду в Лос-Анджелесе, и всё это время наверняка будет лить как из ведра. Но всё-таки мы после обеда едем на прогулку на машине, с нашей новой знакомой фрау доктором Хабер. Сразу — в Санта-Монику, на море. Жаль, нельзя выйти из машины, а то тут же промокнем до костей.

В 16 часов нас ждёт интервью с фрау доктором Трауб, она здесь представляет журнал «Фильм унд фрау».

С 17 до 18 часов — интервью с Пегги Харфорд из «Миррор». Потом приходит Лео, показывает мне, что про меня написала Луэлла Парсонс в «Лос-Анджелес икзэминер». Там что-то вроде «Восемь ведущих американских кинокритиков назвали Роми Шнайдер самой красивой девушкой Европы». Благодарствуйте, уважаемая Луэлла, но только это, по-моему, чушь. Я же не королева красоты, невысоко ценю все эти конкурсы и соревноваться ни с кем не намерена. Хотя бы потому, что наверняка пролетела бы мимо приза!

Вечером мы ещё ужинаем в отеле с Хейзл Джонсон из Юнайтед Пресс. Позже Лео приносит мою биографию — её сочинила компания «Дисней». Тут уж я должна кое-что изменить. Например, тут так: «Роми получает каждый день 3000 писем от своих фанатов». Смешно! Их же бывает самое большее 600. Или вот ещё одна глупость: якобы мне сделали чуть ли не 10 000 предложений выйти замуж. Ну, парочку я получила, но письменно — ни одного.

Пятница, 31 января

Опять рано вставать! Хотя я бы всё равно не могла долго спать, потому что сегодня снимаются мои кинопробы на студии «Дисней». Я немножко нервничаю, когда мы едем на студию к 7.30 утра. Но в павильоне всё беспокойство просто испаряется. Ведь все киностудии на свете одинаковые, и их воздух для меня уже родной. Но как будет с моим английским? Для болтовни его хватает, но не знаю, может, для актрисы его нужно куда больше?

В 12.30 наконец всё начинается. До этого я гримируюсь, причёсываюсь, для меня устанавливают свет. Текст моего эпизода я уже знаю, и знаю своего партнёра, ужасно симпатичного Джерома Куртленда. Режиссёр Чарльз Бартон. Через час он говорит — стоп. Как всё вышло, как мой английский? Весь день только об этом и думаю.

В 19 часов нас забирает в отеле диснеевская звезда Фесс Паркер и везёт в «Мулен Руж». Ресторан вмещает, думаю, полторы тысячи человек, но сидит тут не меньше чем две тысячи. Понабилось как селёдок К тому же первая часть шоу скорее шумная, чем хорошая. Но потом поёт Мартин Дэвис, красивый негр с отличной фигурой. В 23 часа мы возвращаемся в отель. Уснуть я не могу, всё время думаю о своих кинопробах.

Суббота, 1 февраля

Солнце сияет. Так тепло! После завтрака мы едем в восьмидверном лимузине — ничего подобного я ещё никогда не видела — в Диснейленд. За нами — множество фотографов, как хвост кометы. Вот забавно! Мы катаемся по маленькой железной дороге и любуемся всеми этими аттракционами, перепробовали все. Только в 17 часов возвращаемся в отель, смертельно усталые, но, как говорится, в ударе. Привёз нас опять этот восьмидверный корабль. Мама ложится в постель, и я тоже в её комнате ложусь на диван, и мы всё рассказываем, и смеёмся, и никак не успокоимся, но уже пора. За ужином мы встречаем знакомых из Германии в «Бич Комбер», это очень стильный голливудский ресторан. И опять кругом — кинозвёзды. Мы едим гавайскую еду, вкус довольно-таки своеобразный, но мне нравится. И поскорее — спать.

Воскресенье, 2 февраля

Я основательно выспалась и теперь жду с нетерпением, что принесёт этот день. Может, узнаем результаты кинопроб? После обеда уезжаем в «Мэринленд», чудесный океанариум прямо на море, в крайней точке Лос-Анджелеса. Жаль, с небес снова начинает лить, и мы не можем посмотреть выступление

дрессированных дельфинов и китов. После обеда на коктейле у Пауля Конера встречаем Хельмута Койтнера, Лило Пульвер и Курда Юргенса. Здесь правда очень мило и уютно, но в 20 часов нужно срываться: мы обещали ещё зайти к Эриху Поммеру. Дождь всё ещё льёт “cats and dogs” [10] как тут говорят. В 21 час мы уже в отеле, едим с мамой йогурты и калифорнийские апельсины, пьём свежевыжатый фруктовый сок. Лео, истинный кавалер, заказывает ещё одну «Вдову».

Понедельник, 3 февраля

Сегодня последний день. Мне грустно, что всё уже кончилось. В 9.30 нас увозят посетить «Метро-Голдвин-Мейер», там мы уже были. Шеф-продюсер мистер Бенджамин Тау принимает нас для часовой беседы — большая честь. Лео рассказывает, что он подпускает к себе известных звёзд разве что на несколько минут или вообще отказывает. Когда мы уходим, он шепчется с мамой. Потом мама мне говорит:

— Знаешь, что сказал про тебя мистер Тау? Что ты выглядишь на 16 лет, а головка у тебя работает, как у 35-летней.

Между тем приходит результат кинопроб. Бартон говорит, что всё получилось великолепно. О моём английском он сказал: «Роми за пару месяцев может вообще избавиться от акцента». Представить себе невозможно! Я просто сияю. Потом мы оформляем свои документы на выезд из США. И потом ещё съедаем по порядочному куску рыбы в «Беверли-Хиллз». Мы с мамой идём к парикмахеру. После чего — наш последний ужин. Это настоящая прощальная трапеза, и у меня всё время стоит ком в горле. Клер упаковывает нашу тысячу вещей, оркестр играет прощальную мелодию, и мы медленно — опять на восьмидверном чудище — едем в аэропорт.

Наш самолёт стартует в полпервого ночи. Я смотрю в окно, и мне грустно. До свиданья, Лос-Анджелес, до свиданья, Америка. Через четыре с половиной часа — посадка в Виннипеге. Мы с мамой остаёмся лежать в постелях. И только ещё через десять часов, при посадке в Гренландии, мы выходим. Ледяной ветер пронизывает насквозь. Мы укутываемся в шарфы и прямо по снегу топаем в аэропортовский ресторан. Здесь совсем светло, в этой ледяной пустыне. Луна сияет — картина неправдоподобная. Вылетаем дальше, и мне приносят самую вкусную еду. Баранью ножку, грибы и всякие такие штуки. Потом мы опять ложимся на наши койки. Через семь часов мы в Копенгагене. И ещё через девять — в Мюнхене. Закрываю свой дневник. Только нужно ещё раз записать, о чём я думала всю поездку: я бесконечно счастлива и благодарна, что я всё это могла пережить. Но… Если я скажу это

вслух, то мне никто не поверит, и в газетах напишут, что я тщеславная и высокомерная. Но я правда так думаю. Я рада увидеть Дэдди — надеюсь, он сядет в самолет во Франкфурте, — и рада вернуться домой и спокойно обо всём подумать. Всё было чудесно — но я не могу дождаться, когда снова буду дома.

1958-1965
После всей этой лжи

«Кристина» — «Полунежная» — «Ангел на земле» — «Прекрасная лгунья» — «Катя, некоронованная царица» — «Послание Лисистраты» — «Нельзя её развратницей назвать» — «Боккаччо-70» — «Поединок на острове» — «Чайка» — «Процесс» — «Победители» — «Кардинал» — «Одолжи мне своего мужа» — «Что нового, киска?» — «Ад» — «В половине одиннадцатого летним вечером»

Роми рада возможности вновь сниматься в Вене и в Париже — в фильме «Кристина» по пьесе Артура Шницлера «Флирт». Её партнёр — молодой, двадцатитрёхлетний Ален Делон. Вспыхивает страстная любовь, и Роми покидает родительский дом — она решает жить в Париже. 22 марта 1959 года в Лугано, под давлением родителей, она обручается с Делоном. В том же году она выполняет свои обязательства по договорам к фильмам «Ангел на земле», «Прекрасная лгунья» и «Катя». Она страдает оттого, что новых предложений нет, что от немецкого и австрийского кино она дистанцировалась. Во Франции она ещё никому не известна. Телевизионная постановка 1960 года «Послание Лисистраты» (режиссёр Фриц Кортнер) для неё — луч света. Лёд сломан только в 1961-м, когда она вместе с Аленом Делоном играет в Театр де Пари спектакль «Нельзя её развратницей назвать» (режиссёр Лукино Висконти). В том же году она снимается в фильме Висконти «Боккаччо-70» и в картине «Поединок на острове». В начале 1962 года Роми ставит перед собой ещё одну театральную задачу, роль Нины в чеховской «Чайке», и совершает трёхмесячное турне по французской провинции. В марте 1962-го начинаются съёмки фильма Орсона Уэллса «Процесс» по Кафке. Работа с Кортнером, Висконти и Уэллсом становится решающим этапом в её развитии и формирует её личность. Голливудский договор с «Коламбия» связывает её со всемирно известными режиссёрами: в 1963-м она снимается в картинах «Кардинал» и «Одолжи мне своего мужа», в

1964-м — «Что нового, киска?» и «Ад» (фильм не закончен), в 1965-м — «В половине одиннадцатого летним вечером». Несмотря на то, что Роми живёт в роскошной вилле в Беверли-Хиллз, в Голливуде, она несчастлива. Долгая разлука осложняет отношения с Делоном, разрыв с ним в декабре 1963-го, после шести лет совместной жизни, становится сенсацией для жёлтой прессы и тяжёлым ударом для Роми. Она чувствует себя как в личном, так и в профессиональном плане глубоко разочарованной и утратившей надежду.

В отрывке из своих воспоминаний «После всей этой лжи» Роми беспощадно расправляется с этими годами. Она не утаивает ни жёсткой напряженности своей профессии, ни своей страсти и чувств, рассказывает о стремлении работать в мировом кино, о своих отчаянных усилиях стать серьёзной актрисой.

Всё началось гораздо раньше. Наверно, мне нужно было ещё тогда сказать всему этому: ну уж нет!

Но тогда мне всё было нипочем. Всё, что обо мне болтали и сплетничали.

Я хотела просто жить, любить, становиться актрисой и вообще другим человеком. Прежде всего — свободным.

Каждая девчонка в один прекрасный день решает стать самостоятельной. Оторваться от родителей и начать свою собственную жизнь. Кто раньше, кто позже.

Я попыталась «выпрыгнуть», как только мне стукнуло 18. Но ничего у меня не вышло.

Я же не была юной секретаршей, которая может запросто найти себе работу и затеряться где-нибудь в другом городе. У меня были обязательства, договоры, куча советчиков, которые «знали лучше меня, что мне надо».

К тому же я была честолюбива. Не только хотела чисто человеческой независимости, но и просто сгорала от желания открыть что-нибудь этакое в актёрском искусстве.

Но ведь для публики я была «Зисси», для продюсеров — воплощением слащавого «королевского высочества». Режиссёры, критики, коллеги в Германии, Франции и вообще везде и всюду воспринимали меня только как Зисси. Только так! Другие роли мне почти и не предлагались.

И только я одна знала: я — не Зисси. Да, я её играла, но в жизни вовсе не была похожа на эту «девушку-грёзу».

Я и десяти лет от роду уже не была Зисси, а уж в восемнадцать — тем более. Ещё в интернате я твердо решила стать настоящей актрисой и в четырнадцать лет, наверно, прожгла бы маму своей страстью насквозь, если бы она не дала

мне шанс сыграть в кино.

Но Зисси? Нет, Зисси я не была никогда.

Не хотела бы, честно, чтобы это выглядело чёрной неблагодарностью.

И пожалуйста, не надо истолковывать мои слова неверно.

Я благодарна — на самом деле. За успех. За чудесные дни рядом с режиссёром Эрнстом Маришкой и его женой — она стала мне второй матерью. И конечно, тут были и деньги, они принесли мне независимость. Я играла Зисси — без вопросов. И всё же: я не желала сливаться с этой ролью. Потому что чувствовала себя проштампованной. А ведь нет ничего опаснее для актрисы, чем нести на лбу вечное клеймо. Моё клеймо называлось — Зисси.

Никто не хотел верить, что я могу ещё и что-то другое. Я должна была играть принцессу в том фильме, и в другом, и в третьем... Зисси — раз, Зисси — два, Зисси — три. Я сопротивлялась уже и второй Зисси, однако играла и третью.

Собственно, почему?

Просто я каждый раз не знала, как мне выпутаться из этой паутины. Барахталась в ней беспомощно и отчаянно.

И тут появился Ален Делон.

Я помню каждую подробность. Тогда я снималась в Мюнхене с Хансом Альберсом в «Последнем человеке», но уже подписала контракт с одной французской продюсерской компанией на фильм «Флирт» («Кристина»).

В соседней студии Макс Офюлс снимал «Лолу Монтес». У Офюлса двадцать лет тому назад снималась моя мать — в первом «Флирте», а сейчас планировался римейк.

Я спросила его:

— Макс, вы сняли бы этот фильм ещё раз?

— Да ни за что! — ответил он. — Потому что сегодня я не сделал бы лучше.

Вот ужас: значит, я должна ещё раз играть бутафорскую барышню — и при этом ни единого шанса переплюнуть свою собственную мать! Она ведь и правда была чудесной Кристиной. Знатоки и критики меня просто осмеют: мама создала эталон.

Но делать нечего! Нужно было лететь в Париж.

Продюсеры устроили для прессы мою встречу с партнёром по фильму. Прямо в аэропорту.

Я ненавидела всю эту показуху. Как всегда — открывается дверь самолета, подкатывает трап, мама стоит рядом и шепчет мне прямо в ухо: «Теперь — улыбайся, улыбайся...»

И на этот раз всё было точно так же.

Улыбка. Фотовспышки. Неподвижный взгляд.

Внизу, у трапа, стоял слишком красивый, слишком тщательно

причесанный, слишком юный парень, разодетый «под джентльмена» — воротничок, галстук, преувеличенно элегантный костюм. Ален Делон.

Букет красных роз в его руках тоже выглядел уж слишком красным.

Я подумала: ну и пошлятина, а мальчик этот — просто тоска!

А его от меня просто потянуло блевать — вот так грубо он потом выразился на этот счёт. Тщеславная, сладкая венская дурочка, без малейшего шарма. И это — немецкая звезда? И вот с этой, не скажу кем, он должен битых шесть недель сниматься?

Он не говорил по-английски, я не говорила по-французски. Пришлось нам общаться на какой-то чудовищной смеси языков.

Вечером нам нужно было встретиться в «Лидо» и танцевать для фотографов. Он учил фразу «Я тебя люблю» по-немецки, произносил её с ужасающим акцентом и находил очень забавным повторять мне её без конца.

На самом деле мы оба совсем не были забавными. Мы были безнадёжно банальными и совсем не понравились друг другу.

Назавтра я вылетела на Ибицу, в своё имение — читать там сценарий.

Ален писал мне туда формальные, до вони скучные письма, я отвечала ему той же монетой. И только потом, в Париже, я рассмотрела настоящего Алена. Просто сумасшедший! Дикий парень в джинсовке, патлатый, неотёсанный. Вечно опаздывал на студию, носился по Парижу на машине, мчался на красный свет, бормотал что-то скороговоркой — о нём рассказывали всякую жуть.

Я держалась: мне он по-прежнему не нравился.

Наш партнёр Жан-Клод Бриали — и тогда, и потом мой добрый друг — с нами просто замучился. Мы с Аленом воевали без перерыва, цапались так, что только клочья летели, — а бедный Жан-Клод пытался нас мирить. Тщетно.

Как раз в этот момент устроили актёрский бал в Брюсселе. У моего отчима там был ресторан (в который, кстати, я не вкладывала денег, хотя об этом и болтали понапрасну). На балу я должна была встретиться со своими родителями.

Из Парижа в Брюссель мы с Аленом поехали поездом. Почему-то в купе мы не ссорились. Наоборот, флиртовали. Стоило мне в Брюсселе выйти из вагона, как моя мама проницательно взглянула на меня и в один миг определила:

— Ого! Да ты попалась...

Вообще-то это случилось со мной не в первый раз. Наоборот, дело обычное: ну, я влюблялась в своих партнёров по съемкам. И тут тоже влюбилась, чёрт побери. Но догадка матери меня

разозлила: нечего соваться в мою жизнь. Я огрызнулась:

— Опять ты лезешь куда не надо.

И в тот же самый вечер я взбунтовалась против моей семьи. «Общественность» потом так раздула это дело, что примириться было уже почти невозможно. Мне жаль, правда. Посторонние люди не понимали ничего, но так «стремились помочь», что только ужасно вредили.

Сегодня я знаю точно: именно тогда я попыталась оторвать себя от своей семьи — и моя семья тоже это знает. Сегодня я принимаю свою семью, как и моя семья принимает меня. Такой, какая я есть.

А тогда...

Первый «удар грома» прогрохотал ещё когда я снималась в фильме «Монпти» и флиртовала со своим партнёром Хорстом Буххольцем. Мой отчим тогда заявил тоном театрального трагика: «Выбирай! Или он — или я».

Вот уж чего я тогда совсем не могла, так это выбирать. Я была совсем глупенькой, совсем юной, намертво привязанной к семье. Вообще не могла себе представить, как это — жить без своих родителей. Чувствовала себя как пёс, которому скомандовали: «К ноге!»

И вот теперь, в Брюсселе, гром грянул во второй раз. Только куда сильнее.

Делон сидел на том приёме за французским столом, а я с родителями — за немецким.

Ален пригласил меня танцевать, ну, мы танцевали, а потом он попросил меня пересесть за его стол. Но я пока ещё не решалась выйти из роли послушной дочки. Сказала, чтобы он отвёл меня назад, к родителям.

Усевшись, я выпила громадный бокал шампанского, чуть поразмыслила, и тут до меня вдруг дошло, что пора кончать с опекой мамы и Дэдди. Что-то там внутри меня взъерепенилось.

Встала и громко объявила:

— Я иду за стол к Алену. Хочу сидеть там.

Даже если бы я шарахнула по столу из огнетушителя, то и тогда не вышло бы больше «пены». Все завопили:

— Это неслыханно! Ты же не можешь отправиться за стол к мужчине! Что скажут люди!

Ну ладно, я ещё раз дала себя уговорить. Но грозовые тучи уже просто закрывали небо, пусть до явного разрыва дело тогда ещё не дошло.

Мы снимали «Флирт» на натуре в Вене. Мама и я жили в отеле «Захер». Ален тоже там жил. Отработали последний день съёмок, и я повезла Алена в аэропорт. У меня был специальный

пропуск на лётное поле, и я могла проводить его прямо до самолёта.

И вот я стою у трапа. Он целует меня на прощанье, поворачивается и поднимается по лестнице.

Я смотрю, как он уходит. Как закрывается за ним дверь. Ещё успеваю в последний момент увидеть сквозь иллюминатор его лицо. И машина выруливает на старт. Как она взлетает, я уже не вижу: слёзы застилают глаза.

В отеле я бросаюсь к маме и просто вою. Но оказалось, Ален оставил маме для меня письмо. Держу его в руках, но читать не могу. Буквы расплываются перед глазами.

А назавтра мне надо лететь в Кёльн — домой, к благонравной бюргерской жизни: отдыхать перед новым фильмом, гулять, раздавать автографы, читать сценарии...

Вот уж этого я не могу.

И я не лечу в Кёльн.

Вместо этого я покупаю билет в Париж. Приземляюсь в Париже и звоню Алену прямо из Орли.

И только положив трубку на рычаг, я соображаю, ЧТО на самом деле произошло. Я — свободна.

Я вырвалась.

И я была счастлива, потому что поверила, что и он меня любит. Пока я в венском отеле рыдала в мамину жилетку, Ален изливался своему другу Жоржу Бому. Изнывая точно так же, как и я.

Разлуки не выносили мы оба. Мы принадлежали друг другу — и теперь мы были вместе, такие молодые, оба — без тормозов.

Поначалу мы жили в квартире Бома. По этой причине фабрика слухов работала сверхурочно.

Ах, вдруг между Аленом и Жоржем — кое-что ещё, кроме просто дружбы? Ах, бедная Роми, как она страдает! Невинная венская барышня, как она выглядит в этой щекотливой ситуации?

Гнусная ложь.

С самого начала это была именно дружба, и мы, все трое, сохранили её на долгие годы. Кстати, и после того как Ален женился. Кроме дружбы — ничего.

Так вот, это была одна сторона медали: любовь, страсть, упоительное чувство свободы.

Другую сторону той же медали я тоже познала, но чуть позже. Когда дошли первые слухи.

Признаюсь: я переоценила свои силы. Конечно, внешне я была свободна. Сожгла за собой мосты, уехала в Париж против воли мамы и отчима и вообще открыто жила с мужчиной, но не была за ним замужем. Всё это — на виду. Но внутри?

Легко говорить — я наплевала на свою семью. Наконец-то я живу своей собственной жизнью.

Но на самом деле во мне как бы спорили два разных человека. Совсем не мирно спорили. Как воевали бы два разных мира. Один — тот, откуда я пришла. Добропорядочный, приличный, бюргерский в самом точном смысле слова. Мир, где предусмотрено буквально всё. Соглашения, договоры, даты — и постоянное занудство по поводу моего благополучия.

— Детка, — говорил мой отчим, которого я окрестила «Дэдди». — Тебе не нравится материал? Эта очередная принцесса стоит тебе поперёк горла? А ты всё равно должна её играть. Потому что ты же не сумасшедшая, чтобы выбросить на ветер 750 000 марок!

Но теперь был и другой мир, и я жаждала его покорить. Париж, театр, большие режиссёры с фантастическими проектами, молодые люди, способные послать к чёртовой бабушке целые состояния... Немыслимый мир, он сбивал с толку и захватывал, всё вместе.

И тут была любовь.

В первые парижские месяцы я была — комок нервов. Жила судорожно, отчаянно, без руля и без ветрил. Каждый день меня бомбардировали телефонными звонками: мама, отчим, даже брат Вольфи. Уж он-то всегда так точно чувствовал мои проблемы! А тут, казалось, даже он перестал меня понимать. Тогда я чуть не поставила крест на наших с ним отношениях.

Алена не воспринимали они все, вся семья. Абсолютно. Стращали меня, нашёптывали всякую непристойную чушь, чтобы оттащить меня от него. Доводили меня до ярости.

Но если хотя бы пару дней никто из них не звонил, я впадала в отчаяние.

В какой-то момент мне пришло в голову, что моя совесть вообще не участвует в этой игре. Будто вместо неё во мне жил закон семьи, где я выросла. Невольно я спрашивала себя: может, они правы? Может, я на самом деле веду себя ужасно? Может, я действительно буду до смерти несчастна, как все они предсказывают?

А потом я уговаривала себя: ну не будь такой слабой, ну попытайся радоваться жизни!

Между звонками мы изводили друг друга письмами. Всё, чего я не могла прокричать в телефонную трубку, я вкладывала в эти письма.

Чудовищные письма. Сегодня я в них раскаиваюсь.

Но ведь и из Германии тоже приходили жуткие письма. Теперь-то мы вместе можем над ними потешаться, а тогда всё

было очень серьёзно. Просто семейная драма времён королевы Елизаветы: к концу пьесы на сцене — гора трупов.

Перед большим антрактом этой драмы и мы тоже были как мёртвые — все. А в антракте — примирились, как-то походя, легко. В одночасье трагедия превратилась в комедию.

Было это так.

В марте 1959 я встретилась с мамой и отчимом в нашем доме в Моркоте, близ Лугано. Ханс-Херберт Блатцхайм открыто признал здесь мои отношения с Аленом.

Может, он их никогда бы не признал. Но он убедился, что я прикипела намертво. И решил: уж если оторвать меня от Алена не выходит, то надо хотя бы соблюсти приличия. Как минимум.

Сегодня я понимаю упёртость моего отчима. Он и вправду не мог ни думать, ни поступать иначе — просто по своему происхождению и образу жизни. Дочка «из хорошего дома», его падчерица, не должна была жить с мужчиной по крайней мере без обручения.

И поэтому Ханс-Херберт Блатцхайм устроил нашу помолвку.

Я приехала из Парижа в Лугано и там узнала от Дэдди:

— Завтра — твоя помолвка. Прессу я уже оповестил. Ален будет здесь.

До сих пор не понимаю, как Дэдди удалось уговорить Алена.

Почему этот совсем не благопристойный француз согласился на такой явный фарс?

Я ведь его знала. Поэтому в тот день, 22 марта, до последней минуты сомневалась, что он появится. Однако он действительно приехал.

Мы «праздновали» помолвку. Все позировали для фотографов, и каждый сказал газетчикам пару слов. Например, мама сказала:

— Со свадьбой мы не торопимся. Пусть дети сначала получше узнают друг друга.

Дети уже вполне хорошо знали друг друга. И уж особенно хорошо они знали, какая пропасть их разделяла. Между Аленом и мной лежал целый мир.

В своей книге Ален выразил это так:

«Она происходит из того слоя общества, который я ненавижу больше всего на свете. Конечно, она — дитя своего круга, и пусть сама Роми не виновата в его предрассудках, это дела не меняет.

Ясно, что за пять лет я не смог искоренить того, что двадцать лет подряд вдалбливалось ей в голову.

Во мне ведь тоже живут два, три, даже четыре Алена Делона, вот и в ней всегда были две Роми Шнайдер.

Она это тоже знала.

Одну Роми я любил больше всего на свете, другую так же страшно ненавидел».

И я вижу это дело примерно так же.

Никому не дано выпрыгнуть из своей шкуры. Ты же не можешь просто отшвырнуть то, что выковывало твою натуру с самого детства.

Ален этого не мог, я этого не могла.

И поэтому наши отношения с самого начала были обречены.

Но только тогда мы этого не знали. Или не хотели знать, уж я-то точно.

Мы въехали в дом Алена на авеню Мессин. О свадьбе и речи не было. Нам обоим это вовсе не казалось чем-то важным. Просто формальность, не более. Он — мой муж, я — его жена, и бумаги тут ни при чём. Пока ни при чём.

Поначалу всё шло хорошо. Со своей семьёй я как будто примирилась, Париж был мне по нутру, я учила язык, находила друзей. Кроме того, мне было чем заняться: я выполняла договоры, которые подписала раньше, — «Катя», «Прекрасная лгунья» и «Ангел на земле».

А дальше не было ничего.

Из Германии я «выписалась», во Франции ещё не «прописалась».

И как актриса я просто не существовала. Меня воспринимали как жизнерадостную подружку восходящей мировой звезды Алена Делона.

У Алена фильмы шли один за другим. А я сидела дома. Мы с ним теперь поменялись ролями: когда мы познакомились, он был новичком и, как говорится, только подавал надежды. Я уже была успешной актрисой. Нет, лучше так: у меня было больше актёрского опыта, чем у него. Настоящей, серьёзной актрисой я тогда ещё не была — такой, как сегодня рискну себя определить.

Вечерами в арт-клубе «Элизе-Матиньон» мы встречали больших режиссёров — они обсуждали с Аленом свои следующие проекты. Для меня же у них находилась лишь пара приветливых слов.

Я была подавлена. Раздражалась, услышав очередную новость об успехах Алена, о его новых замечательных контрактах.

Я с ним жила. Но ведь я же не была ему мамочкой, — а такой тип женщины, наверно, больше подходил бы ему. И жёнушкой для штопки носков, стряпни и вечного ожидания — такой жёнушкой я тоже не была.

Я была актрисой и хотела работать. Впервые в жизни я ревновала к чужому успеху.

Я говорила себе: ведь я могла бы чего-то достичь, если бы

мне дали шанс. Почему мне не дают шанса? Неужели из-за клейма Зисси?

Летом 1960-го я приехала к Алену на выходные на Искью. Он там снимался у Рене Клемана в фильме «На ярком солнце». Помню этот уик-энд очень отчетливо, потому что именно тогда в моей профессиональной жизни наконец что-то сдвинулось с места.

Мы с Аленом сидели в бистро, в гавани, и болтали. Точнее, не мы болтали, а говорил один Ален. Он говорил, и говорил, и говорил, и всё никак не мог слезть с одной темы. Этой единственной темой был режиссёр Лукино Висконти.

Об этом чудесном человеке я ещё в Париже слышала столько чудесного, что эти чудеса уже стояли у меня поперёк горла. И тут, на Искье, в гавани, пока Ален не умолкал битых два с лишним часа, моё терпение лопнуло. Что за человек, и что за режиссёр, и что за величина, и как он делает то, и как он делает это, и как он ведёт артиста, и что за невероятные идеи у него...

Слушать всё это я больше не могла.

Меня уже тошнило от одного этого имени.

— Давай заканчивай со своим Висконти! — сказала я.

— Ты должна с ним познакомиться, и тогда ты будешь говорить по-другому...

— Я не желаю. Не хочу с ним знакомиться...

Мы поссорились. До того, что разошлись в разные стороны.

И я улетела назад, в Париж, с тяжёлым сердцем.

Когда Ален закончил на Искье натурные съемки, он уехал в Рим. Оттуда он позвонил мне, очень миролюбиво:

— Пожалуйста, приезжай в Рим. Тебе надо познакомиться с Лукино. Мне это важно.

Как я познакомилась с Лукино, я не забуду до конца моих дней. Этот человек сделал для меня в то тяжёлое время так много, как никто другой.

Я и сейчас вижу, как я стою в холле его великолепного дома на Виа Салариа, чуть живая от дурацкой девчачьей робости.

Подхожу к нему вместе с Аленом. Он восседает в громадном кожаном кресле у камина. Смотрит на меня, как будто хочет сказать: ага, малышка Делона, вот я тебя сейчас попробую на зуб...

Из тех мужчин, кого я знаю, он выглядит едва ли не лучше всех. Ему хватило четверти часа бессвязной болтовни, чтобы совершенно меня очаровать. Но мне он сопротивлялся явно и отчётливо. Я скажу так: вероятно, он ко мне ревновал. Ален — его подопечный, из которого он хочет сделать нечто особенное, и он не терпит рядом никого, кто мог бы отвлечь Алена.

И тогда и сейчас было много разговоров насчёт отношений Алена и Висконти. Но я уверена, что в этих отношениях не было ничего, кроме того, что Лукино любил Алена как сырой материал, в котором угадывался большой актер. Висконти хотел придать этому материалу свою форму — и делал это тиранически и жёстко.

Как раз тогда он собирался как продюсер поставить в Париже одну пьесу с Аленом.

Мы встречались у Висконти три или четыре вечера подряд. Казалось, Лукино больше ничего не имеет против меня. Я была просто счастлива: теперь я тоже находила его восхитительным — как и все, кто мне его описывал.

На четвёртый вечер, как и всегда, был великолепный ужин. Этот человек княжеских кровей любит роскошь во всём.

Мы говорили о спектакле, который Лукино готовился поставить: «Нельзя её развратницей назвать» по пьесе Джона Форда [11].

Я тогда носила длинные тёмные волосы на прямой пробор. Причёска в старинном стиле. Может, это и натолкнуло Лукино на его идею: действие пьесы происходит в Англии эпохи Возрождения.

Он посмотрел на меня испытующе:

— А что бы получилось, Ромина, если бы ты сыграла в этом спектакле партнёршу Алена? Роль подошла бы тебе идеально.

Я засмеялась.

— Господи! Я же ни разу в жизни не играла на сцене.

Ален нагло усмехнулся. Я заподозрила: он сам и затеял это, чтобы прибрать меня к рукам. Но очень скоро выяснилось, что Висконти с ним об этом никогда не говорил.

Абсурдная идея. Я попыталась объяснить Висконти, что его идея — просто абсурд. Девочка совсем без сценического опыта должна играть английскую пьесу на французском языке с итальянским режиссёром? Да критики просто порвут меня на куски.

И вообще...

Но Лукино не давал сбить себя с толку. Он только спросил, как у меня с графиком и можем ли мы сыграть спектакль в следующем сезоне.

Я ответила:

— При чем тут график? Вы вообще с ума сошли, что ли? Я не говорю толком по-французски, я не умею двигаться на сцене — это же было бы актёрским самоубийством!

— Смелости не хватает, Ромина?

Тут он попал в моё самое уязвимое место. Я не трусиха, а

слабость духа считаю пороком.

— Дело не в смелости, — сказала я, — просто я знаю, что этого я не могу.

Но он делал со мной что хотел.

— Я отправлю тебя в Париж, Ромина, заниматься сценической речью. Это первое. Когда ты освоишь речь, мы начнём репетировать. И я тебе обещаю: если мы за две недели установим, что дело не идёт, то я освобожу тебя от обязательств и отдам роль кому-нибудь другому.

Я сказала ему раз сто: ничего не выйдет. Но Висконти стоял на своём.

При одной мысли об этом у меня дрожали колени, и всё же я начала работать.

У мадемуазель Гийо в Париже я брала уроки фонетики и дикции. Она начала со мной с азов, как будто я ещё не говорила по-французски ни единого слова. Мы занимались день и ночь. Работали с магнитофоном, я записывала на плёнку басни Лафонтена. (Много позднее, уже после премьеры, я послушала свои первые записи — и едва узнала сама себя.)

В то же время я занималась французским с актёром и режиссёром Раймоном Жеромом. С ним мы прошли и диалоги нашей пьесы; их перевёл на французский наш друг Жорж Бом.

Висконти мне, правда, категорически запретил произносить диалоги. Никто не должен был портить ему дело. Но так я всё же чувствовала себя увереннее.

А потом об этом «безумном плане» узнала моя мать. Она была просто вне себя.

Таким образом, антракт в нашей семейной драме закончился. Звонок к следующему акту. Конечно, со своей стороны мама была совершенно права. Ещё несколько лет тому назад она мне говорила:

— Прежде чем выйти на большую сцену, ты должна получить актёрское образование и сначала показаться где-нибудь в провинции.

И вот теперь я пустила её советы по ветру — и стартовала именно на парижской сцене, с великим режиссёром.

Безумие.

«Ты же разоришься. Я не могу этого допустить», — писала она. Я возмущенно отвечала, что я сама себе хозяйка, хватит с меня опеки, я могу разориться где, когда и как хочу.

Снова пошла нервотрёпка — телеграммы, письма, ссоры по телефону.

И ведь между нами стоял не только спектакль, но — и прежде всего — мужчина: Ален, который был единственным, не считая

Висконти, кто в меня верил. Он, кстати, вложил в эту постановку собственные средства.

Но кроме них в меня и в мой успех не верил никто. Ни один человек. В Париже болтали всякое. Например: она получила это только благодаря Делону. Неужели Висконти сам пришёл бы к мысли дать этой маленькой глупенькой венке такую прекрасную женскую роль?

Все были правы — кроме меня.

Это я поняла после первых же репетиций. Я действительно пустилась в предприятие, для которого мне не хватало способностей.

Воспоминания о первой вечерней репетиции в Театр де Пари просто ужасные.

Мы с Аленом бешено неслись в его «феррари» по Парижу. Всюду красные светофоры. Опоздали на десять минут. Все уже были здесь — и ждали. Все: сливки парижского театра, тринадцать актёров. Валентин Тесье, Даниэль Сорано, Пьер Ассо и как их там ещё зовут.

Никто не сказал ни единого слова. Приняли нас ледяным молчанием. Ага, эти ребята из кино, они не считают нужным по часам являться на большую и важную работу. Дело ясное. Звёздная болезнь. Наглость.

Висконти тоже свирепо сверкнул глазами. Молча.

Висконти репетирует четыре недели только за столом. Актёры сидят кругом (Алена и меня он сажал как можно дальше друг от друга) и читают вслух свои роли. Когда подошла моя очередь, я не смогла выдавить из себя ни слова.

Это было какое-то хриплое карканье, лепет. Я чувствовала себя как нерадивая ученица, которая не выучила урока и была тут же выдворена из школы. Ничего подобного мне ещё никогда не приходилось переживать.

Я была до смерти опозорена. Все остальные не обратили на мой позор никакого внимания, как будто ничего другого и не ожидали.

На следующий день мы с Аленом явились за час до репетиции. Мы репетировали с Висконти одни.

И мы извинились за вчерашнее опоздание.

— Ладно, — сказал он. — Это случилось, и давайте об этом забудем. Но зарубите себе на носу: никогда, никогда, никогда больше!

Актёр Пьер Ассо — сегодня один из лучших моих товарищей — обращался ко мне особенно отстранённо. Я была для него — пустое место. Но спустя десять дней он стал подсовывать мне под столом записочки, вроде таких: «Это уже лучше» или «Сегодня

было хорошо».

Это было трогательно — но я не верила ни единому слову.

Я думала, ничего у меня не выйдет. В отчаянии от надвигающегося провала я потеряла сон. День и ночь я думала о замене, о той девушке, которую Висконти присмотрел вместо меня. Я представляла себе: вот сидит где-то у телефона по-настоящему одарённая молодая актриса и ждёт звонка. Ждёт, что голос Висконти скажет ей: «Приходите, мадемуазель. Как и ожидалось, Роми отказано...»

И тогда окажется, что и в самом деле правы те, кто меня предупреждал. Все. Моя мать, и Дэдди, и Вольфи, и коллеги, и журналисты. Весь Париж.

Никогда в жизни не забуду тот день, когда я впервые пережила это грандиозное чувство: что это значит — быть актрисой.

Путь к этому мигу был, правда, суровым. Даже сейчас меня бросает то в жар, то в холод, чуть только вспомню, как мне отказал голос на первой застольной репетиции. Тот писк маленькой глупой девочки.

Внизу, в партере громадного Театр де Пари, — 1350 пустых кресел. Занято только одно-единственное место в пятом ряду — в те первые недели 1961 года. За режиссёрским пультом — Лукино Висконти, совсем не друг, но наоборот — холодный, бесстрастный наблюдатель, чьё молчание может выразить всё: презрение, разочарование, ярость...

И я не осмеливаюсь спросить, что он думает обо мне. Я чувствую, что я провалилась. И это чувство растёт во мне день ото дня, как кошмар.

Ален мне помочь не может. Этого вообще никто не может, кроме Лукино. Ален — человек кино, правда, завоевать сцену ему тоже хотелось бы, но он вовсе не так нуждается в театре, как я. Я чувствую за собой бремя традиции — и долг перед традицией. Я думаю о своей бабушке, великолепной, незабвенной актрисе Бургтеатра Розе Альбах-Ретти, которая и в 85 лет гордо и достойно увлекала свою публику. Она всегда хотела, чтобы я играла в театре. Она мне это всегда советовала, но мне не хватало мужества.

Теперь мужество мне необходимо: я должна играть в театре, причём на чужом языке.

Я думаю о моём отце Вольфе Альбах-Ретти и о моей матери.

Я думаю: ты не имеешь права их опозорить.

Я думаю: уже ничего нельзя предотвратить. Поздно. Ты затесалась в дело, которое тебя потопит.

На первую сценическую репетицию — после четырёх недель

читки за столом — я прихожу в брюках. Однако Лукино Висконти настаивает, чтобы я переоделась в кринолин. Он должен помочь мне почувствовать себя Аннабеллой. После всех моих прошлых костюмных фильмов кринолин для меня — не проблема. Я всегда чувствовала себя тем персонажем, чей костюм я надевала. Сразу приходили правильные движения.

Но теперь — всё напрасно. Я мерила сцену тяжёлыми шагами — сколько километров намерила? Я не знала, куда девать руки. Они висели вдоль тела, ненужные и неуклюжие. На мне были тяжёлые башмаки, и мне надо было сделать несколько грациозных танцевальных па по сцене.

Но ведь это-то я могу? Я же овладела этой техникой!

Ни следа. Двигаюсь как слонёнок. И все остальные так это и воспринимают!

Во втором акте я одета в утренний капот из тяжёлого бархата. Висконти любит, чтобы весь реквизит на сцене был настоящий. Он просто фанатик подлинности. Поэтому мой бархатный капот очень тяжёлый. Каждый вечер у меня — красные рубцы на плечах.

И вот в этом самом капоте я должна была сыграть труднейший, просто виртуозный эпизод: Аннабелла ожидает ребёнка от своей кровосмесительной связи с братом Джованни (его играет Ален); муж, узнав об этом, терзает её и издевается над ней. Она должна сознаться, кто отец ребёнка. Мой партнер Жан Франсуа Кальве в кульминации эпизода хватает меня за волосы и швыряет из угла в угол, через всю сцену. То есть так это должно выглядеть.

Но у меня этот «аттракцион» не выходит. Мне не удается крутиться так долго, как надо. И каждый раз я плюхаюсь на пол прямо на середине сцены. После множества попыток моё тело становится зелёным и синим.

И при этом я без конца твержу себе самой: у тебя должно получиться, ты достаточно натренирована.

Но что-то мне мешает.

Висконти во время наших репетиций упал с лестницы, сильно поранил колено и ходил теперь с палкой.

И вот теперь он сидел там, внизу, положив руки на набалдашник, и наблюдал за мной. В большой сцене сумасшествия мой безумный хохот превращался в жалкое хныканье. Сквозь рампу оно не пробивалось.

Висконти много не говорил, только без конца повторял:

— Я тебя не слышу...

Между тем я знала: он меня слышит. Это была его тактика. Он хотел меня доконать, дожать, чтобы потом вытащить из меня то, что ему надо.

Он зашёл очень далеко. После одной длинной фразы, которую я произносила по-итальянски, он откинулся на своем стуле и засмеялся. Висконти смеялся надо мной!

Мне показалось: я лечу в пропасть.

Но потом стало ещё хуже.

Мне надо было петь итальянскую песню, я её выучила у одного композитора. День за днём Висконти прерывал репетицию незадолго до этой песни. И вдруг, на шестьдесят второй день, он объявил:

- Дальше...

Я взбеленилась. Тупо посмотрела на него и закричала:

— Как так? Ты же не предупреждал!

Он — палкой об пол.

— Дальше, я сказал!

Я могла спеть эту песню, знала её твердо, но всё же продолжала:

— Можно спеть завтра? Я ещё не выучила.

Несколько мгновений мучительного молчания. Потом разразилась гроза:

— Если ты сейчас не споёшь, сейчас же, то можешь вообще никогда не петь. Никогда в жизни. Можешь отправляться домой.

— Но...

— Марш домой и никогда не возвращайся!

Его трость четко указала на дверь.

— Au revoir, mademoiselle... [12]

Я могу смотреть в глаза любому человеку — но взгляд Висконти я в этот момент не выдержала. Я запела. Я пела тоненьким дрожащим голоском — наказанный ребенок, покрывшийся гусиной кожей.

А Висконти только командовал:

— Дальше, дальше!

В перерыве он отослал всех актёров домой. Оставил только моего партнёра Даниэля Сорано и меня. Я была настолько подавлена, что не могла даже глотнуть шампанского — раньше оно меня всегда взбадривало. Омерзительное чувство неполноценности...

В послеобеденные часы мы работали только с Висконти, ассистентом режиссёра Джерри Маком и Даниэлем. Я начинала ещё раз, и снова, и опять... Висконти молчал. Десять раз, двадцать раз выслушивал он мой лепет.

Внезапно во мне что-то произошло. Я и сегодня могу точно воспроизвести в памяти это чувство.

Больше на меня ничто не давит, я дышу полной грудью, я изменяюсь — внешне и внутри. В какую-то долю секунды я

перестаю быть Роми. Я — Аннабелла. Только Аннабелла, вообще никакой Роми Шнайдер.

Я выкрикиваю фразу, я пою песню в полный голос, я двигаюсь как Аннабелла, я продолжаю говорить после песни, я больше не прерываюсь, досказываю весь диалог, я вообще одна на всём белом свете, и ни режиссёр, ни партнёр, ни театр меня вообще больше не интересуют.

Я свободна.

Потом всё кончается.

Я сажусь посреди сцены, потом валюсь на пол и без всякого стеснения плачу.

— Достаточно, — говорит Висконти.

Он ковыляет через сцену, наклоняется ко мне, кладёт мне руки на плечи.

— Неплохо, Ромина...

Большой комплимент от человека, который никого не хвалит, а уж тем более новичков.

Я зашла в маленькое бистро возле театра, «Ше Пье» на рю Бланш. Пока я там ждала Алена — он примерял костюмы, — я позволила себе напиться до чёртиков. Понятия не имею, что я там пила: шампанское, красное вино, виски? Помню, что была совершенно счастливая и совершенно пьяная. Я думала: вот твоя профессия. Раньше у меня тоже кое-что отлично получалось, но театру это всё и в подмётки не годилось. А теперь мне стало ясно: именно здесь моё место, я принадлежу ему. Пусть ещё не сейчас, но потом я его себе заработаю.

Я хотела вернуться в театр и в одиночестве репетировать дальше, но портье уже ушёл. Пришлось мне дожидаться Алена, чтобы рассказать ему, что со мной произошло.

С этого дня я больше не думала о замене, не думала о той девушке, что сидит где-то там в Париже и ждёт, когда Роми наконец-то выгонят.

И только после премьеры Лукино Висконти признался:

— Никогда и не было тебе никакой замены. Я и в мыслях не держал...

Много чего писали о «драматических» событиях перед премьерой, обычный трёп. Враньё простиралось от «дипломатического аппендицита Роми Шнайдер» до выкидыша. Хочу рассказать, как всё было на самом деле.

В Париже сначала три дня играют спектакль для приглашённой публики — художников, писателей, профессоров. Потом идёт открытая генеральная репетиция, и только после — премьера, le gala.

Первые три представления сыграли сносно. Висконти сидел в

ложе. Я ощущала его доверие ко мне, и мне словно передавалась его сила.

Однако на генеральной репетиции я почувствовала себя жалкой и больной. Но отнесла это к премьерной лихорадке.

В последней сцене грянула катастрофа, типичная для генеральных репетиций.

В драматическом диалоге Аннабеллы и её брата Джованни я поникла на постели. Ален — возле меня. Нечаянно он сел на мои волосы, я это заметила, но не могла подать ему знак. Он в бешенстве ударил меня ножом, я должна была вскочить и, умирая, рухнуть на скамеечку для молитвы.

Когда я подпрыгнула, я заметила, что мой парик остался лежать на постели. Под париком у меня был шёлковый чулок, намотанный на голову.

Должно быть, это выглядело просто комично: голая как яйцо голова, утыканная шпильками. Вот, изволь умирать, когда люди над тобой потешаются!

Но люди восприняли всё просто сказочно. Значит, мы и в самом деле покорили публику. Ни одного смешка, ни единого!

Но я — я чувствовала себя как раздетая.

Чуть только упал занавес, я бросилась в гримёрную, швырнула парик в угол — и в этот момент пришла боль. Какое-то необычное ощущение в животе.

Появился Висконти, сказал:

— Ладно, Ромина, брось. Ничего!

Симона Синьоре и Жан Маре уговаривали меня не обращать внимания на ляп в последней сцене.

Моя мать — она приехала в Париж к генеральной репетиции — накликала беду:

— Надеюсь, это не аппендицит.

— Да нет, — ответила я. — Это просто от волнения!

И мы вместе поехали глотнуть вина в арт-клуб «Элизе-Матиньон».

По дороге остановились у аптеки. Взяли обезболивающее. Оно не подействовало.

В клубе я не могла спуститься вниз по лестнице, ноги у меня подкашивались. Подруга отвезла меня к врачу.

Он сделал мне укол, но не мог поставить диагноз.

— Вероятно, почечная колика. Волнение, знаете ли, напряжение... На всякий случай пейте только апельсиновый сок.

Мы вернулись в клуб. Только спустились, как боль вернулась. Дьявольская, совершенно невыносимая. Ален увёз меня домой. Ему пришлось шесть лестничных пролётов до нашей квартиры нести меня на руках.

Я рухнула на постель. В восемь утра меня разбудил жуткий крик. Это кричала я сама. Моё тело горит, подумала я, — внутри, снаружи, всюду!

При этом — ещё одна мысль: ты не имеешь права заболеть. На карту поставлена самая дорогущая премьера в Париже. 600 000 марок (60 миллионов старых франков), вот сколько поглотил этот спектакль!

Ален позвонил профессору Миллеру, он тут же явился.

Высказал подозрение на аппендицит. Так оно и вышло.

Когда меня несли на носилках вниз, мне казалось — я умерла.

Мы мчались на «скорой помощи» по городу. Ален сидел рядом, я видела над собой его лицо, то зелёное, то белое. Сквозь стёкла я видела куски голубого неба и мелькающие фронтоны зданий. Какие-то лохмотья воспоминаний... Медсестра в больнице хотела сделать мне укол. Я сопротивлялась. Я не желала допускать к себе сестру.

В этот день, когда профессор Миллер вырезал мне аппендикс, радио и телевидение объявляли об отмене нашей премьеры.

Дни после операции открыли мне Париж и моих друзей-знакомых с новой стороны, чего я прежде и предположить не могла: меня осыпали цветами, меня утешали, хотя на самом деле это мне нужно было бы утешать других: моя болезнь стоила театру 120 000 марок.

Самое прекрасное воспоминание: Жан Кокто прислал мне в палату свой рисунок.

Пять дней в больнице, десять дней отпуска — и потом мы назначили премьеру: на 29 марта 1961 года. Моё лицо всё ещё переливалось разными цветами, на мой живот из осторожности был надет бандаж — всё-таки меня должны были бросать через всю сцену!

Я нервничала как никогда прежде. Хоть я и умоляла не говорить мне, кто присутствует на премьере, всё-таки коллеги проболтались. Я услышала — и чуть не сошла с ума. Пришли все: Ингрид Бергман, Анна Маньяни, Жан Маре, Жан Кокто, Курд Юргенс, известнейшие режиссёры Франции и множество коллег.

В последние минуты перед выходом случилось нечто необыкновенное: внезапно я начала думать на своем родном языке, чего не делала все семьдесят репетиционных дней.

В зрительном зале сидели и моя мать, и мой брат Вольфи. Это был «жест доброй воли» после бесконечной свары, вначале из-за Алена, потом — из-за спектакля. Я была им очень благодарна за то, что в такой день они не приняли меня в штыки.

Мама была возбуждена даже ещё больше, чем я. Она

переживала премьеру так, как будто это её собственный дебют. К тому же её посадили рядом с самым грозным критиком, Жан-Жаком Готье, который весь вечер демонстративно скучал и объявлял во всеуслышание, что в антракте уйдёт домой.

Он и в самом деле написал уничтожающую рецензию, где в пух и прах раздраконил и пьесу, и постановку, и Алена Делона — и только мне милостиво не отказал в даровании. Однако, как говорилось в статье, это дарование совсем не обязательно было выказывать на французской сцене.

Другие рецензенты были куда благосклоннее. «Пари Пресс Ль' Энтранзижан» после критики пьесы написала так: «Только Роми Шнайдер с её изысканным лёгким акцентом удалось заставить нас забыть о гротескной пустоте текста. Она церемонна и бледна, но в её жилах пульсирует свежая кровь. Её яркий голос производит более сильное впечатление, чем слова, что она произносит. Она отличная актриса».

Ещё один критик дал такую оценку этого вечера: «Нужно отдать должное Роми Шнайдер: она, только-только из-под ножа хирурга, так прелестно и грациозно умирает под ножом своего возлюбленного брата. Она — сама распущенность и бесстыдство, и в то же время — воплощение трогательной чистоты, юная, прекрасная, нежная...»

Я вспоминаю: сквозь приветствия можно было расслышать и неодобрительные возгласы, но в целом это был большой успех. Отчаянная борьба тех долгих недель была вознаграждена.

Я очень гордилась, что все трудности, как личные, так и профессиональные, столь счастливо разрешились.

Ингрид Бергман зашла ко мне в гримёрную.

— Вы были восхитительны, — сказала она. — И я знаю, чего это вам стоило. Молодой девушкой я играла в Шведском театре [13], а потом через много лет вернулась туда — и будто начала заново. Я знаю этот страх...

Во мне творилась полная неразбериха. То я смеялась, то плакала. Вместе с моей матерью. С матерями всегда так.

А потом в гримёрку пришёл Ален — они с моей матерью друг друга не воспринимали. Он был мокрый как мышь после трудной сцены фехтования. Но, невзирая ни на что, он подскочил к моей маме и обнял её. И гордо указал на меня:

— Сегодня она — королева Парижа. Моя королева.

Я была счастлива, так счастлива...

Это было одно из великих мгновений в моей профессиональной жизни. Как будто Господь одарил меня всем — всем, чем мог. На один-единственный вечер!

Вот что я о себе самой знаю точно: я очень честолюбива. В

марте 1961-го моё артистическое честолюбие было впервые удовлетворено. Наконец-то, после того как я долго вообще никому не была нужна, я снова победила. Но всё же я не слетела с катушек и ни минуты не думала, что теперь у меня весь мир в кармане, — просто чувствовала, что наконец-то я на правильном пути.

Назавтра после премьеры градом посыпались телеграммы — из Рима и Нью-Йорка, Лондона и Берлина. Из всех телеграмм и писем явствовало, что я и правда могу гордиться своим успехом.

Я это принимала. Ведь это было единственное достижение, которым я горжусь и по сей день.

Я предполагала играть спектакль в Театр де Пари примерно четыре недели, не надеялась, что получится дольше держать Париж, — а получилось 120 представлений!

Это было прекрасное время, по-настоящему прекрасное время.

Наконец-то я снова была на коне. У меня был мужчина, который меня любил. Ален. Профессионально я больше не была «в отставке». Снова обо мне говорили как об актрисе. Причём в том кругу, который я ценила.

Пошли предложения. И из Германии тоже. Я знаю, сколько гнусностей распространяли обо мне, — потому что ни одного из этих предложений я не приняла.

Говорили: Роми зазналась, она не желает иметь ничего общего с немецкими продюсерами (и вообще ведёт переговоры только по-французски!). Говорили: Роми предала страну, в которой выросла.

Старая песня на новый лад.

А правда была намного проще: ни одно предложение мне не понравилось, потому что немецкие продюсеры и прокатчики никак не могли переключиться. Никак не могли понять, что после такой серьёзной роли на сцене я ни в коем случае не стану больше играть толстощёкую девчонку. Пути назад для меня больше не было, только вперёд.

Другие понимали это лучше.

В конце марта у нас был прощальный вечер с Лукино Висконти. Ален и я ужинали с ним вместе в парижском отеле «Беркли». Лукино рассказал нам о своём новом проекте в кино. Он хотел снять для фильма из отдельных эпизодов «Боккаччо-70» современный скетч по новелле Мопассана «У постели». Название — «Работа».

Вот содержание: молодая графиня плебейского происхождения узнаёт, что её муж граф Оттавио, владелец заведения, предоставляющего девушек по вызову, время от

времени и сам не дурак попользоваться своими девушками. С этого момента графиня исполняет свой супружеский долг, только получив чек на хорошую сумму.

История мне понравилась.

— Кто должен играть главную роль? — спросила я Лукино.

За столом напротив сидела бывшая топ-модель Беттина, невеста Али Хана.

Лукино указал на неё:

— Вот такой я представляю себе графиню. Холодная, светская, властная, не слишком молодая...

Разговор перешёл на что-то другое. Потом мы попрощались ничего не значащими фразами. «Звони, если будешь в Париже». Что-то вроде этого, как обычно.

Но уже через неделю я получила телеграмму:

«Ты будешь играть для меня роль в „Боккаччо“? Лукино».

Я подумала, что секретарша что-то напутала. Я же знала, что Висконти совсем иначе представляет себе роль. Я не подходила по типажу.

И поэтому я вообще ничего не ответила. Ни к чему откликаться на каждую ошибку.

Но через два дня позвонил сам Висконти. Обиженный и разозлённый. «Ты могла бы в любом случае ответить, если получаешь от меня телеграмму, Ромина».

Я объяснила ему, что приняла это за ошибку или шутку.

— Никакой ошибки и никакой шутки, — сказал он. — Я продумал это дело. Будет куда аппетитнее, если роль сыграет молодая женщина...

Разумеется, я согласилась. Это был мой шанс теперь и в кино протолкнуться в первый ряд.

Фильм был снят во время парижских театральных каникул. В студии царила атмосфера солидности, которую всегда создавал Висконти. Для декораций он приволок из своего дома прекрасные ковры и картины. Поручил специально доставить из Флоренции бело-золотые старинные двери, чтобы его «графиня» получила достойное обрамление.

В эту «раму» он поместил меня. В роскошных платьях и вообще без них. И показал меня так, как меня ещё ни один режиссёр не показывал.

Американский продюсер Уолтер Вангер, посмотрев «Боккаччо-70», телеграфировал Висконти: «Никогда ещё актриса не была так „сервирована“, как Роми в этом фильме, никогда ещё актриса не была так изысканно подана и освещена».

Однако всё это отнюдь не помешало нам устроить обязательный скандал. Вероятно, этот скандал говорит о моём

отношении к мужчинам больше, чем любые психологические изыскания.

Хочу рассказать, как это было.

В одной сцене фильма я должна ехидно сказать мужу:

— Вы скучаете со мной, не правда ли? Может, у вас денег не хватает?

Висконти казалось, что я произношу фразу недостаточно едко. Я думала иначе. Мы поспорили. Вдруг он пробурчал:

— Делай в точности что я говорю и ничего другого...

Ален Делон в это время снимался в Риме у Антониони и заехал навестить меня на съёмках. Он был (вместе с нашим продюсером Карло Понти) свидетелем этой сцены.

Я произносила фразу ещё язвительнее — и в этот момент заметила, что Висконти повернулся к Алену и подмигнул ему. Ну, мне этого хватило.

Это понятно любой женщине. Выглядело это так, как будто он хотел сказать Алену: глянь-ка, мой дорогой, вот как надо нажимать на девчонку. Тогда она чувствует.

Я взвыла от гнева. И потом целых три дня разговаривала с ним только по необходимости.

Лукино наверняка понял, что происходило со мной. Когда съёмки закончились, он пригласил меня к себе домой и после трапезы бесконечно нежным жестом надел мне на палец драгоценное кольцо, наследство своей матери.

Я такой человек, что не умею порой правильно обставить подарок. Я его швыряю и смотрю в другую сторону.

Лукино умеет одаривать.

Мы никогда не говорили о том случае, но он прекрасно знал, чем он меня ранил.

Висконти — один из тех гениальных и в то же время устрашающих режиссёров, о которых вечно предупреждают коллеги. «Ему палец в рот не клади! Руку откусит. Он тебя просто уничтожит. Как только фильм будет окончен, так и с тобой будет покончено».

Они меня предупреждали о Висконти и о Фрице Кортнере, пока я с ним не сделала «Лисистрату» на Немецком телевидении. Они предупреждали меня и насчёт Анри-Жоржа Клузо, по сравнению с которым Висконти был просто милашка, и наконец меня предостерегали в отношении Орсона Уэллса.

Однако с каждым из этих режиссёров у меня сложились прекрасные отношения. Не только никто из них не «покончил со мной», но, наоборот, именно они и сделали меня тем, что я есть сегодня. Актрисой, и не только по документам.

Париж, 25 мая 1961 года

Мой дорогой господин Кортнер,

Вы меня уже разнесли в пух и прах и выбросили в кучу прочих «вероломных» душ? Или я ещё могу рискнуть и послать Вам несколько слов? Я ведь оптимистка, как Вы знаете, — это, кстати, себя оправдывает! — не один лишь оптимизм, это было бы слишком просто (а я не люблю и не ищу таких простых вещей), — но я думаю, что быть оптимистом — это часто помогает, я же это Вам всегда говорила, в Гамбурге: «Вы — пессимист?» Нет, Вы, напротив, один из немногих, кто не думал обо мне плохо — и это было для меня трамплином! Даже более того — нет нужды объяснять.

Боже мой, что делалось-то в это время. Если бы я сейчас всё это Вам рассказывала, то пропустила бы все свои выступления, вот было бы занятно...

Мой страх, моя нервотрепка, моя сценическая лихорадка — моя гнусная слепая кишка — премьера — всё это Шнайдерша должна была вынести. Теперь мы сыграли уже 60 спектаклей, людям нравится, они приходят каждый вечер. Моё сценическое волнение никуда не делось, но теперь оно уже не сбивает меня с ног — точнее, в больницу.

Я часто, часто думаю о Вас: во время репетиций — позднее — и вообще каждый вечер, когда вижу на зеркале моего туалетного столика Вашу телеграмму — большое Вам спасибо за неё!

Да, это чудесно — играть в театре, и я бы много чего за это отдала. Должна сказать, что я вытащила счастливый билет — и очень, очень счастлива! В кино я тоже снимаюсь — и театр — и всё это по-новому, именно так, как я того жаждала! Осмысленно, значительно, художественно, интригующе! Получаешь такое удовлетворение!

Я хотела после 17 июня поехать на несколько дней в (Мюнхен), Вену, Берхтесгаден и Зальцбург. Не знаю пока, получится ли. Вы будете в эти дни в Мюнхене? Если нет, то я тогда поеду не в Мюнхен, а сразу — в Берхтесгаден, потому что по-настоящему я тоскую по Вене, Зальцбургу и дому моей матери в Берхтесгадене — странно, но в Мюнхен меня не так уж сильно тянет, не знаю почему. Ехать в Мюнхен у меня только одна причина: я была бы сердечно рада повидать Вас и Вашу жену. Как я уже сказала, не знаю, удастся ли мне это сделать: мне ещё нужно немного отдохнуть, потому что эта роль — очень напряжённая, я на самом деле устала и от этого конвейера худею — вместо того чтобы поправляться. Так вот, 17 июня театр закрывается до сентября. Потом мы снова будем играть наш спектакль, не знаю, до какого времени, — но между июнем и

сентябрём я ещё снимаюсь в скетче у Висконти в Риме и в фильме с Аленом здесь, поэтому с моим отъездом есть некоторые трудности. Если получится, то мы с Аленом поедем сразу после 17.06 отдыхать в Монте-Карло, там у нас маленькая квартира. Я Вам сообщу, и Вы мне тоже, да? Пожалуйста!

Теперь я должна попрощаться — надеюсь, ненадолго; не сердитесь на меня, что долго не отвечала, пожалуйста! Сердечный привет Вашей жене. Обнимаю —

Ваша Шнайдерша.

Может, Вы смогли бы в сентябре приехать в Париж? Нет? Было бы прекрасно.

* * *

Если бы Орсон Уэллс сегодня телеграфировал: хочешь сыграть у меня роль без гонорара или играть роль какие-то жалкие три дня? — я бы всё бросила и помчалась к нему. Его предложение пришло после моего турне с чеховской «Чайкой».

Я ещё ни разу не видела Орсона, когда он прислал телеграмму с предложением сыграть в фильме «Процесс» (по Кафке). Я сразу подумала о Лени, но потом оказалось, что эту роль хотела играть Эльза Мартинелли.

Насчёт распределения ролей Орсону было ещё не все ясно.

За три дня до начала съёмок мы с друзьями сидели в арт-клубе «Элизе-Матиньон», когда по лестнице вдруг взошла гора. Могучий человек. А с ним — стройная, изящная и на вид невероятно молодая Марлен Дитрих. Они уселись за стол напротив.

У меня заколотилось сердце: я же слышала так много ужасного об этом человеке. Я даже хотела уйти. Меня высмеяли:

— Ты просто идиотка — за три дня до съёмок! Подойди к нему, представься...

Я не рискнула. Дурацкая ситуация.

Вместо этого я, как девчонка, которая хочет обратить на себя внимание молодого человека, медленно-медленно прошла в туалет. Когда я возвращалась, Орсон явно меня заметил.

И теперь он постоянно на меня посматривал мрачным взглядом. Он откровенно флиртовал со мной! И так же откровенно это не нравилось Марлен Дитрих.

Потом он мне признался, что она ему просто приказала:

— Stop looking at that child! (Прекрати пялиться на это дитя!)

Уже на следующий день мы встретились на примерке

костюмов. Человек-гора подошёл ко мне и сказал:

— Хелло, Лени...

С самого начала он называл меня не Роми, а всегда только Лени.

— You are Leni [14], не забывай: ты — Лени и никто иная...

Орсон поговорил со мной уже накануне. Он чувствовал себя примерно так же, как и я. Он сказал:

— Я понял тебя очень хорошо, но не знал, что же мне-то теперь делать...

Мы были с первого мгновения симпатичны друг другу.

Энтони Перкинс играл в фильме Йозефа К., Аким Тамирофф — торговца Блока, на роль адвоката Орсон ещё никого не нашел.

Он сам поклялся, что никогда больше играть не будет. Но во время застольной репетиции он читал за адвоката. Я читала свою роль — и дважды прерывалась, спросить, всё ли у меня хорошо. Этого Орсон вообще не переносил. Он очень рассердился:

— Don't you stopp. I stopp [15]!

Но пока он читал роль, я думала: вот был бы идеальный актёр на роль адвоката. Нет никого лучше! Скажи ему это, просто скажи, думала я, — даже несмотря на то, что он уже дважды на тебя наорал.

Мы продолжали читать — и вдруг у меня вырвалось:

— Орсон, есть только один человек на роль адвоката — вы!

— Заткнись, — вскричал он, — и читай дальше!

Но я уперлась:

— Я бы так хотела, чтобы вы сыграли роль, Орсон...

Аким и Тони не сказали ни слова. Только по глазам я могла прочесть, о чем они думали: малявка точно сошла с ума. Так не говорят с Орсоном Уэллсом.

Орсон объяснил мне со сварливой кротостью медсестры, которая хочет успокоить сумасшедшего, что он не будет играть никакой роли и что у него и без того довольно ответственности за весь фильм.

— И давай заканчивай со своим безумством, Лени, читай дальше!

Тогда мы прочли всю пьесу ещё дважды. Когда была моя очередь, он вдруг взглянул на меня:

— All right, Leni. I'll do it [16]. (Я буду играть).

На миг я потеряла дар речи от изумления, но потом вскочила и закричала:

— Я победила! Он играет!..

За мою идею он подарил мне доллар. Это были самые прекрасные деньги из всех, какие я когда-либо зарабатывала. Я так гордилась, что сумела чуть-чуть повлиять на этого великого

человека.

Но продюсер фильма просто рухнул от этой новости.

— О Боже, — стонал он, — теперь всё пойдет прахом...

Ему и без того было с Орсоном забот по горло. Потому, что Орсон, конечно, гений, но при этом человек совершенно недисциплинированный. Он приходит и уходит когда хочет, договорённости ему омерзительны, а смета расходов — книга за семью печатями.

Как режиссёр, Орсон сделал из меня что-то совсем новое. Я играла вовсе без грима и порой была просто уродлива. Когда отсматривали снятый материал, то в первый раз на экране я себя не узнала — и это принесло мне как актрисе громадное удовлетворение: я была Лени! Значит, всё правильно!

Не знаю, понимала ли я сама, что происходило со мной и во мне в это время. Но вдруг я обнаружила себя на новой ступени лестницы, на той ступени, куда в Германии меня никто бы не пустил. По множеству причин — может, из боязни рискнуть или потому, что никто вообще обо мне не думал?

Я вспоминала Фрица Кортнера, как он мне сказал во время работы над «Лисистратой» чудесные, ободряющие слова:

— Чёрт тебя побери, если ты ничего не сотворишь с твоим-то талантом...

В 1962 году я сыграла и на немецкой сцене. В Баден-Бадене. В русской пьесе на французском языке. Это было четырёхмесячное турне с чеховской унылой комедией «Чайка» в постановке Саши Питоева.

Я радовалась и гастролям, и роли Нины. Мне изо всех сил хотелось поломать свой образ Зисси, хотелось раз и навсегда отодрать от себя эту наклейку.

А между тем я давно уже научилась жить с этим образом. И была даже очень рада, когда на карнавале в Рио-де-Жанейро и газеты и публика приветствовали не только мою роль в «Боккаччо-70», но и мою героиню в трёх фильмах о Зисси.

В начале моей серьёзной карьеры я думала об этом иначе. Может, я ошибалась — во всяком случае, тут был полезный опыт: оказалось, что публика во французской провинции приходит исключительно на Зисси и, конечно, ожидает от спектакля с Роми Шнайдер чего-то именно в этом роде.

А вместо этого людям показывали тяжёлую, невнятную русскую пьесу, «Чайку» Чехова.

Мы ехали поездом и автобусом по провинции, играли сначала в крошечном селении под Лионом, а потом — почти каждый день в новом месте. В маленьких театральных залах, в кино или ещё где-нибудь.

Часто нам казалось, что мы играем перед спящими коровами. Люди откровенно маялись, разглядывали нас с изумлением — и только изредка что-то вспыхивало, изредка нам удавалось «пробить» эту публику, и тогда мы были чрезвычайно горды.

Незадолго перед выступлением в Ницце у меня «снова был выкидыш». На это тонко намекали газеты. Очевидно, журналисты не могли представить себе какую-то другую причину, по которой молодая артистка могла попасть в больницу.

На самом деле случилось вот что.

Перед спектаклем в Авиньоне у нас были три свободных дня. Ну вот, я и дорвалась до лошади. И скакала все три дня, по шесть часов ежедневно. Что было, конечно, слишком. Я же уже давно не ездила верхом — и сразу такие мощные скачки!

В Авиньоне у меня всё так болело, что я не могла больше этого вынести. Спектакль в третьем акте пришлось прервать.

Выяснилось, что во время скачки я получила травму. Была необходима маленькая операция, так я и попала в больницу.

Утверждение, что я не желаю говорить по-немецки, — глупая и злонамеренная клевета. Все мои друзья знают, что это не так. Когда я бываю в Германии или в Австрии, то говорю только по-немецки.

Если я в моей парижской квартире беру телефонную трубку, то, конечно, я называю себя по-французски — это же нормально, правда? А когда в 1963 году я снималась в Голливуде у режиссёра Дэвида Свифта в фильме «Одолжи мне своего мужа» с Джеком Леммоном и Эдвардом Дж. Робинсоном, то говорила только по-английски.

Однажды Дэвид дал мне какое-то режиссёрское указание по-немецки. Я попросила его:

— Пожалуйста, Дэвид, говори со мной по-английски...

Один журналист зацепился за эту фразу и выстроил из неё моё «враждебное отношение ко всему немецкому». Ясное дело: Роми не желает иметь ничего общего со страной, где она выросла.

Вот глупость!

Факты таковы: если я играю в английском фильме, то стараюсь уловить верную интонацию этого языка. Дело не только в моём честолюбии, хотя и оно тут оправдано. Чем больше я думаю и чувствую на чужом языке, тем лучше для роли и для моего произношения. Во время съёмок переключение с одной языковой мелодики на другую мне мешает. Поэтому я и попросила Дэвида.

Через пару месяцев я снималась в фильме Отто Преминджера «Кардинал». Съёмки начались в Бостоне. Преминджер, любитель дорогостоящего паблисити, за свой счёт привёз в Америку

множество европейских журналистов. Ещё в полете из Парижа в Нью-Йорк меня интервьюировал один венский журналист. Он рассказал мне обо всяческих особенных слухах, которые ходили вокруг меня в Вене. Дурацкие слухи.

Я сказала:

— Люди, которые распространяют подобные сплетни, — просто мерзавцы!

В результате этот журналист сфабриковал «сенсацию», которая вывела из себя половину Вены:

РОМИ ШНАЙДЕР:

ВЕНЦЫ - МЕРЗАВЦЫ!

Когда я потом из Парижа добралась до Вены, меня приняли холодно. Я приземлилась, как обычно, с тремя или четырьмя чемоданами в своём родном городе, но ненависть ко мне уже успели разжечь. В газетах меня представляли как суперзвезду, которая возит с собой вагон багажа и вообще чокнутая.

Эта история имела ещё и послесловие. На одной большой пресс-конференции в Вене Отто Преминджер потребовал от журналиста извинений. Тот отказался, заявив:

— Я здесь как журналист, а не как частное лицо.

Преминджер:

— Ладно, вы здесь как журналист, но вы же джентльмен.

Вероятно, корреспондент этого слова ещё не слышал. Во всяком случае, он никак на него не отреагировал. И вместо ответа обратился ко мне.

Я слишком разозлилась, чтобы его выслушивать.

— Вы — ни мужчина, ни джентльмен, — сказала я. — До свиданья.

Причём я должна была повторить это ему три раза, прежде чем до него дошло, что я на его «частные откровения» плевать хотела.

Когда я в 1962 году лежала в больнице в Авиньоне, меня навестил человек, которым я всегда восхищалась и которого немножко побаивалась, — режиссёр Анри-Жорж Клузо. С ним я чувствовала себя точно как с Висконти: совершенно неэротическим образом я немедленно влюбилась в этого темпераментного интеллектуала с диктаторскими привычками. Он требовал очень многого и выжимал из актёра всё, на что тот был способен.

Летом 1963-го мы встретились в Париже на концерте Караяна.

— Я пишу сценарий, — только и сказал он, — фильм называется «Ад».

Съёмки должны были начаться весной 1964-го. Я радовалась

этой работе. Перед тем мне ещё нужно было сниматься в Голливуде, в фильме «Одолжи мне своего мужа».

И тут начался самый отвратительный год в моей жизни, год между осенью 1963-го и осенью 1964-го.

Я помню точно, как всё это началось.

Несколько недель перед голливудскими съёмками я провела в Монте-Карло, вместе с Вольфи, который изучал медицину в Базеле.

Мы были счастливы вместе, потому что чудесно понимали друг друга.

Только одно омрачало это время: Ален снимался в Мадриде, и я видела во всех газетах одну и ту же фотографию — Ален на складном стуле с надписью «Ален Делон», а у него на коленях девушка в большой шляпе. Текст над снимком был соответствующий. Флирт? Любовная история? Я не знала. Вообще-то к таким вещам я уже привыкла, но постепенно это становилось для меня чересчур.

Когда мы с Аленом разговаривали по телефону — а это происходило, как и прежде, почти каждый день, — он высмеивал всё это. Однажды вечером я ждала звонка из Мадрида, но внезапно он сам вошёл в комнату и напугал меня. Он знал толк в подобных сюрпризах.

Это была наша предпоследняя встреча перед разрывом — и я по сей день не могу понять, как это ему удалось быть таким, как всегда. Он вёл себя так, как будто ничего не случилось.

Возможно, как раз в этой точке заканчивается взаимопонимание между мужчиной и женщиной.

В последний раз мы встретились в Риме. И опять казалось, что между нами всё по-прежнему. Ален отвёз меня в аэропорт — я улетала в Голливуд.

С первого дня в Голливуде мы продолжали общаться по телефону — как всегда. Как будто ничего не изменилось. Только одно: в газетах множились слухи. Речь шла о помолвке с Натали Бартелеми — с той девушкой в шляпе.

Я верила этим слухам самое большее наполовину. В конце концов, и про меня ведь в газетах печатали много пустого вранья. Я знала, как часто информация берётся просто с потолка.

Но и половины мне хватило с лихвой. Надо было что-то предпринять. Я писала иронические письма, каких писать не стоило. В одном из них было так: «Надеюсь, ты развлекаешься в Мадриде так же, как я — в Америке».

При этом я вовсе не развлекалась. Дни напролёт я была связана жёсткой голливудской дисциплиной, и мой график не оставлял ни просвета для каких-либо приключений.

Потом в Голливуд приехал наш общий друг и агент Жорж Бом. Он поселился, как и Сандра, моя подруга и секретарь, в доме, который я снимала. Однажды утром, перед съёмками, я из спальни услышала, как Жорж разговаривает по телефону с Аленом — тот был в Париже. Я взяла трубку и ждала, что Жорж предложит говорить мне.

Я ждала напрасно.

Внезапно Жорж положил трубку. Связь с Парижем была прервана.

В ярости я помчалась в гостиную:

— Жорж, почему ты не дал мне поговорить?

Он не сказал ни слова.

— Он что, не пожелал говорить со мной? — спросила я.

Жорж не ответил, он лишь покачал головой, а потом сказал:

— Я сейчас отвезу вас на киностудию, Роми, — нам пора ехать.

В машине он молчал. Я спросила:

— Почему он не захотел говорить со мной? Вы что-нибудь понимаете?

Он повернулся ко мне.

— Вам теперь нужно держаться, Роми.

У него ком стоял в горле. Всё это было ему слишком близко. Он был другом нам обоим, вместе с нами он подыскивал в окрестностях Парижа дом, в котором мы с Аленом собирались жить, он месяцами подбирал обстановку для этого дома, вложив в эту работу весь свой точный и тонкий вкус, и он уже представлял себе, как мы там живём.

И теперь — вот так.

Я всегда знала, что всё это закончится, но не могла предвидеть, что финал настанет столь внезапно.

Жорж сказал:

— У меня для вас письмо, Роми. Перед моим отъездом Ален сунул его в мои бумаги. Я не знал об этом письме. Он мне только что сказал о нём...

Только вечером он намеревался отдать мне письмо, чтобы весь день я могла спокойно работать. Но я, конечно, поняла всё. Я поняла, что это — конец. Весь день я была слепая, глухая, в полном отчаянии. И при этом играла комедию.

А что мне ещё оставалось?

Вечером Жорж отдал мне письмо. На двенадцати или пятнадцати страницах, последние страницы были слегка затёрты. Я читала и понимала, и не понимала ничего.

Отвечать на письмо я не стала.

Сказать было нечего.

Не надо делать из этого неверные выводы. Я признаю, что сильно страдала. И я не думаю, что должна этого стыдиться.

Мне понадобилось много месяцев. Но потом я поняла: нет никакого горького послевкусия. Ален может сегодня прийти ко мне когда захочет. Он может стать добрым другом. Не более того.

Пока я с головой уходила в работу, обо мне сплетничали все кому не лень. Все эти годы я избегала комментировать эти сплетни. Я придумала стандартный ответ, который выглядел так: «Если речь идёт о моей личной жизни, я молчу. Я думаю, что вся эта болтовня об Алене и обо мне людям уже наскучила. Мне она надоела уже давно. Никому нет дела до того, как двое устраивают свою личную жизнь...»

По-видимому, это была ошибка. Людям это не надоело — так полагали, по меньшей мере, редакторы еженедельников. Любое недоразумение между мной и Аленом нещадно раздувалось, любой невинный флирт Алена давал повод назвать меня брошенной невестой.

Не всякий флирт был безобидным. Я это знала. Ален был молодым кобелём — и всегда останется молодым кобелём. Всегда в погоне, часто саморазрушительной. Чем чаще мы разлучались из-за нашей работы, тем опаснее становилась ситуация для нас обоих. Мы решили, что поженимся — когда-нибудь. Мы назначали срок — и потом меняли планы. Считали, что ещё рано.

Иногда я приходила в отчаяние: мне казалось, что наши отношения превращаются в мучительство. И тогда хотела покончить со всем этим, подвести черту.

Но я этого не могла. Когда Ален возвращался из поездки, я по-прежнему стояла в аэропорту и ждала его. Ладно, я была слабой, я любила его, я прощала ему всё и всегда. Больше ничего не хочу говорить об этом времени.

Нет, ещё одно: я не раскаиваюсь. Совсем. Я не хотела бы всё это пережить ещё раз, я бы просто не вынесла.

Но раскаиваться?

Нет.

Я сохранила для себя только самое лучшее и прекрасное из этих почти шести лет и знаю, что в этом смысле я — человек, способный наслаждаться жизнью. Это у нас фамильная черта.

Сегодня я могу рассказывать о конце без горечи. Сегодня — через год после разрыва, несмотря на то, что разрыв произошёл так неожиданно.

И я сегодня знаю: я потеряла возлюбленного и приобрела друга. Вероятно, эта дружба больше прошлой любви...

«РОМИ ШНАЙДЕР НЕСЧАСТНА — ПРИЗНАНИЕ АКТРИСЫ...»

Весть обо мне под этим заголовком газеты разнесли по всему свету. Бюро газетных вырезок регулярно потчевало меня моей же историей с продолжением. Оттуда я узнала, что мечтаю о мужчине, который наконец поможет мне обрести собственное Я. На эту тему я якобы говорила:

«На самом деле мне трудно в обществе мужчины вести себя раскованно и естественно. Я должна всегда играть какую-то роль, чтобы скрыть свою истинную сущность. Это потому, что я ужасно робкая. Если и мужчина — такой же, то получается пресный флирт. Но если мужчина — сорвиголова, тогда я прячусь под одеяло, как ребёнок...»

Дурацкая псевдо психологическая болтовня!

Кто приписал мне эти глупые рассуждения?

Не знаю. Разыскивать автора было бы слишком утомительно. Многие статьи вырастают просто как сорняки, сами собой.

Моя подлинная суть? Моё истинное Я? Счастлива я или несчастна?

Я размышляю об этом меньше, чем полагают эти борзописцы.

Позвольте мне привести ещё два примера публицистических достижений, которые мне встретились — и, может быть, должны были иметь отношение ко мне. Я не знаю. Знаю только, что у общества из-за таких статеек складывается совершенно превратное представление обо мне. Образ, ни в чём на меня не похожий. Люди, уже со мной знакомые, знают и это. А кто только ещё со мной знакомится — те часто, к моей радости, говорят: «После всего, что мы читали, мы представляли себе Роми Шнайдер совсем иначе...»

Но те, кто меня не знает, должны верить, что я такая сумасшедшая, как меня недавно представил один немецкий иллюстрированный журнал. Сотрудники этого листка позвонили мне в Париж. Я тогда напряжённо работала над моим последним фильмом «Что нового, киска?» и практически не имела свободного времени. Но всё же они уговорили меня сделать несколько снимков.

Они приехали ко мне на авеню Гош. С цветами, подарками, приветливыми лицами и кучей обещаний. Попросили меня надевать разные платья — для разнообразия.

Я сказала:

— Ладно. Но ведь фотографироваться — довольно-таки скучное занятие. Уж если это так необходимо, давайте хотя бы получим от него чуть-чуть удовольствия...

Я заказала шампанское, поставила пластинку, и мы начали.

Одеться, переодеться, глотнуть шампанского, сделать несколько танцевальных па для фотографа... Фотограф был явно

доволен.

Но когда я прочла статью, то не поверила своим глазам.

Это было просто уму непостижимо.

Господа журналисты, казалось, до сих пор пребывали в шоке от встречи с этой помешанной. С этой чокнутой, которая за три часа встречи десять раз переоделась, среди дня пила шампанское, то и дело принималась танцевать на ковре и внезапно разражалась пронзительным смехом. Фотограф припомнил с опаской: точно так же вела себя одна девушка, с которой он виделся за день до её попытки покончить с собой.

Ну что тут ещё скажешь?

После этой аферы мне пришлось долго восстанавливать своё чувство юмора. А вторая лживая история вообще не скоро быльём порастёт. Тут ещё скажут своё слово мои адвокаты. Этот пример злостной клеветы и побудил меня, кстати, записать события так, как я их вижу, — то есть так, как это было на самом деле.

В августе 1964 года я провела несколько свободных дней в нашем доме в Берхтесгадене. Этот отпуск в родном доме был мне просто необходим: 1964-й стал для меня самым горестным годом. Каждый это поймёт. Я же почти шесть лет прожила с Аленом Делоном, а теперь этому пришёл конец.

В Берхтесгадене я совсем уединилась, не читала газет и вообще ничего не знала о том, что происходит в мире.

13 августа я получила телеграмму от моего французского агента и доброго друга Жоржа Бома:

Я ДУМАЮ О ТЕБЕ, ОСОБЕННО СЕГОДНЯ.

Я ничего не поняла. Почему он думает обо мне именно сегодня?

Я показала телеграмму Сандре, моему секретарю. Она только взглянула — и сразу же сказала:

— Думаю, речь идъёт о свадьбе.

Теперь я знала всё.

Ален Делон женился.

Через несколько дней я собиралась лететь в Монте-Карло, чтобы оттуда отплыть на яхте продюсера Сэма Шпигеля в круиз по Средиземному морю.

Накануне моего отъезда, в десять вечера, мне позвонил какой-то репортёр. Он утверждал, что пишет для некоей американской газеты, но потом выяснилось: он был из парижского еженедельника «Франс Диманш».

— У меня для вас письмо от Алена Делона. Могу я вам прочесть его?

Ни единой секунды я не верила, что это правда. На Алена это было совсем не похоже — поручать репортёру читать мне свои

письма.

Несмотря ни на что, мне было интересно, что же могло быть в этом письме. Теперь я не могу этого объяснить. А тогда сказала:

— Читайте, пожалуйста.

Теперь я уже знаю, как всё было с этим якобы письмом.

Ален написал о себе книгу. О своей жизни, о своих переживаниях, о своей карьере. Одна глава этой книги называлась «Роми».

Рукопись хранилась у нашего общего друга Жоржа Бома. До сих пор неизвестно, каким образом глава «Роми» исчезла из рукописи и попала в редакцию «Франс Диманш». Они уже тиснули эту главу и теперь хотели получить для следующего номера мои комментарии.

Пока репортёр читал, я молча слушала. И слышала вот что:

«Как можно говорить обо мне и Роми только как о приключении? У нас была необыкновенная любовь. И если мы расстались, то не потому, что больше не любили друг друга, а потому, что любили слишком сильно».

Или такое:

«Я знаю, что моя любовь к Роми была сопряжена с безграничным восхищением — не как актрисой, а как женщиной. Роми была и остаётся для меня идеальной женщиной. Той женщиной, от которой я хотел бы иметь сыновей».

Или, наконец:

«Ни об одной женщине я не буду говорить так, как о ней. Ни об одной женщине я не скажу: она очень сильно любила меня, — это было бы самонадеянно с моей стороны. Но о ней я имею право так говорить, потому что моя любовь была такой же огромной, как и её. Единственное, чего я сегодня желаю: она должна знать, как сильно я её любил — и буду любить всегда».

Во всей главе не найти ни единого слова, нелестного для меня. Ни единого слова, которое вызвало бы мой протест.

И что я должна была сказать об этом?

Я поблагодарила репортёра и попросила ни о чем меня не спрашивать. И всё.

А потом в этой истории поставили жирную точку. В каждом порту, куда мы заходили во время круиза, в любом киоске мне бросался в глаза крупный заголовок:

«Я всё ещё его люблю!»

И дальше стояло:

«До последнего мгновения я не верила, что он женится».

Было забавно, как мои друзья всё время пытались закрыть витрины своими широкими спинами или отвлечь мой взгляд от этих заголовков.

Дело обстояло вовсе не так уж весело. В статье меня вновь представляли как глупую, сентиментальную, слезливую девицу — этакую немецкую невинную барышню, которую позорно бросил коварный француз, и теперь ей оставалось только причитать без конца.

Якобы я сказала:

— Умоляю вас, прочитайте мне письмо.

И ещё:

— Продолжайте, я умею страдать.

И наконец — верх лживости:

— Я никогда не забуду Алена. Он определял мою жизнь. Я бы могла уйти в монастырь, но это было бы для него слишком большим подарком. Поэтому я предпочитаю поступать так, как если бы ничего не случилось.

Подобные статьи часто появлялись после нашего разрыва с Аленом. Они имели мало общего с действительностью. Они превращали и вправду сложные отношения между двумя людьми различного происхождения в слащавый романс, а из нас делали мишени в тире — по ним ведь так весело палить.

О нашем разрыве я до сих пор открыто не высказывалась. Потому и появились бесконечные лживые комментарии, слезоточивые и полные мировой скорби.

Год назад всё изменилось. Теперь мне приписывают беспрерывные новые увлечения. Фантазия этих писак воистину безгранична!

Потанцевали с моим агентом и другом Юджином Лернером — и вот пожалуйста, готова новая история!

Однажды посидели в ночном кабачке с моим коллегой Максимилианом Шеллом — Роми отбивает жениха у Сорайи!

Встретились за обедом с моим партнёром по фильму «Монпти» и героем моего девического флирта Хорстом Буххольцем — супружество Хорста в опасности!

Три недели тому назад одна парижская газета оповестила: Роми помолвлена с Клодом Террайлем!

Я сразу же позвонила Клоду — он владеет трёхзвездочным рестораном «Тур д'Аржан», — и мы вместе посмеялись над газетной уткой.

Как раз на примере с Клодом я могу хорошо объяснить, как обстоит дело в действительности.

Я мимоходом встречала Клода на разных мероприятиях, он мне не слишком нравился. И только теперь, в марте, я случайно увиделась с ним на карнавале в Рио. Мы поняли друг друга и славно вместе веселились. Я заметила, что Клод — как раз тот человек, каких в Париже называют “copain”, в смысле — добрый

приятель. В Париже хорошо иметь доброго приятеля: с ним можно куда-то пойти, можно вместе заниматься спортом. Конечно, это никакая не любовь, такая, что в самом деле соединяет мужчину и женщину. Любовь вообще бывает очень редко, и это тоже, возможно, хорошо.

До сих пор для меня важнее всего работа, но это будет меняться. Я не хочу однажды остаться наедине только с моей профессией; я и так уже сделалась слишком самостоятельной — а для женщины это опасно.

Единственный утешительный момент в 1964-м: мой первый голливудский фильм «Одолжи мне своего мужа» имел большой успех. Он стал лидером по сборам, открыл мне американский рынок и принёс хорошие рецензии в Америке. Идём в гору!

Вернувшись из Голливуда, я получила передышку на несколько дней в доме моего друга Курда Юргенса — мне надо было взбодриться перед съёмками «Ада» Клузо. Анри-Жорж Клузо жил неподалёку, в Сен-Поль-де-Вансе, и то и дело заходил ко мне, чтобы поговорить об этом проекте. Когда он уже собирался начать репетировать, то вдруг обнаружил, что ему мешает мой легкий немецкий акцент. И захотел за пару недель сделать из меня актрису, говорящую по-французски совершенно без акцента. При всём желании достичь этого было нельзя.

Мы долго спорили и наконец сошлись на том, что моя героиня в фильме будет из Эльзаса. Потом мы сняли в студии в Ницце первые кинопробы с Рафом Валлоне и Ивом Монтаном.

Уже на этих пробных съёмках я заметила, что Клузо — самый трудный режиссёр, какого я вообще встречала. Трудный — не в негативном смысле! Этот человек никогда не бывает доволен, он — настоящий перфекционист, который требует, чтобы каждый звук, каждый световой блик, каждый жест — до малейших нюансов — был именно таким, как он себе это заранее представил в своём воображении. Я спрашивала себя: как ты выдержишь восемнадцать недель съёмок с ним?

Увы, выдерживать не пришлось.

Неудачи начались, когда тяжело заболел Серж Реджиани, что спутало все расклады. С моим здоровьем тоже было не всё в порядке. И наконец, через три недели съемок, разразилась катастрофа: Клузо рухнул с инфарктом. Нужно было останавливать фильм. Дождаться выздоровления Клузо не было никаких шансов: врачи требовали, чтобы он сделал перерыв не менее года.

Я поняла, что повисла в воздухе. Перерыв в работе означал для меня много больше, чем просто «лопнувший проект». Я же погрузилась в этот фильм полностью, с головы до пят. Теперь с

фильмом покончили, даже прежде чем по-настоящему начать. И я не знала, что я должна делать.

Тогда, осенью 1964-го, я впервые осознала всерьёз, что мне необходимо как-то выстраивать свою жизнь помимо кино и театра. Мне захотелось заново учиться жить — налаживать частную жизнь, встречаться с друзьями, отправляться в отпуск.

Я попыталась соединить работу и просто жизнь. И это удалось.

По счастью, мне не приходится заботиться о деньгах. Уже юной девочкой я очень хорошо зарабатывала — и мой отчим отлично вложил мои деньги и до сих пор продолжает распоряжаться моими средствами, так что финансовые соображения не играют никакой роли в моих планах. Я ему очень благодарна — за это, да и за многое другое.

Кстати, большое преимущество для актрисы: я могу не брать роли, если не хочу их играть. Могу устраивать перерывы так надолго, как хочу, — и в перерывах продолжать своё образование.

Я беру уроки танцев и пения, чтобы быть во всеоружии, если меня однажды привлечёт, например, интересный мюзикл. Очень надеюсь скоро выпустить долгоиграющую пластинку — песни на немецком, французском и английском.

Осенью я снимусь в фильме режиссёра Жюля Дассена «В половине одиннадцатого летним вечером», по роману Маргерит Дюрас, с Мелиной Меркури и Питером Финчем. Следующий фильм в Голливуде намечен на январь 1965-го, затем пойдёт фильм «Тарновска» по роману Ганса Хабе, и затем — снова театр.

Недавно я пережила приятное событие. Я встретила на одном приёме французского писателя Жана Ануя и спросила, над чем он сейчас работает. Он сказал, что сейчас вообще не в настроении работать, потому что не знает, что ему писать.

— Но если вы вернётесь к работе, — спросила я, — то, может быть, напишете пьесу для меня?

— Это я люблю, — ответил он. — Пьеса по заказу? Согласен!

И при прощании в такси заверил меня:

— Я думаю о вашем заказе.

Надеюсь, из этого что-нибудь получится. Такие встречи вообще — обычное дело для артистического общества в Париже. Поэтому я люблю Париж, и поэтому я живу в Париже. Хотя и не только по этой причине...

Париж сделал меня свободной. Париж дал мне то, чего я прежде никогда не имела. В Париже я научилась свободно мыслить. Я больше не боюсь свободно высказывать что думаю. И не боюсь потом поступать как я хочу.

1965-1967
Моя бюргерская мечта

«Труба № 4» — «Шпион на два фронта»

Роми растеряна после разрыва с Делоном, она грустит, она чувствует себя опустошённой. Проваливаются и профессиональные планы. Франция ей опротивела, хотя она бы охотно снова выступала в театре. Но всё же, несмотря на все трудности, она была во Франции счастлива, здесь она выстроила свою карьеру. Роми чувствует, что меняется вся её жизнь.

В 1965 году она едет на театральный фестиваль в Зальцбург, в Берхтесгаден к своей матери и наконец — в Берлин. Там 2 апреля в Европейском центре на открытии ресторана, который принадлежит её отчиму Блатцхайму, она знакомится с актёром и режиссёром Харри Мейеном (псевдоним Харри Хаубенштока). Этот мужчина еврейского происхождения, на 14 лет старше Роми, производит на неё впечатление человека спокойного и надёжного. Он живёт в мире театра, считает его более значительным, чем мир кино, — это тоже привлекает Роми. Она очарована им. Они решают пожениться, как только он получит развод с Аннелизой Ремер. Оба мечтают о совместных театральных проектах. Роми собирается покинуть Париж и окончательно переселиться в Берлин.

Завершив съёмки в Испании в фильме «В половине одиннадцатого летним вечером» (1965), Роми начинает в 1966-м работу над фильмом «Труба № 4», где её партнёр — Мишель Пикколи. 15 июля 1966 года Роми Шнайдер и Харри Хаубеншток регистрируют свой брак в загсе Сен-Жан-Кап-Ферра. В это время она снимается в картине «Шпион на два фронта», где Харри Мейен тоже получает небольшую роль.

Роми прощается с Францией. 3 декабря 1966 года в Берлине, в больнице имени Рудольфа Вирхова появляется на свет её сын Давид Кристофер Хаубеншток. Семья живёт в своей квартире в Груневальде. Начинается мирное, гармоничное время. Нет взлётов, но нет и скуки.

21 февраля 1967 года в Вене умирает Вольф Альбах-Ретти, отец Роми.

Записи этих лет показывают внутреннюю раздвоенность, нерешительность в выборе между театром и кино, между

Францией и Германией. Но по дневнику и письмам видно также и то, как Роми счастлива в семейной жизни, как гордится она своим сыном.

Январь 1965 года

Я устала. Моя жизнь — ад. Только вечерами я иногда бываю счастлива — в надежде, что «она» ночью не вернётся.

Она всегда тут. Она — это другая. Она вперяет в меня ночью свой взгляд. Она бранит меня, смеётся, плачет. Она всегда держит руку на моём плече. Она не упускает меня из виду. Она упрекает меня за мои ошибки — раз, другой, третий... Я никогда не избавлюсь от неё. Но я её ненавижу. Человек, которого я любила, всегда говорил: «Дай себе волю, решись, прыгни в воду...» Он был прав, конечно. Меня от этого уже тошнит. Если бы я могла убить эту другую! Однажды мне это удастся.

Я помню, как это началось. Очень, очень давно. Это было зимой в школе, в Зальцбурге. Я молилась. Мне было, кажется, лет восемь. Господи, помоги мне стать актрисой. Я была счастлива, когда я молилась. Меня это как-то возвышало. В тот раз я стояла на коленях и видела себя со стороны. Лицо закрыто руками, белая стена, распятие. И вдруг поняла, что не могу больше молиться. Потому что она была тут, другая, она всё разрушила — мою молитву, мои восемь лет, мою искренность. Сёстры-монахини ничего не поняли. Для них я была всего лишь маленькая Альбах, как меня и правда звали, трудное создание, ребёнок, чьи родители развелись, маленькая невоспитанная девочка, которая без конца делает ошибки. Лгунья. Да, я лгала. Я изобретала истории, я придумала целую жизнь, чтобы похвастаться перед подружками. Я рассказывала о людях, которых никогда не видела. Моя мать никогда не брала меня с собой на киностудию. Но это для меня ничего не значило. Я важничала и сочиняла, что только вчера ужинала вместе с Гэри Купером.

В моей частной жизни от меня вечно что-то требовали. Я не хотела, чтобы у меня отнимали то, чего я не собиралась отдавать. Меня же просто обкрадывали. Не только обкрадывали — грабили! Я была как собака. Делала всё отлично — до судорог. При этом я способна любить мужчину, когда он с утра совсем заспанный. Когда он ещё не чистил зубы и не продрал глаза после сна. Тогда он настоящий, таким я его люблю. Мне нужна сила. Мужчина, который меня поставит на колени. До сих пор я всегда сталкивалась со слабостью. Мы оба только тявкали друг на друга. А мне было нужно, чтобы меня взял в руки тот, кто сильнее, распрямил бы меня, пронял до мозга костей. Но есть ли вообще такой мужчина? Сначала так и было. И я говорила: «Господи,

пусть всё так и остаётся». Но я знала, что этого не будет. Я думала: сохрани этот миг, переживи его сполна, потому что назавтра всё исчезнет и нужно будет платить по счетам за своё счастье. Вот я и заплатила. Самую высокую цену.

Письмо ко Дню матери

Париж, май 1965 года

Моей матери.

Её имя — для всех — Магда Шнайдер. Мы знаем друг друга 26 лет, и в течение этих 26 лет она получала от меня разные имена. Поэтому начну-ка я это письмо вот так:

Моя милая мама (школьная пора). Моя любименькая мамочка (школьные годы и совсем нечистая совесть). Любимейшая мама (лучшее время после школы). Мой любимый «Мом» (переходный возраст императрицы). Мама — дорогая Магда — дорогая любимая Магдалена — дорогая фрау Лени — Ты! (примерно так было бы сейчас). Итак —

Храни тебя Господь!

Прости: я звонила тебе дважды среди ночи, но я должна была прочесть тебе сердечное письмо от венской бабушки. Я смеялась до слёз, лёжа в постели, и поскольку не хотела бы, чтобы ты держала меня за полную эгоистку, то думаю, ты тоже посмеёшься до слёз, — а ведь после этого так хорошо спится! Вот, ты теперь знаешь: мой отец купил себе новую машину и потешался уже в семь утра, давая Розе указания, как садиться и как выходить из неё, и он купил автомобильные башмачки для собаки, — я будто вижу этот цирк собственными глазами и нахожу, что это ужасно забавно!

Из Берлина я долетела отлично: я поспала (что у меня *не получалось* четыре дня и четыре ночи подряд, когда я вновь свиделась с Берлином после шести лет разлуки). Ты — это было прекрасно! (Думаю, я не должна тебе говорить просто «ты», но попытайся-ка вернуться в мой возраст, — я же хочу написать тебе серьёзное письмо!) Да, ты и Берлин! Всё, всё вернулось! Возвращаться в прошлое — это всегда плохо и старомодно, если бы не ты. А так — это единственное хорошее и всегда современное, что я знаю.

Наше возвращение в прошлое — на двенадцать лет назад — мой первый фильм, вместе с тобой, в Темпельгофе, — я долго была тогда «Ширли Темпельгоф», «последняя немецкая барышня», а ты была «злая сторожевая собака».

Но нам это было нипочём. (Наоборот, нам было очень весело, будто «новой немецкой любовной парочке».) Нам никто и ничего не мог сделать, кроме нескольких бурь и непогод, побольше или поменьше, — их мы, кстати, сами себе устраивали. Или это была — как ты всегда говоришь — «высшая сила», против неё ничего не поделаешь, но мы *всё равно* пытались, ты — против, я — против,

мы вместе — против, мы против всего, всё против нас, — прежде чем разразилась большая гроза, мы смеялись до судорог! Потому что мы обе знали, что *мы сами* были судорогой. Истерикой от смеха. Будто всё это было как на экранчике — как в киношке.

Но не всегда, конечно, не всегда. Если бы мы разрешали смехом или истерикой каждую серьёзную ситуацию или ссору, то это нам точно наскучило бы, причем надолго. И раз уж мы с тобой последние шесть лет виделись не так часто, многое должно было измениться. У нас это получилось. Нужно было брать пример с мужчин: ведь есть так много способов притереться друг к другу — так много вариантов любить друг друга...

В Берлине мы не так уж много разговаривали (а могли бы так здорово, — до четырёх утра!), но это было и не нужно — всё было правильно — и я оттого и счастлива сверх меры, что всё так, как оно есть, что мы такие, какие мы есть — вместе или нет, — и что всё это можно говорить о матери!

Я и мой брат — мы оба хорошо воспитаны в смысле вкуса, но наш «материнский выбор» остаётся главным призом! Итак, как уже было сказано, наша встреча в Берлине и сам Берлин — вот причина, почему я тебе всё это пишу, да ещё в своём дурацком стиле и манере.

Это было прекрасно — так прекрасно, мама, и это будет ещё прекраснее, потому что ты делаешься всё моложе, а я — постепенно — старше и мудрее. Прости, что моё понимание пришло немного поздно, я же была слишком молодая тогда! Ну вот, а теперь пять часов утра, и я оставляю тебя в покое и позвоню тебе в шесть, чтобы пожелать доброго утра.

Я слишком много курила и теперь лаю, как собака, и у меня болит спина от ежедневных уроков танца, и ноги тоже, ну да. Да — я что-нибудь наляпаю на спину, чтобы избавиться от кашля. Кстати, мне вчера прислали капли от кашля, из Берлина, — не слишком любезно, не правда ли? Мой завтрак? «Берлинские капли от кашля». Пожалуйста! Я вижу в моём втором календаре, что у тебя День матери — завтра. В Париже это всегда другое число (и теперь мои цветы придут слишком поздно). В какой-то год это на три недели раньше, и ты не знаешь, почему это я вдруг посылаю тебе кучу красных роз, а на этот раз — опять я опоздала. А! — в конце концов это же должно быть «Письмо ко Дню матери», и ты бы должна была растрогаться до слез? Так что такую «любезность» я тебе, к сожалению, не могу оказать.

Потому что мне абсолютно всё равно — День матери или нет (этот праздник наверняка изобрёл тот, кто порой забывает, что у него вообще есть мать!), да? Если бы у меня не было маленькой «побочной профессии», то я каждый день писала бы тебе письма.

Поэтому (вот шикарно!): всего доброго! Всего наилучшего! Ко Дню матери! Вот!

И я благодарна тебе за то, что ты меня впустила в этот прекрасный, великолепный (иногда скверный) мир, и берегла меня и моего брата, и позволила нам быть детьми, какими мы были и какими для тебя и остались! Обнимаю тебя — храни тебя Господь!

Твоя Роми.

P. S. Если бы ты сейчас была здесь, то мы вместе отправились бы «в морозильник» и поели бы хлеба с сыром и маринованных огурцов; делать это в одиночестве — просто тоска, но я голодная — и буду при этом думать о тебе. Кухарке я завтра утром скажу, что это была ты — приезжай скорее — и пожалуйста, без багажного вагона в аэропорту — только пара чемоданов!

Лето 1965 года

Я уже говорила, что во Франции я училась жить и любить, двигаться и одеваться. У меня такое чувство, что я родилась в Вене, чтобы жить в Париже.

Слишком много важного там со мной случилось. От моего первого театрального ангажемента до моего первого прорыва в кино.

У меня немецкий паспорт, у моей матери немецкий паспорт, у моего брата Вольфа — тоже немецкий паспорт. Я — немка, мой отец — австриец. Я родилась в Вене, училась в Гамбурге, Берлине и Мюнхене, живу в Париже, говорю сегодня по-французски и по-английски почти так же хорошо, как на моём родном языке. Я наделала ошибок, и я горько раскаиваюсь в них. Но меня забрасывают камнями и за то, в чём я себя никак не могу признать виновной. Моя умная мать часто меня утешает. Я очень радуюсь, что вскоре проведу несколько недель в Инсбруке вместе с ней и с моим братом, он изучает медицину в Базеле. Я узнала, к сожалению — к сожалению, это надо признать, — что если личной жизни нет, то в профессии тоже не всё в порядке. Например, вот как раз сейчас я могла бы радоваться карьере — большому договору в Голливуде. Но я чувствую, что что-то не так. За всё нужно расплачиваться, иногда особенно жестоко. Паяц вовсе не смеётся. Конечно, это слишком резко сказано. Или слишком странно. Не знаю.

Я не могу сама себя описывать. К этому у меня просто нет таланта. И вообще: кого каждый знает меньше всего, так это самого себя. В любом случае я человек очень нервный и немножко сумасшедший. У актёров всегда так.

Сама себе я не очень-то нравлюсь. И уж точно в себя не

влюблена. Но я считаю себя очень счастливым человеком, и у меня всё в порядке.

То, что я — трудная, это точно. Но не стоит преувеличивать подобные утверждения. Если на меня нападают, я отбиваюсь. Совсем как кошки и собаки; они тоже так делают. И если мне хамят, я делаюсь неприятной. Но это же нормально! Или?.. Ничего важного я не отвергаю. Но ведь я же не для того родилась, чтобы проплакать всю жизнь напролёт. Я сохраняю для себя только лучшее. Недавно я разговаривала по телефону с Аленом.

Мы — добрые друзья.

Я хотела бы никогда не расставаться с актёрством. Если я рухну, то снова начну с начала.

Равноправие? Прекрасно — только если из-за этого не превратишься в парня. Нужно всё-таки оставаться женщиной.

Я бы охотно подчинялась, если я люблю. Исполняла бы требования мужчины, пока они не доходят до тирании. Каждая женщина, которая любит, понимает это. Я беру уроки танца у Джерома Роббинса, и ещё уроки пения в Париже, — и никто мне не верит, что это я делаю с удовольствием.

Я слишком часто говорю, что думаю. В жизни я плохая актриса, от этого отвыкаешь.

В жизни я — довольно плохая актриса.

Никто не забывает свой родной язык. И почему бы это я не хотела говорить по-немецки?

Я читаю рукописи одну за другой, и ничего не делала бы охотнее, чем сниматься в немецком фильме, если бы нашла подходящую роль. Это совершенно необъяснимо, почему немецкое кино попало в такое невыгодное положение. Чем был бы Голливуд для немецких и австрийских режиссёров? Они создали большой американский кинорынок. Любич, Уайлдер. Преминджер, Циннеман, Ланг, Костер. И режиссёры молодого поколения тоже хороши, но у них до сих пор не было случая проявить себя. Наши актёры тоже великолепны, им только не хватает материала. Авторов не хватает!

Если мы не экспортируем наши фильмы, то зато мы экспортируем целый ряд наших звёзд. Что в этом плохого? Это же признание немецких достижений! Успех немецких звёзд за границей — это предтеча экспорта немецкого кино. Почему на нас нападают? Откуда эта подтасовка: якобы мы ничего не желаем знать о своей Родине? Это совсем не так! Работа в кино нынче интернациональна. Кто не ориентируется на весь мир, не приноравливается к нему, тот отстаёт от жизни.

Есть только хорошие и плохие артисты. Национальность тут вообще ни при чём. К сожалению, есть звёзды, которые на самом

деле не артисты, и есть, — увы, увы, — хорошие артисты, которые не стали звёздами. Я хотела бы и дальше работать над собой и как можно больше играть в театре. Мне этого не хватает. Ведь учишься только на сцене. Я играла только в двух спектаклях, в Париже, по-французски. Этого недостаточно. Киноактриса должна постоянно возвращаться в театр. И дело тут не в том, какую роль играть, а в том, КАК ты её играешь и КТО ставит спектакль. Это гораздо важнее, чем всё остальное.

Если бы мне хватило силы воли отказаться от кино и стать серьёзной театральной актрисой!

Осень 1965 года

Я хотела бы снова работать в Германии. Непременно! Играть в театре в Берлине. Я полагаю, в Германии — лучшие режиссёры, актёры, писатели. Лучше всего для меня было бы сыграть в Берлине комедию, у Барлога или Кортнера. Они знают: я же никогда не отказывалась говорить по-немецки. Это грубая ложь.

И клетки для восьми собак у меня тоже нет. У меня вообще только две собаки.

Единственно правильное для актёра — сцена. Там ты остаешься один, и только там и видно, чего ты на самом деле стоишь. Это совсем не как в кино, где делают сколько угодно дублей, если у актёра что-то не получается. Играть в театре — моё самое большое желание.

Я бы и снималась охотно, у хороших режиссёров — Клузо, Уэллса, Висконти, Казана, Хьюстона, Тони Ричардсона, сэра Лоуренса Оливье, Билли Уайлдера; во Франции — у Клемана, Трюффо, Луи Малля.

В Германии я бы с удовольствием сделала ещё один фильм с Альфредом Вайдеманном, лучше всего — в Мюнхене. Сейчас это самый великолепный немецкий город.

Да, это очень странно, что я до сих пор ни разу не играла в театре на своём родном языке, но подождите, не так уж долго осталось, и это случится. Каждый раз, когда я встречаю Барлога в Берлине или Кортнера в Мюнхене, мы делимся друг с другом своим горем. С каким удовольствием я работала бы с ними, но каждый раз что-то происходит, что-то мешает...

У меня большие планы. Ведь кто-то же пишет для меня пьесу, как раз сейчас! Как я хотела бы наконец играть на сцене на своём родном языке! Но эту пьесу я играла бы не только по-немецки, а представила бы её потом в Париже, по-французски, а потом — по-английски, в театре на Бродвее.

Лондон

Мой дорогой господин Кортнер,

Если сейчас это так, как кажется, — то, несмотря ни на что, я не верю, что мы оба как «королевские дети» [17]. Вы меня действительно не забыли — я благодарю Вас. Поверьте, пожалуйста, что я очень счастлива и горда этим. С «Леонсом и Леной» не получается, потому что я сейчас снимаюсь и следом идёт ещё один фильм. Господин Бом, мой агент, полагаю, уже Вам ответил. Я получила Ваше письмо, пересланное господином Нагелем. Отвечаю Вам. Может быть, я бы этим Вас убедила, что не так уж я невежлива. Я приеду в Мюнхен 10 или 11 декабря — и позвоню Вам! А пока шлю Вам, Вашей супруге и всей семье горячий привет и наилучшие пожелания.

Сердечное спасибо.

Ваша старая Шнайдерша, которая очень хорошо знает и никогда не забывает, как она училась у Кортнера!

Весна 1966 года

В Берлине я буду впервые играть на немецкой сцене — в Театре Комедии на Курфюрстендамм. Причём уже в этом году, если получится. Сначала я сыграю в серьёзной пьесе, а потом в комедии, а ставить будет Харри Мейен.

Я уже готовлюсь к своему театральному дебюту на немецкой сцене, и именно в Берлине — из сентиментальных соображений. В Берлине, на темпельгофской киностудии УФА я стояла перед камерой впервые в жизни. Двенадцать лет назад! Дрожащая от страха четырнадцатилетняя девочка в фильме «Когда вновь расцветает белая сирень».

И всё получилось хорошо. Этот город принесёт мне счастье. Я это знаю.

И поэтому Берлин должен стать моей первой остановкой на немецкой театральной сцене.

После Алена, когда я была смертельно несчастна, я носилась в Париже от одного показа мод к другому, от примерки к примерке. Однажды я зашла к Шанель, купить костюм. А вышла от неё — с семью костюмами! Раньше ходила всё время в лохмотьях...

Июль 1966 года

Мейен меня так защищает, даёт мне новое чувство уверенности. Мне нужен мужчина, который знает точно, что для меня хорошо, и не какой-нибудь юнец.

С Харри я наконец-то в безопасности. Я стала спокойнее. Перестала быть столь болезненно честолюбивой, как раньше. Я уже девять месяцев не снимаюсь, но нет чувства пустоты, как это

бывало раньше в перерывах между фильмами. Я даже могу себе представить, что вообще покончу с кино.

Осень 1966 года

Брак и материнство могут человека только улучшить. Только это делает женщину женщиной.

Для некоторых мы стали обычной мещанской супружеской парой, считаем, что лучше всего быть дома, много смотрим телевизор.

Но если Харри переключает каналы телевизора в нашей берлинской квартире и вдруг нападает на футбольный матч, я предпочитаю уйти. Он вообще-то спокойный человек, но во время этих трансляций мой Харри, слышу, вопит «давай!» и «бей!»

Совместных профессиональных перспектив мы пока не видим.

3 декабря 1966 года

Харри привёз меня в больницу, и когда профессор сказал, что это будет нескоро, вернулся домой и принял снотворное, чтобы унять волнение и уснуть.

Ещё в больничном лифте нам пришло в голову, что мы так и не придумали имя для ребёнка. Тогда мы выбрали три — хоть одно, решил Харри, наверняка подойдет. Через шесть часов Давид уже был тут как тут, и Харри проспал это событие дома на диване. Медсестра звонила ему непрерывно.

Я хотела родить здорового ребёнка и потом тоже самой об этом заботиться. Ведь первые месяцы в жизни младенца такие значительные.

Дитя воплощает для меня жизнь, полную мира, семьи, защищённости.

Беременность — это было прекрасно. И потом я ещё два года не работала, мы жили в нашей четырёхкомнатной квартире в Груневальде, и мне было там хорошо.

Наконец-то у меня есть мужчина, который будет меня любить до конца моих дней.

Мой сын родился в Берлине. Там я провела самые прекрасные, самые счастливые годы моей жизни.

Мой отец Вольф Альбах-Ретти 18.05.1906-21.02.1967

В феврале 1967 года в возрасте 60 лет умирает отец Роми Шнайдер. Он похоронен на евангелическом кладбище в Матцляйндорфе, на Триестерштрассе. Когда в 1980-м умирает 105-летняя Роза Альбах-Ретти, бабушка Роми, её хоронят на Центральном кладбище Вены. В 1984-м гроб с телом Вольфа Альбах-Ретти переносят туда же, под общее с матерью надгробие.

Роми ездила в феврале в Вену и застала отца на смертном одре.

Её письмо 1964 года, после его первого инфаркта и после её разрыва с Делоном, другое письмо, написанное сразу после рождения Давида в 1967-м, равно как и её последующие воспоминания об отце, показывают её отношение к нему, полное любви и сохранённое на долгие годы.

Письмо Роми к отцу после его первого инфаркта, в 1964 году

Ты должен знать: я о тебе думаю! Я рядом с тобой — точно! Если тебе что-нибудь нужно, если я могу тебе чем-то помочь — я здесь! Для тебя, ты же это знаешь! В последнее время я никак не проявлялась, потому что вовсе не взлетала до небес от восторга и никого не хотела утруждать своими глупостями и горестями — и тебя тоже! Каждый должен пройти сквозь своё дерьмо сам, один...

Письмо Роми к отцу в январе 1967 года, через месяц после рождения её сына Давида

Мой любимейший папочка... Я надеюсь, мы скоро тебя увидим, прежде всего ты же должен познакомиться со своим внуком, потому что тут уже есть на что посмотреть: он — возмутительный пачкун штанов и такой забавный! Такой забавный: он постоянно гримасничает, он упрямец и красавчик! Ну, хорошо я всё проделала с моим сынком?

* * *

Мой родной отец не был по-настоящему отцом. Увы. Но сегодня я думаю: он слишком рано умер. Может быть, он стал бы мне отцом позже — когда я в нём нуждалась, когда вечно возле

меня был тот, другой. Мой отец говорил мне ещё тогда: да плюнь, не волнуйся, я тоже считаю его, того другого, противным, брось волноваться.

Юной девочкой я больше всего любила сидеть в комнате моего отца, которого уже не было в доме, — он оставил мою мать. Там я была совсем одна. Но я знала: я сижу в комнате того, кто меня очень любил. Кто не был, конечно, настоящим отцом, для кого купить мне и брату по паре обуви было уже непосильным делом, — он говорил, что с него довольно. И всё-таки в этой комнате я никогда не чувствовала себя одинокой.

Он прислал мне для карнавала костюм чёрта, когда я была в монастырской школе. Я себе казалась в нём невероятно красивой и очень «секси». Всех прочих этот костюм шокировал. Письмо, которое он приложил, — да нет, какое там письмо, просто листок, — до сих пор со мной. Все письма моего отца — со мной, и письма матери тоже.

Отец был человек очень легкомысленный, детей он вообще не хотел, хотел только женщин. Но он был вовсе не таким, как Ален. Моя мать ждала его восемь лет, хранила его киношные наряды в шкафах на чердаке. Проплакала все глаза. Ребёнком я её спрашивала, почему она плачет. Она ничего не говорила. Я точно знаю: она была одна, никого у неё не было.

Я его только тогда верно почувствовала, когда мы вместе снимались у Преминджера в фильме «Кардинал». Он сделал это прежде всего из-за меня, ведь гонорар был невелик. Мы только один раз снимались вместе, и контакт был просто превосходный. Мне было 25 или 26. Он играл, как всегда, барона в смокинге и был очень красив. Думаю, моя мать никого так не любила. Напрасно она ждала его с чемоданами на чердаке, он так и не вернулся. Он умер от второго инфаркта, потому что, на мой взгляд, всю жизнь страдал странной, болезненной, непрерывной боязнью сцены. Я это унаследовала от него. Свой первый инфаркт он перенёс прямо на спектакле в венском театре «Академия», и мы с братом Вольфи сидели в первом ряду. Но он продолжал играть и только после представления уехал в больницу, милый простофиля. Первым, кому он потом позвонил по телефону, был его пёс. Последний раз я видела его в больнице, в Вене. Мне пришлось долго ждать снаружи, он не впустил меня в палату, пока не причесался. И потом приложил чудовищные усилия, чтобы встретить меня сидя [18].

1968-1969
Всё заново, и всё прекрасно

«Отли» — «Бассейн» — «Инцест» — «Мелочи жизни»

Два года Роми играет роль жены и матери. Причём с удовольствием. Но покою приходит конец. Она не может жить без работы. Харри и Давид — этого уже недостаточно. Ей трудно примириться с тем, что она уже почти канула в забвение. Она всё ещё надеется на большую театральную роль В гениальную пьесу, которую поставит Харри, она уже не верит. Здесь, в Берлине, она — «бывшая актриса», просто замужняя женщина, и прошлое кажется ей блестящим и значительным. Изнанка славы в её воспоминаниях стирается. Её мечта о простом человеческом счастье, тоска по защищённости и порядку исчерпана — за те два года, когда Роми не хотела ничего, кроме как быть женой Харри Мейена. В 1968 году умирает её отчим Ханс-Херберт Блатцхайм, и она оказывается лицом к лицу с серьёзным материальным ущербом. Весной 1968-го Роми начинает сниматься в фильме «Отли» в Лондоне, Давид и Харри — при ней. Ален Делон по телефону приглашает её сняться в роли Марианны в фильме «Бассейн». Роми возвращается во Францию. Когда Ален встречает её в августе 1968 года в аэропорту Ниццы, она — снова актриса, полная фантазии и вдохновения. Съёмки начинаются 19 августа в Раматюэле близ Сен-Тропеза, в гармоничной обстановке. Для прессы совместная работа Роми и Делона становится поводом к сплетням. За следующие восемнадцать месяцев Роми снимается в шести фильмах. В начале 1969-го в Лондоне — «Инцест»; летом — «Мелочи жизни» в Париже и окрестностях, это её первый фильм с режиссёром Клодом Соте.

Короткие заметки, зарисовки, беглые записи на отдельных листках, письма сохранили её впечатления от съёмок, моменты размышлений, гордость по поводу новых ролей. Но в то же время — и постоянные попытки привести в счастливое согласие свою профессию и свою семью.

Лондон, 31 марта 1968 года

С момента моей свадьбы с режиссёром и актёром Харри Мейеном и рождения моего желанного сына я впервые стою перед камерой. Я играю главную женскую роль в английском фильме

«Отли», увлекательной комедии.

В своего сына я влюблена до безумия. Я нуждаюсь в малыше точно так же, как и он во мне. Скоро в Лондон приедет мой муж, и тогда мы наконец-то будем втроём. Я хочу впредь сниматься только в трёх фильмах в год. Если так и получится, то мой муж мог бы сопровождать нас. Мы же не для того поженились, чтобы постоянно жить врозь, как другие актёрские пары, которые встречаются едва ли пять раз в году. Для нас это неприемлемо.

В фильме я должна мчаться по узким улицам на сверхскоростном спортивном автомобиле. Я, правда, много лет назад в Германии получила водительские права, но тогда экзаменатор наверняка посмотрел сквозь пальцы на моё «мастерство». И после экзамена я ни разу не садилась за руль. А вот теперь должна, да ещё на такой дикой машине.

Вот уже примерно два года, как я не произнесла ни слова по-английски. Поэтому каждый день задаю тысячу вопросов: что означает это слово, а что — это. Но все со мной очень приветливы.

Парикмахеру Колину и гримёрше Грейс я постоянно говорю: не переделывайте меня с такой лёгкостью. Мне хотелось бы хоть немножко нравиться самой себе. Парик и ресницы выбрасываем прочь! Я ещё никогда не носила накладные ресницы и не собираюсь начинать только потому, что это модно. А шиньоны меня раздражают.

Когда я ещё жила в Париже, то тратила свои деньги как попало. Не задумываясь, покупала одежду у Шанель, Баленсиага и Живанши. Теперь у меня — только берлинская домашняя портниха, которая подшивает мне юбки. Каждый думает, что я миллионерша, но никто не знает, что я в последнее время потеряла очень много денег. Только и смотрят в чужой карман, чтобы ославить человека как жадного.

Надеюсь за несколько следующих дней перестать так стесняться перед камерой. Я ужасно зажата. Если в этом фильме я буду иметь успех, то сыграю потом в Берлине в театре.

Если я ничего не намажу себе на лицо, то и выгляжу как пустое место.

От Алена ничего не осталось, кроме нескольких телефонных разговоров. Он был тогда очень мил со мной, но ведь в жизни кое-что зависит и от того, что из этого выходит потом. Одна моя приятельница недавно показала Алену фотографии Давида, тот бегло проглядел их и заявил, что его сын красивее.

Мой муж, мой сын и понимание, что лучше прекратить, прежде чем станешь скучной, — вот причина моего долгого перерыва в кино. Я получила уже два новых предложения. Это

означало бы три новых фильма за год. Не знаю, осилю ли. Знаете ли, в моей сегодняшней жизни мне нужна, собственно, только моя фрау Янсен, домработница, и Рената — она присматривает за ребёнком. Я больше не могла бы крутиться как белка в колесе.

Я всегда хотела стать мировой звездой, но ею не стала.

1 сентября 1968 года

У меня такая прекрасная жизнь, и я только хочу, чтобы меня оставили в покое. Если здесь начнут возводить на меня напраслину, я немедленно уеду домой.

Сентябрь 1968 года

Съёмки «Бассейна» идут совершенно без проблем. С Аленом я себя ощущаю так, как если бы это был любой другой партнёр. Это очень профессионально. Мне важно, во-первых, что роль чудесная, и во-вторых, что предстоят восемь недель жёсткой работы.

Харри всегда говорит: я не приду, если ты снимаешься, это же смертельно скучно — сидеть и смотреть, как твоя жена работает. Я это понимаю. Но он тут же явился, как только мы начали снимать с Аленом «Бассейн». С одной стороны, я жаловалась, что он слишком мало бывает со мной, а с другой стороны — я вообще не выношу, когда он тут сидит и глазеет на меня и не пропускает ни малейшего флирта. Настроение пофлиртовать у меня бывает постоянно. Это я унаследовала от своего отца. С Харри я два долгих года вообще не работала и сидела в нашей четырёхкомнатной квартире в Берлине.

30 сентября 1968 года

Наконец-то я чувствую себя уверенно, знаю, чего я хочу, и больше этого не потеряю. Ещё никогда я не была в своей работе так свободна и уверенна, как теперь.

В последние два года я и внешне стала гораздо больше самой собой, чем раньше. От одежды я теперь вообще не завишу. Мне и в голову не приходит, как было прежде, метаться от одного кутюрье к другому. Кроме того, я считаю, что время, когда следовало одеваться по модному образцу, прошло. Сегодня можно носить что угодно, лишь бы тебе это подходило. Мне больше не нравятся костюмы и вообще всё, что так канительно надевать. Теперь меня видят только в платьях и в брючных ансамблях. Важнее всего: вещь должна сидеть и быть практичной. Если много пуговиц, это приводит меня в бешенство.

Я не испытываю недостатка ни в чём. Вообще ни в чём. У меня же есть всё: муж, ребёнок, профессия.

Национальность для меня не играет никакой роли, мне нужно только моё место, с немногими людьми, кто мне нравится. Когда я после рождения Давида два года вообще ни о чём не пеклась и американцы думали: я превратилась в немецкую домохозяйку, — я была на самом деле удивлена, получив работу в кино. Сегодня нужно жить в Париже или в Лондоне, чтобы тебя не забыли. Но этого у меня и в мыслях не было. Никогда нельзя жить только ради карьеры. Очень важно это понимать: это успокаивает. Не понимать этого опасно. Но я это сообразила уже в девятнадцать лет, когда после взлёта «Зисси» меня кидало туда-сюда, как горячую картофелину.

Все эти разговоры о равноправии я просто не воспринимаю. И наоборот, считаю определённые каждодневные мелочи очень важными. Например, Харри охотно гуляет, а я этого вообще не люблю. Но собираюсь с силами и еду вслед за ним на велосипеде. Когда я не работаю, то пытаюсь, уже совершенно машинально, устраивать свой день так, как живёт мой муж.

В моём деле я нахожу просто восхитительным, что можно изобрести и воплотить некую личность, которой вообще не существует.

Для Давида я хочу только чтобы он был счастлив. Я способна помимо воспитания дать ему свободу — он в ней очень нуждается. Начинать надо пока он ещё совсем мал. У него не должно быть чувства, что он мне чем-то обязан. Он должен потом думать обо мне как о друге, с кем можно поговорить, и безразлично, какую девушку он приведёт в дом — белую или чёрную. И он никогда не должен попасть на войну. Я хотела бы, чтобы он получил основательные знания.

Я вовсе не придерживаюсь мнения, что ребёнок может воспитываться без отца. Тут действительно нужны оба. Но в то же время я нахожу глупым, что в Германии до сих пор смотрят косо на внебрачных детей. Вместо этого позаботились бы лучше, чтобы таблетки были у нас чем-то само собой разумеющимся. А папа римский их запрещает. Разумеется, я была бы против, чтобы их принимала моя тринадцатилетняя дочь, но для женщин и взрослых девушек, кто осознанно решился бы на это, я считаю это очень важным.

Вот ведь работа: «марш в бассейн, марш из бассейна!»

Ален такой милый: порой после любовных сцен он шутит, и мы смеёмся как безумные...

Харри может отвечать мгновенно, а я не способна так быстро формулировать. И просто говорю что думаю.

11 ноября 1968 года

Если бы все актёры, которые когда-то жили вместе, не снимались бы потом вместе никогда, то и фильмов больше не было бы. Я вообще ничего такого не чувствую — будто обнимаю стену. Абсолютно!

Играть сцену так, будто меня вообще нет, только роль — полное слияние.

Кампен, ненавижу это место! Всё так утомительно! Километровый марш через дюны! Тащишь с собой вещи для купания! Ветер ужасный! Плавать нельзя: это опасно для жизни! Вода ледяная! И из каждой волны торчит голая задница, а из-за каждой дюны мне навстречу выпрыгивает голый человек, которого я ни в коем случае не хотела бы видеть голым. Кошмар!

16 декабря 1968 года

Если я откуда-то приезжаю и снова вижу мост Халлензее, то делаюсь просто сентиментальной. Я очень привержена Берлину, но вряд ли могла бы объяснить, почему мне здесь так уютно.

31 января 1969 года

Премьера «Бассейна»!

Харри был со мной, thank god [19]! Петер и Кэролайн тоже, и “le tout Paris” [20], и 80 фотографов, которые «расщёлкали» меня с Аленом, — ну да я 4-го back in Berlino [21] — всё очень коротко — но я правда очень устала.

Фильм — большой успех — большой интерес — сцена убийства прошла без реакции, Ален дрожал, я не преувеличиваю. Он выглядит жалким и полностью down [22]. Понятно! Я полагаю, могу сказать без ложной скромности (или я должна быть более скептической и сдержанной?), что я имела больший успех, чем он, — во всех рецензиях это отмечено. Купи, пожалуйста, если хочешь, все french [23] газеты, какие достанешь, и узнаешь; впрочем, мне anyway [24] посылают все рецензии. В следующем «Жур де Франс» я — на обложке.

Обо мне говорят: grande actrice, intelligente, souveraine, splendide et belle comme jamais avant [25] — о люди! Не очень-то я в это верю! Я же, «к сожалению», слишком нормальная! Но я так устала…

1 февраля 1969 года Отель «Бадрут’с Палас», Санкт-Мориц

Рецензии баснословные — так здорово для меня — люди выстаивают очередь — фото в «Франс-суар», «Пари-жур», «Пари-пресс», «Ль’ Орор». В следующие дни мне передадут выручку от показа. В любом случае всё идёт наилучшим образом.

Все говорят, фильм на десять-пятнадцать минут длиннее, чем

нужно. Но Жак Дере и слышать ничего не хочет, вот задница, — к тому же он имеет хорошую прессу, так что не станет ни для Германии, ни для США ничего вырезать, а нужно бы!

P. S. Все мы перетрусили — ведь никто не может быть уверен, что вдруг откуда-то из-за угла, из этой толпы зевак, какой-нибудь чокнутый югослав не выстрелит в Алена и уж точно попадёт в меня, как обычно и бывает, — а я, к сожалению, как раз не в своем «пуленепробиваемом» платье от Пако Рабанна!

Париж, февраль 1969 года

Чего я никогда не имела, так это дома, который был бы убежищем. Это мечта, и она скоро исполнится.

Париж, 2 марта 1969 года

Мне же ещё не 60 лет, чтобы пережить comeback [26]. В большом городе я чувствую себя не очень хорошо, и лучше всего было бы поселиться в деревне. Вы знаете Гштад? Я хотела бы там купить себе дом. Если бы только мой муж меня слушал! Я уже давно пытаюсь вдохновить его на сельскую жизнь. Но он неисправимый горожанин. Он на 14 лет старше меня, и я ему полностью подчиняюсь. Я не сторонница равноправия. Я нуждаюсь в покое и защищённости моего собственного жилища, где я была бы отрезана от всего внешнего мира.

Я не знаю, кто я. Может, немножко обыватель, но не мещанка, не мелочная и не узколобая.

Делать сенсации из своей частной жизни я не люблю — действительно не люблю. И не любила, когда была совсем юной и когда это означало большую рекламу. От рекламной трескотни я просто заболевала.

Кому-то лестно быть у всех на устах? Льстить — это для меня звучит фальшиво. Это плоско и тщеславно. Как можно льстить кому-то, если он не подвержен лести? Полтора года перерыва были намеренными. Я ими наслаждалась. Мне нужны такие перерывы регулярно, чтобы потом заново себя поднакачать.

Я занимаюсь продуктивным ничегонеделанием. Забочусь о своём жилище и своём сыне. Обставляю дом. Хожу с мужем в театр. Нас навещают друзья — нам это нужно: общение, разговоры, — но мы живём очень замкнуто, не волнуясь ни о чём.

Красивый, ухоженный, устроенный дом приносит удовлетворение любой женщине. Было бы ошибкой это недооценивать. Я сама не готовлю. Нет, так далеко дело не заходит. Но я руковожу этим, и я живу по плану. Я — рациональный тип, всё должно иметь смысл. Я не могу жить вслепую, не могу вслепую тратить деньги, — возможно, это и есть

моё бюргерство. Многие большие актёры и творческие люди в частной жизни были законченными бюргерами — поскольку чтобы изменить себя, нужно время.

Могла бы я отказаться от профессии? И да и нет.

Даже совсем юной девушкой я никогда не мечтала только о кино. Театр у меня в крови. Моя бабушка, моя мать, мой отец — с малых лет для меня само собой разумелось, что я стану актрисой. Но я вполне могла бы отступить, если вы так считаете, и остаться дома. Этого я не боюсь, потому что это никогда не было мне скучно.

Фильм с Аленом Делоном я сделала, потому что сценарий был блестящий. Я прочла его и согласилась. Но никогда не взяла бы сценарий, который отклонил бы мой муж. Однако он тоже был в восхищении. Роль Делона была написана ему точно по мерке.

В таких вещах всегда исходят из самого себя. Для меня это не было сенсацией. И я ничего не ждала извне. Просто я не люблю, когда вмешиваются в мою частную жизнь. Что прошло, то миновало.

17 марта 1969 года

Есть много фильмов, которые имеют успех во Франции, а в Германии вообще не воспринимаются. Были фильмы Висконти и Орсона Уэллса, которые сделали большие деньги в Англии, Франции, Италии, но только не в Германии. Почему? Мне это понятно. Французская, английская и итальянская пресса отличается от немецкой, причём весьма существенно. Там люди гораздо интеллигентнее, чем немецкие журналисты, поэтому там мои достижения оценены по достоинству.

Когда я впервые играла спектакль в Париже, то в Германии меня разгромили ещё до премьеры. Все газеты писали о «дипломатическом аппендиците», потому что пресса полагала: я не выдержу испытания сценой. И это только один пример. Вечно от меня ожидали милую Зисси, и вот теперь эту Зисси можно видеть в «ужасно рискованных» любовных сценах.

Я уже давно ушла от того, чего ожидает от меня немецкая публика: быть чистой, восторженной, наивной немецкой барышней. Немцы не желают видеть меня ни femme fatale [27], ни такой «секси», какой я была в одном эпизоде фильма «Боккаччо». Поколения «Зисси», которое некогда заполняло кинозалы, больше нет — оно сидит перед телевизором. Люди, которым тот образ до сих пор нравится, отнюдь не принадлежат к умному, интеллигентному слою молодых. Я уверена, что люди АРО [28] — те, кто меня ни за что не воспринял бы как Зисси, — восхищались мною в «Бассейне», потому что это очень эротическая роль.

Французская пресса даже писала, что я превзошла всех других действующих лиц фильма.

Меня интересует не просто кино, но искусство кино. А вкус за границей куда лучше, чем у нас.

С фильмов Годара я по большей части просто ухожу. Я их не понимаю. Вы запросто можете сказать, что я глупая. Но на самом деле я мыслю не как политик и не как интеллектуал. То, что пишут обо мне в Германии, меня вообще не интересует. И с дилетантами, как Шамони и Клюге, я не буду работать никогда.

Ни разу я не получила от них сценарий, который вызвал бы у меня интерес. Александру Клюге я написала бы в документах не «режиссёр», а «монтажёр». И эти Шамони для меня тоже дилетанты. Если «молодое кино», то для меня идёт в счёт только французское. Я охотно взяла бы главную роль в первом игровом фильме Франсуа Рейхенбаха.

Если, к примеру, в «Штерне» напишут про меня что-то хорошее, то сразу появляется Артур Браунер и предлагает роль в «Борьбе за Рим», и я уверенно говорю — нет. Для меня это то же самое, что и все телефонные звонки, которые по пять часов в день изводят меня вопросами типа: что я думаю о гороскопах, или пользуюсь ли я грелкой, или счастливы ли в браке мы с Харри.

Если кто-нибудь приходит и спрашивает, жарю ли я картошку, я не отвечаю ничего.

Считаю ли я себя мировой звездой? Нет, если рассматривать это понятие на уровне Эльке Зоммер и Вилли Миловича. Лорен и Хепберн — вот звёзды, потому что это понятие немыслимо без успеха в Америке.

Делон? Нет ничего холоднее, чем мёртвая любовь.

21 июня 1969 года

Я хотела бы в Берлине сделать что-то вместе с моим мужем.

Тот, у кого нет ни таланта, ни индивидуальности, ни известной доли интеллекта, не может в кино стать надолго чем-то заметным. Тех, кто стал и звездой и актёром, совсем мало. Есть и такие, кто широко известен в силу своей яркой индивидуальности. Есть даже глупые актёры, и они тоже могут обладать индивидуальностью. Ну, об этом можно долго спорить.

В своём следующем фильме, “Les choses de la vie” [29], я снимаюсь во Франции. Мой партнёр — Мишель Пикколи. Режиссёр — Клод Соте. Это драматическая вещь.

Июль 1969 года

Я чувствую себя хорошо, как во время работы, так и дома. Мне хорошо в своей собственной шкуре! Я открыла честолюбие,

настоящее. В этом году хочу сделать три фильма, в следующем — два.

Я чувствую себя так хорошо и счастливо, как никогда прежде.

Лондон, 1 октября 1969 года

Я работаю слишком много, три фильма один за другим, без передышки. Но выбирать не приходится.

«Инцест» снимается на Гросвенор-сквер. Сунули мне в руки несколько изменений в диалогах, чтобы я выучила их во время обеденного перерыва. Это не детектив, нет, назовём это психологической драмой с тремя героями. Это и не секс-фильм, мода на них уходит.

Моя роль — не роль матери, у этой женщины вообще нет материнского чувства к сыну, иначе я не приняла бы её, потому что для роли матери я ещё слишком молода. Роль, однако, восхитительная, может быть, лучшая, что мне когда-либо предлагалась. Речь идёт о молодой женщине с болезненными склонностями — можно спокойно назвать это ролью любовницы.

Я думаю только наперёд, живу сейчас, сегодня и завтра, но никогда не позавчера. Завтрашний день интереснее вчерашнего. Я на правильном пути — играю то, что всегда хотела. Идеальную роль не получишь никогда, если будешь ей навязываться. Она должна прийти сама, и она приходит всегда именно тогда, когда её не ждёшь. И к тому же она не похожа на ту, что себе представляешь заранее.

Нужно всему позволить приблизиться к себе. И не опасаться, что отныне тебя станут воспринимать в ролях матерей.

Только если вы посмотрите фильм, тогда и поймёте, почему.

Ах, что это я, это же ещё только будет, а я принимаю это уже слишком близко к сердцу. Три фильма в год — это возможно, но с перерывами. Мне надо сейчас, как говорится, навёрстывать, — я же из-за ребёнка просидела дома полтора года, и если потом получила шанс вернуться в профессию, то жаловаться мне не подобает.

Осень 1969 года

Клод Соте дружит с актёрами. Вообще со всеми сотрудниками — и электриками, и монтировщиками. Он открыт идеям и инициативе. Это на самом деле сотворчество. Такая радость!

«Мелочи жизни» — один из моих любимых фильмов, он меня трогает бесконечно, его действие не ослабевает, и он не может устареть. Я пою здесь вместе с Мишелем Пикколи песню Жана-Лу Дабади.

Клод Соте и я, мы доверяем друг другу абсолютно, и после «Мелочей жизни» мы всё больше нравимся друг другу. Я снималась у многих известных режиссёров, но глубже всего восприняла я именно его и фильм «Мелочи жизни», то и другое вместе. Я хотела бы, чтобы наша дружба сохранилась, чтобы она не менялась и чтобы я сама не менялась. Он научил меня мелочам жизни — и ещё объяснил мне многое во мне самой.

1970-1974
Кино — вот моя настоящая жизнь

«Кто?» — «Цветущее поле» - «Калиффа» — «Макс и жестянщики» — «Убийство Троцкого» — «Людвиг» — «Сезар и Розали» — «Поезд» — «Любовь под дождём» — «Взбесившийся барашек» — «Адское трио» — «Главное — любить» — «Невинные с грязными руками»

Профессия и семья придают смысл жизни Роми. В 1970 году она снимается в четырёх фильмах: «Кто?» в Париже и Бретани, «Цветущее поле» в Израиле, «Калиффа» в Риме и Турине и «Макс и жестянщики» в Париже. В лице Клода Соте она находит «своего» режиссёра — и сама воодушевляет его. В 1971-м следует «Убийство Троцкого» в Мехико, в 1972-м — «Людвиг» в Баварии и Австрии, «Сезар и Розали» во Франции (Париж, Бретань, Вандея, Сет [30]). Давно уже она не выдерживает в берлинской квартире в Груневальде тех коротких недель перерыва, что выпадают ей между съёмками в разных странах. Она ищет деятельную жизнь, а вовсе не интеллектуальную среду с заумными проектами. Она хочет осуществлять свои собственные планы, по собственной воле и энергично. В чьём-то плече для поддержки она больше не нуждается. Окончательное решение вернуться во Францию она приняла ещё во время съёмок фильма «Мелочи жизни», когда почувствовала полное единодушие с режиссёром Клодом Соте. У Роми всё ещё есть квартира для всей семьи в Гамбурге.

В 1973 и 1974 годах следуют пять фильмов за десять месяцев: «Поезд», «Любовь под дождём», «Взбесившийся барашек», «Адское трио», «Главное — любить». В 1973-м Роми и Харри Мейен решают расстаться. Харри хочет жить в Гамбурге, а Роми с Давидом — в Париже. 6 июня они заключают договор о разделе имущества. Харри настаивает на половине состояния и получает 1,4 миллиона марок. Роми обставляет квартиру, потом — дом в Париже. Её личная жизнь разрушена, но профессионально она на вершине своего успеха. В эти годы она работает с видными режиссёрами: Клодом Соте, Висконти, Жулавским. Её партнёры по фильмам — Мишель Пикколи, Ален Делон, Ричард Бартон, Ив Монтан, Жан-Луи Трентиньян, Род Стайгер. В конце 1974-го она снимается в

«Невинных с грязными руками». Как обычно, к концу работы фильм ей очень по сердцу. Так с каждым фильмом, который для неё что-то значит, ей кажется: вот дело всей её жизни. Потому что работа во время съёмок означает для неё — жизнь. Остальное для неё просто исчезает. По прошествии семи лет брак уже не может быть привлекателен только за счёт терпимости и понимания.

В эти годы Роми слишком напряжённо работает, чтобы делать записи и вообще размышлять о самой себе. Записки режиссёрам, рабочие заметки, короткие интервью — единственные тексты этого времени. Беглые, торопливые, эти тексты в то же время запечатлели её полную погружённость в работу.

Январь 1970 года

Я с утра до вечера живу спокойной жизнью с моим мужем и моим сыном. Живу как все люди. Встречаюсь с друзьями, смотрю кино, много фильмов, хожу в театр. Всё это заполняет дни, недели, очень просто. Я стараюсь делать меньше ненужных вещей, ведь можно всё время разбазарить на бесполезные мелочи. Когда ты замужем, имеешь мужа и ребёнка, всё приобретает другое измерение.

Январь 1970 года

«Кто?»

Лёгкость не доставляет и не доставляла мне удовольствия. Я всегда сопротивлялась обстоятельствам. Так я поступила, когда покинула свою страну, и так же поступила, когда вышла на сцену.

17 мая 1970 года

Я полагаю, что, работая с крупными мыслящими режиссёрами, я обучаюсь у них очень многому — причём не только в области театра и кино.

Что, собственно, люди хотят от меня. Я актриса. Ничего более.

Во Франции требования выше. Хороший фильм здесь знают и ценят.

И то, что я делаю, в Германии мне ещё припомнят. По-моему, это отвратительно.

Лето 1970 года

Чуть только начались съёмки «Калиффы» — и сразу я в любовной сцене нагишом. Спрашиваю себя: может, это такой трюк итальянских режиссёров, чтобы с самого начала привести своих актрис в замешательство?

Мне интересно играть человека, совсем другого, чем я.

Бевилаква, автор сценария, не имел ни малейшего представления о кино. Мы ни в чём не уверены, даже Уго Тоньяцци. Как профессиональная актриса, я не ручаюсь...

2 августа 1970 года

Играть в театре — вот что мне больше всего хотелось бы делать в Германии, но мы не находим пьесы.

Сентябрь 1970 года

Время моего расцвета уже позади, это я говорю без иронии, поскольку действительно полагаю, что киноактриса достигает своего пика в 25 лет. Через пару лет мне будет «под 35», и я уже знаю, что произойдёт. Вот тогда я пойду на сцену. Вероятно, тогда я и стану настоящей актрисой.

Осень 1970 года

Я не хотела думать об этой сцене в «Максе и жестянщиках». Мы с Клодом об этом никогда не говорили. Накануне съёмки, ночью, я переписала внутренний монолог Лили, когда Макс её разоблачает, а утром показала мой текст Клоду. Он вытащил из кармана листок бумаги и сказал:

— Странно, у меня была та же идея.

5 мая 1971 года

Я озвучиваю все мои фильмы сама. «Макс и жестянщики» — тоже; фильм выходит здесь в прокат через несколько недель — под названием «Девушка и комиссар». На английский я тоже дублирую свою роль сама.

С театром я всё никак не решусь. Роли мне уже предлагали Грюндгенс, Кортнер: Лулу, фрёкен Жюли, Виолу; Нольте хотел делать со мной Святую Иоанну, но я боюсь... С кино может быть покончено — хоть сегодня, хоть завтра. Я хочу сниматься, пока могу. Театр, может быть, позже.

В немецком кино я работала бы с Шлёндорфом, возможно. Других молодых я считаю монтажёрами — слишком много статики, глубокомыслия, философии, причём непрофессионально сделанных.

21 мая 1971 года

Нет, я ничего не имею против немцев. Если мне предложат хороший сценарий, я буду сниматься в Германии. С моей стороны вообще нет никакого отторжения. Если я что-то буду делать, то сделаю это с моим мужем. Планы есть, но ничего конкретного.

Соте, правда, холерический тип, но он не затягивает актёров

в смирительную рубашку.

Лучше всего я чувствую себя, когда снимаюсь. Моё нездоровье становится заметнее, как только заканчиваются съёмки. В перерывах. Моё низкое давление сразу даёт себя знать.

Нольте хотел ставить со мной в Гамбурге «Святую Иоанну». И в Лондоне я должна была играть в новой постановке «Анны Карениной». Но в Лондоне или в Париже я была бы обязана тогда быть целый год, и тогда пострадала бы моя семейная жизнь.

Но вероятнее всего сначала — съёмки в фильме «Убийство Троцкого» у режиссера Джозефа Лоузи. Во Франции я могу играть роли, каких мне в других странах не предлагают. Например, в нужный момент перепал мне «Бассейн». Так нужна удача!

28 мая 1971 года

Знаете ли, я стала настолько неуверенной, что за каждым интервью с немецкими журналистами вижу подвох, ловушку.

Видели ли вы уже «Смерть в Венеции» Висконти? Это восхитительный фильм, ни в коем случае не пропустите. С каким почтением Висконти относится к Томасу Манну — это грандиозно!

После просмотра в Риме я сразу же перечитала рассказ. В фильме он постигнут во всей его поэтической и человеческой силе и красоте.

5 июня 1971 года

Я обзавелась новой причёской, потому что три года уже ходила с одной и той же. Мне это уже надоело. Конечно, я была ужасно расстроена, когда остригла волосы, даже плакала. Но моему мужу нравится — и теперь я тоже нахожу, что получилось красиво.

У меня — своего рода боязнь открытого пространства. Да, это так, поэтому я, собственно, ошиблась в выборе профессии. Во всяком случае, если это прибавить ко всему прочему. Но я люблю свою профессию, она — моя большая страсть. Хотя многих людей я просто не могу выносить, тех, кто похлопывает меня по плечу или пристаёт с расспросами.

Такой персонаж, как в «Девушке и комиссаре», от меня самой чрезвычайно далёк. Этим моя героиня меня и привлекла: попробовать «пожить» в совсем другой среде.

Критики уже поняли перемены во мне, а вот насчёт публики я сомневаюсь.

Конечно, я немка, у меня немецкий паспорт. Хотя национальность вообще не имеет значения. Можно было бы и все границы отменить. Я буду играть только с моим мужем. Первую

пьесу здесь, конечно же, я хотела бы сделать именно с ним. Только первую, а дальше — дальше будет видно...

Если я хочу что-то запретить Давиду, он меня передразнивает, и мне остаётся только смеяться над ним.

Прежде чем Харри протестует, я быстренько говорю:

— Я так рада, что иногда меня тут нет!

6 июня 1971 года

Вот было бы прекрасно, если бы не нужно было быть такой недоверчивой, но выходит всё наоборот. То, что я говорю, вечно цитируется неправильно. Может быть, мне следовало бы вообще закрыть рот, так было бы лучше всего. Иногда журналисты производят на меня такое впечатление, что они запрятали где-то двадцать револьверов и только того и ждут, как бы меня расчихвостить в своих газетах. Но я не могу играть в частной жизни, мне этого довольно и перед камерой, а в жизни я себя не контролирую.

Я считаю абсолютно правильным, что, например, студенты отрицают всю эту звёздную шумиху. Это уже, слава Богу, в прошлом. Я не имею с этим ничего общего. Я работаю и делаю что могу, и это всё.

До сих пор я получаю массу писем как Зисси. При всём желании я не могу этого себе объяснить — может, дело в том, что всё еще существует Рождество... К тому же люди могут смотреть эти старые фильмы, уютно сидя в шлёпанцах или вообще лёжа в постели. Родной дом убаюкивает. На днях мы ехали в такси со стариком шофёром, и он сказал:

— Я недавно смотрел «Зисси» — вот это были фильмы! А всё это нынешнее дерьмо — это же просто ничто...

Я, конечно, той ночью не повесилась, но была огорчена. Понимаю: тут ещё дело в том, что люди обижены на мою измену Германии. Вероятно, я должна была бы и дальше играть старую, дряхлую Зисси, до 35 лет. Ну да, так оно и есть.

В конце июля мы начинаем в Испании натурные съёмки фильма «Убийство Троцкого», мой партнёр — Ален Делон. Ну и что? Двое коллег вместе снимаются в фильме, и всё, даже если они когда-то жили вместе. Но тут сразу что-то придумывают. Нужно же сочинить какую-то причину, почему эти двое снимаются вместе. Это примитивно, но это так!

23 сентября 1971 года

Иногда нужно просто идти куда глаза глядят. Даже если во что-то вляпаешься.

Телефонный разговор из Мехико
24 сентября 1971 года

Работаю с Лоузи в «Троцком» очень напряжённо и возбуждённо — в хорошем смысле. Он — один из немногих больших режиссёров и необыкновенный человек. Мы хорошо понимаем друг друга. Вообще всё в порядке, только сегодня были трудности с погодой.

Ричарда Бартона в здешних эпизодах ещё нет. Встретимся с ним только в октябре в Риме.

Ален Делон играет убийцу Троцкого, а я — его возлюбленную.

История здесь — только фон для психологического, человеческого конфликта. Существенно и моё отношение к убийце.

Мне не страшно. Правда, нет. Каждый актёр имеет определённое время, жизненный отрезок, который он должен использовать. По возможности — зная меру.

Конечно, меня радует мой новый большой успех в Германии. Иначе пришлось бы перефразировать известное изречение: пророков в своём отечестве принимают всё труднее и труднее. И если теперь это уже не так — тем лучше.

Сентябрь 1971 года

У меня больше нет страха перед одиночеством. Больше я не боюсь остаться наедине с самой собой.

23 октября 1971 года

Мой маленький Давид, день ото дня мальчик становится всё более дерзким, он танцует под пластинку «Битлз», причём всегда под одну и ту же мелодию... Мы с моим мужем просто не можем больше слышать эту пластинку. Ребёнок устраивает нам нервотрёпку — как все дети в его возрасте, не выговаривает «р» и слишком высовывает язык на «с».

Может быть, у меня был бы ещё ребенок. Не сейчас, сейчас профессия важнее. Но позже...

И я держу диету, без соли. Каждый день целый час гуляю. Много плаваю — всё, что нужно делать, если хочешь оставаться молодым и здоровым.

23 января 1972 года

Начало съёмок «Людвига» в Бад-Ишле.

Я впервые буду играть серьёзно эту роль, характер этой женщины.

Висконти — единственный, кто создаёт исторически

правдивый портрет Зисси.

Я могла бы теперь просто бросить всё это кино и три недели скакать верхом на Лоле по окрестностям!

Февраль 1972 года

Я никогда не была живым воплощением слащавого, невинного императорского высочества. Я охотно её играла, но в жизни вовсе на неё не походила. И никогда больше не хотела — после трёх фильмов «Зисси» — наряжаться в исторический костюм. Однако теперь я это сделала.

Мне как кинозвезде никогда не удавалось на сто процентов соответствовать тому, чего от меня ожидали. И это плохо, потому что «марка» кинозвезды ставит это условие.

В конце концов, мне же ещё не 60 и я ещё не совсем истрепала свои нервы...

И Харри, мой муж, знает: когда я работаю, то в голове у меня — только работа. Он — первый мужчина, который принимает меня такой, какая я есть. Время с Делоном было безумным, эти пять лет. С Харри я и сейчас, спустя семь лет, чувствую себя в безопасности.

6 мая 1972 года

Об интервью и речи быть не может. Всякий раз, увидев журналистов, я чувствую себя как кролик перед удавом. Взгляд этих людей меня настолько парализует, что я не могу произнести ничего разумного. Только думаю: конечно, они хотят мне подстроить каверзу. И поэтому реагирую так агрессивно. Я знаю, что этим приношу вред самой себе. Но я же не могу выпрыгнуть из своей шкуры. И лицемерить тоже не могу. Поэтому я должна точно обдумывать, что я говорю. Лучше всего это получается на иностранном языке, потому что тогда я могу лучше концентрироваться.

Между тогдашней Зисси и моей сегодняшней ролью нет ни малейшего сходства!

13 мая 1972 года

Это же невозможно: выйдешь вечером, а на следующий день читаешь, что разрушаешь брак или обманываешь своего мужа!

Письмо Магде Шнайдер
14 июня 1972 года

Дорогая мамочка, всё было как раньше. Я ходила ночью по дому, вспоминала своё чудесное детство. Так жаль, что я не могла остаться дольше. Большое, большое спасибо. Твоя Роми.

30 сентября 1972 года

Мы уже думали, не переехать ли из Гамбурга в Париж. Моя основная работа происходит во Франции. Когда Давид пойдёт в школу, то мы могли бы надолго не расставаться. И Харри любит Париж, и свою работу для Германии он тоже мог бы выполнять из Парижа.

13 ноября 1972 года

Прокатная фирма хочет выпустить «Троцкого» в Германии под названием «Девушка и убийца». Спрашивается, что эти люди при этом думают. Почему фильм не может идти под тем же самым названием, как во всём мире, «Убийство Троцкого»?

Разве я выгляжу угрюмо и заносчиво? Что обо мне говорят, не так уж безумно меня интересует. Если кто-то хоть слегка выделяется из массы, масса тут же записывает его в задаваки. Вы же видите: написанное обо мне — в основном ложь, лживые сочинения бездарных, глупых журналистов. Это меня продвигает? Возможно, потому что я всё время должна себя заново утверждать. Всё, что я делаю, порождено этой позицией. Что я могу, чего я стою, могу ли ещё продвинуться?

Мы ищем сейчас в Париже что-нибудь подходящее. Наш сын ведь скоро пойдёт в школу. Мы хотим, чтобы он вырос двуязычным. Так ему потом будет легче. Я бы охотно познакомилась с пловцом Марком Спитцем. Мне нравятся победители. Это же странно: кто-то выигрывает одну золотую медаль за другой, а ему желают ещё одну и ещё одну. Как это так? Вроде бы уже достаточно. Победители должны сиять. Я такая же впечатлительная, как и все люди.

Ты, Харри, конечно, не видишь ничего особенного и уникального в этих людях. Господин Хаубеншток, разумеется, опять забыл, что его жена что-то кумекает.

Всё ещё дуешься?

Что вы хотите, я просто нормальная женщина. Моя каждодневная жизнь такая же, как будни любой женщины, имеющей мужа и сына. Разве что я не хожу покупать молоко и булочки. Моя мать не оставила мне никакого другого шанса, кроме как стать актрисой.

18 ноября 1972 года

Я вовсе не робкая. Я охотно бываю одна, в моём тихом уголке, где я сейчас живу. Но это не имеет ничего общего с робостью! Я люблю свою работу. И контакты с людьми мне тоже нужны — но не слишком много! Уж извините, я не могу жить в

ночных клубах! Конечно, я выбираюсь. Даже и в ночные клубы. Но очень скоро меня тянет выйти оттуда вон! Потому что это пустая трата времени. Жизнь для этого слишком коротка. А всё так быстро раздувается. Даже здесь, в Париже. В мировом городе, слава Богу, не провинциальном. И всё же уже наутро в газетах напечатано: она была с тем-то и с тем-то, там-то и там-то. Из этого тут же сочиняется очередная глупая история. Им же надо заполнять чем-то каждую дырку в газете. Я просто не могу больше всё это читать.

Люди, с которыми я могу разговаривать, меня понимают. Но другие? Сказано же: жизнь слишком коротка. Времени жалко.

Я знаю: я ужасная, иногда даже скверная — но фотогеничная. Так говорила моя мать. И она знает меня очень хорошо. Если я — старая сентиментальная венка, то точно так же я — старая сентиментальная парижанка. C'est la même chose [31]!

Французы научили меня жить, любить, одеваться и спать.

Я знаю точно, кому я оказываю любезность. Потому что я точно знаю: что бы я ни сделала опрометчиво, однажды я получу это обратно. Я не расчётлива. Нет. В сущности, я — как раз нечто противоположное! Поэтому я и получила столько оплеух! Но сегодня, в мои 34 года, я не могу вылезти из кожи. Если я чего-то хочу, я это делаю.

Но я знаю, сколько у меня было счастья. И сколько счастья благодаря этой профессии. И ещё кое-чем я ей обязана. Всё я сделала сама, совсем одна. Я много трудилась…

Почему я не снимаюсь в Германии? Это зависит не от меня. А от того, что мне не предлагают ролей, которые я хотела бы играть. Хорошие фильмы и пьесы идут и в Германии, но они там не производятся. Тому примеров — десятки. Или им не хватает фантазии, отваги, или они просто боятся. Чуть только что-то сделают — и в ту же секунду от страха наделают себе в штаны. Вот и получается всегда что-нибудь мещанское, или для школьниц, или для домохозяек, или скучный секс. Что мне мерещится? Вирджиния Вулф — на 25 лет моложе. Вот её я бы тут же сыграла. Но ничего такого нет. И по телевизору одна ерунда.

Если бы мне предложили что-то хорошее и умное, то деньги были бы не так уж важны. Скажем так: они были бы на втором месте. Ведь за границей мне платят хорошо, вот оно бы и возместилось. К тому же хороший фильм вовсе не обязательно должен быть дорогим. Ведь так?

Так же не может продолжаться! На обложках немецких журналов — только паршивые голые девицы. Просто жуть! В фильмах точно так же — одно дерьмо. Предложили бы хорошую

роль, я бы не жеманничала.

18 ноября 1972 года

Итак, в свои 34 года, недавно, в сентябре — Господи, о чём же я думаю, прямо сейчас? О моём сыне, о моём лице,.. моей профессии, вы же понимаете, я ведь не в этом ужасном характерном амплуа! Поэтому я должна ещё несколько лет хорошо выглядеть. Но я не тот тип, что с утра до вечера высматривает, нет ли на его лице одной-двух новых морщинок, — уж простите, но на этот счёт я не могу волноваться. Хотя — было бы нужно! Я знаю коллег, которые всю жизнь напролёт только и думают о лице и фигуре. А я этого не делаю. Ещё не делаю. Возможно. Я ещё молодая. Но иногда я всё-таки думаю: ну и? Если вижу у себя мешки под глазами. Если люди говорят: ты выглядишь как ворона. Я же не обманываюсь. Это идёт не только от подсознания. Я ведь и в зеркале себя вижу. И это не всегда бывает мило. Пять лет назад я выглядела иначе, чем теперь.

Да, конечно, я уже больше года не отдыхала. Это точно. Но я же сама так хотела. Три фильма один за другим («Сезар и Розали», «Людвиг» и «Троцкий») — немножко слишком. Вот именно. Однажды мне будет всё равно, что у меня около глаз гусиные лапки. Пока я ещё не жирная... Что-то надо делать и для тела.

Ну ладно, я думаю: всё должно идти от сердца, от головы... Не обязательно от красивого грима или носа. Но мы должны думать и о тех, кто видит нас в кино или по телевизору. Хотят ли они видеть что-то подобное? Или они скажут: ну вот, она уже в возрасте...

1 декабря 1972 года

«Сезар и Розали».

Я так счастлива, что снялась в этом фильме, и от такого счастья даже ужасная и напряжённая работа по озвучанию делается вполне выносимой.

Что мне понравилось в «Сезаре и Розали» даже больше, чем успех фильма, так это работа с Клодом Соте. Он мой любимый режиссёр, потому что он дружит с актёрами.

Он просто величайший, и каждый миг вместе с ним — что-то особенное.

Я всегда выискиваю изюминки — то, что я под этим понимаю. Роли, которые мне нравятся, и режиссёры: кто нравится мне и кому нравлюсь я.

Декабрь 1972 года

Я бы с огромным удовольствием сделала немецкий фильм, только если бы он был хороший. Среди последних немецких предложений не было ничего подходящего. Играть Еву Браун в английском фильме о Гитлере я бы, например, тоже не хотела. Что ещё? Следующим будет у меня французский фильм «Поезд» по Жоржу Сименону. Правда, название придётся изменить, потому что есть американский фильм с таким же названием.

Без работы я не могу жить. Несколько недель отпуска нужны, но шесть месяцев без кино — этого мне не выдержать.

28 декабря 1972 года

Многие люди скучны, это меня утомляет. Я не готова отдавать, ничего не получая взамен.

Январь 1973 года

Я ужасная эгоистка.

5 апреля 1973 года

В мае я делаю новый фильм. Потом всё должно проясниться. Я должна понять: всё, пора кончать с этим.

Я хотела бы опять жить в подходящей квартире, вовсе не в роскошной. Я хотела бы опять видеть вокруг себя нормальных людей, не этих конченых типов из кино, которые меня годами сопровождают.

Начало июня 1973 года

Всё, я больше не выдержу. С утра я уже готова шваркнуть этого мужика об стену. Думаю, тут уже ничего не поправить.

Сейчас он уезжает в Мюнхен. Тут он уже рассорился со всеми коллегами в Резиденц-театре. Точно как на киностудии, когда я работаю. Он постоянно торчит тут же и пытается давать моим режиссёрам добрые советы. Они этого тоже не выносят. Он их раздражает. Неправда, что он меня чему-то научил.

Я не хочу вечно жить под кнутом господина Мейена. Да, мы разводимся. Харри хочет получить все мои деньги. Я уже много денег истратила на мужчин. Но чтобы кто-то из них хотел всё — это впервые.

Во-первых, в начале нашего брака я отказывалась от многих предложений и никогда потом не жаловалась. Во-вторых, мой муж мог бы сам работать по договорам, и я никогда этому не противилась. Поэтому я не считаю нормальным сейчас заботиться о содержании господина Хаубенштока. Как его жена я, разумеется, никогда не была обязана заботиться и о своем собственном содержании.

Пока мы сошлись на расставании, но не на разводе. Мы не хотим травмировать нашего сына Давида.

15 июня 1973 года

Хотелось бы в будущем сбавить темп, меньше работать и купить дом в деревне, где я жила бы с моим сыном Давидом. И ещё одного ребенка я бы хотела — сейчас это моё самое большое желание.

Страха перед старостью и морщинами на лице у меня нет. Я переживаю сейчас очень хороший период и использую его. Может быть, когда-нибудь меня упрекнут, что я слишком много снимаюсь. Но никогда никто не скажет, что я делаю это легко или что играю неинтересные роли.

25 июня 1973 года

Я чувствую себя снова свободной.

28 июня 1973 года

Я снова буду парижанкой. Во Франции начинались все новые периоды моей жизни. И опять я начинаю с нуля — и радуюсь этому.

При каждом повороте моей жизни я возвращаюсь во Францию. Я ещё никогда не оплакивала прежние истории. Париж — это всегда начало.

Сегодня я наконец начинаю понимать, как не бежать прочь от себя самой.

16 июля 1973 года

Мы хотим *часто* видеться, лучше всего, если каждый будет иметь у себя комнату для другого.

Харри, не мысли всегда так логично, ты же во всём так ужасно логичен, и не держи меня за дурёху, или ты и правда считаешь, что я сама ничего не могу решить?

Ясное дело, все уже раззявили рты насчет финансовых условий нашего расставания. Мне уже абсолютно всё равно, как люди делят, кто что заработал, даже если они жили так, как мы. Больше мне на эту тему нечего сказать. Только то, что не так просто отбросить такие отношения, как у нас с Харри. Посмотрим, как я пойду дальше. Но измениться должны мы оба.

24 июля 1973 года

Если мы ещё хотим что-нибудь делать вместе, то каждый из нас должен научиться воспринимать себя как самостоятельную личность, осознавать её и развивать.

Июль 1973 года

В действительности я просто опередила своё время. В те годы, когда ещё и речи не было об освобождении женщин, я предприняла своё собственное освобождение. Я выстроила свою судьбу сама, и я ни в чём не раскаиваюсь.

Середина августа 1973 года

«Любовь под дождём».

Жан-Клод Бриали — старый друг, мы оба понимаем, что снимаем отнюдь не «Леди Макбет», но это очень красивый фильм, мне очень нравится его поэзия и деликатность Жана-Клода.

30 октября 1973 года

«Взбесившийся барашек».

С Жаном-Луи Трентиньяном можно много смеяться, а ведь не с каждым партнёром это получается. Он вообще потрясающий коллега и друг.

24 ноября 1973 года

«Взбесившийся барашек» — мой третий фильм за четыре месяца.

Никогда ещё в моей жизни я не работала так много, но это же очень хорошо! Между съёмками этих фильмов у меня не было даже трёхдневного перерыва. Но я вовсе не чувствую перенапряжения. Работать мне приятно. Я живу перед камерой. Наконец-то у меня есть возможность играть роли, которые мне нравятся. Я воплощаю совершенно различные женские типы и играю одну красивую любовную историю за другой. Я хотела бы играть только истории любви. Когда я думаю о будущем годе, у меня кружится голова. Следующие двенадцать месяцев у меня не будет и недели отпуска.

В начале декабря уже начнутся съёмки «Адского трио» с Мишелем Пикколи.

10 декабря 1973 года

Ни единой недели отдыха между фильмами! Но я чувствую себя хорошо. Потому что чувствую, что я на самом деле живу.

Наконец-то я играю в своих фильмах настоящих женщин, тех, у кого разные характеры, но одно их связывает: все они переживают истории любви. Просто чудесные истории. Вот бы и играть только такие роли!

Конечно, есть риск, что люди мною пресытятся. Но я живу сейчас, а что случится потом — мне неинтересно.

Я чувствую себя довольно-таки сильной.

Конец декабря 1973 года

Роль Филомены Шмидт в «Адском трио» не имеет ничего общего со мной. Я актриса. Зисси, кстати, тоже ничего общего со мной не имела. Я никогда не была в жизни Зисси, а уж Филоменой и того меньше.

8 января 1974 года

С моим добрым именем после этого фильма в Германии будет навсегда покончено. «Адское трио» снималось во Франции.

21 февраля 1974 года

Я всегда дохожу до предела, даже если это и не так уж хорошо. Мне нравится доходить до границ возможного, как в профессии, так и в чувствах. Я ни о чём не жалею! В жизни нужно много страдать. Жизнь слишком коротка, так что нужно успеть пережить всё-всё хоть раз.

Апрель 1974 года

Вот чего я немножко опасаюсь. Я боюсь наскучить публике, потому что она меня видит очень часто, и ещё иногда боюсь нервного истощения. Но у меня есть предчувствие, что я выдержу, и я никогда не забуду, как Клод Соте, который на съёмках «Мелочей жизни» вернул мне доверие к самой себе, сказал однажды:

«Продолжай, пока не потеряла вкус к этой работе. Ты всё можешь».

А вот страха, что моё лицо обнаружит возраст или усталость, у меня нет. Есть только страх сыграть плохо. Стараться хорошо делать своё дело куда важнее, чем высматривать в зеркале свои морщины.

Конец апреля 1974 года

Это было очень тяжело. Роль Надин Шевалье в фильме «Главное — любить».

В своей профессии я всегда боюсь вытащить из себя не всё, что могу. Каждый фильм, где я участвую, для меня как испытание, которое я непременно должна преодолеть. Всегда я должна превосходить саму себя.

Май 1974 года

Съёмки «Главное — любить».

Жулавский, если ты чего-то от меня хочешь, то подними свою

задницу и не гоняй ассистенток туда-сюда. Пора наконец привыкнуть, что женщины — не мальчики на побегушках. Кончай со своими замашками паши!

И Тести, я тебя не буду целовать! Ты небрит, и я уверена: у тебя грязные ноги. Почисти сначала зубы, ты, придурок!

Мы можем снимать.

Уж извини, но так никакие нервы не выдержат. Мы снимаем час за часом фильм об эмансипации женщин, а за камерой властвуют мачо, как двадцать лет тому назад.

Я знаю, что могу быть несносной, но моя агрессивность — это только оборонительный вал: из опасения, что вдруг я работаю не с максимальной отдачей.

У меня было четыре учителя: Висконти, Уэллс, Соте и Жулавский. Величайшим был Висконти. Он научил меня, как учит он каждого, кто с ним работает, своему собственному способу доходить до вершины и своей дисциплине.

«С актёрами нужно обращаться нежно, их ведь так легко сломать». Фраза Надин Шевалье из фильма «Главное — любить».

26 июня 1974 года

После моего разрыва с Харри Мейеном меня в Германии определили как «ещё более нагую, ещё более красивую и ещё более эксцентричную». Газеты делают вывод, что я заполняю любовниками свою новообретённую свободу. Подобные свидетельства я вообще больше не читаю. Если мой новый фильм, «Адское трио», пойдёт в Германии, то для приверженцев Зисси это будет уж совсем чересчур. Там есть эпизод, где я сама себя удовлетворяю. Сначала я не могла и подумать, что сделаю это. Франсис Жиро, режиссёр, сказал мне: «А ты просто представь себе, что ты одна в своей ванной комнате...» И я тогда ответила: «Ну ладно, но ты, пожалуйста, отошли отсюда хоть несколько человек...»

Моя новая свобода — это прежде всего попытка думать по-новому. Это моя единственная возможность изменить себя, хотя бы вытащить себя из тупика, на котором прибита табличка «Роми Шнайдер». Вы понимаете? Я просто думаю, что идеальные образы однажды могут рухнуть с лестницы, и тогда до самого конца проживается ненастоящая жизнь. Да, об этом я думаю только теперь. Раньше я себя безумно хотела убедить, что я, Роми Шнайдер, могу вести обычную жизнь — как все. Такое я говорила в интервью, утверждала: отдыхаю как все, проживаю день как все. А сегодня я точно знаю, что так называемые будни для меня вообще невозможны. Без ролей я не могу жить.

Жулавский относится к тем людям, у которых я могу учиться.

У таких режиссёров, как Анджей Жулавский или Франсис Жиро, я работаю за низкий гонорар. В бутафорских фильмах я вообще не могу сниматься. Но эти люди говорят мне, чего можно достичь вместе. Они не отбирают у меня мою собственную манеру, не позволяют мне оробеть. Этот способ работы продвигает меня много дальше, чем другие.

Одиночество между фильмами я сейчас переношу тяжелее, чем раньше. Съёмки придают моей жизни интенсивность, и это идёт мне на пользу.

Повседневности мне ещё предстоит учиться. В браке был налаженный быт, и при нём каждый давал друг другу ту труднообъяснимую уверенность, что супруг тут, вот он... но этого было слишком мало.

Пожалуй, нужно опять влюбиться.

9 августа 1974 года

Я засадила себе в ногу двухсантиметровый осколок стекла. Танцуя! Я была в отпуске в Греции и в Афинах попала в очень весёлую компанию, много немцев, ну да, а греки, когда входят в раж, разбивают жуткое количество тарелок.

Конечно, осколки сразу выметают, но я была в таком азарте, что не дождалась метлы и продолжала танцевать, причём, ясное дело, босиком! Зато теперь, когда всё прошло, я могу посмеяться над этим.

Нравятся вам мои духи? Я смешиваю их сама. А рецепт держу в тайне.

Мы с Харри в любом случае встретимся в Сен-Тропезе. Там мы проведем каникулы вместе с нашим теперь уже восьмилетним сыном Давидом. Я сняла там маленький дом.

Нет, работать в театре с моим мужем никогда бы не получилось!

Сен-Тропез, 21 сентября 1974 года

Бедная Брижит, самая несчастная на всем пляже! Я несколько раз вместе с ней плавала, и если рядом проходил катер и любопытные глазели в иллюминаторы, чтобы разок увидеть Бардо, то она им иногда даже показывала язык!

Здесь все мои друзья. Слава Богу, никто из них не имеет ничего общего с моей профессией.

Да нет, профессию я выбрала себе правильно: я же нуждаюсь в успехе!

С самого начала я стремилась наверх. Я точно помню, как после первого фильма я сказала матери: хочу стать величайшей и ничего не хочу делать наполовину!

Проще говоря, в 45 лет я хотела бы сыграть столетнюю. Коечем рискнуть — это же привлекает каждого актёра.

«Адское трио» неприличное? Сказать вам, что я нахожу неприличным? Когда один немецкий журнал публикует фото — отдельные части тела моего партнёра Мишеля Пикколи, которые в фильме вовсе не показаны! Это шокирует не только публику, но даже и меня!

Спать с кем попало — вот чего я совсем не могу! Брижит — симпатичный человек, но я полагаю, у нас с ней не так уж много общего.

Она была слишком юной и слишком нерешительной, когда Роже Вадим взял её в оборот. Теперь ей сорок, но она всё ещё как ребенок.

Если я смотрю назад: чего-то мне всё же не хватает. Харри — человек, который трудно выказывает чувства, а мне как раз это нужно. Я — полная противоположность ему. Но ещё больше мне нужна моя свобода.

Сентябрь 1974 года

Моя мораль может быть людям безразлична. Я играю эти роли, чтобы обрести своё лицо. Я не раскаиваюсь ни в чём из того, что сделала.

Я всего лишь 36-летняя женщина, которой нужна свобода, чтобы жить непринуждённо, как другие женщины.

27 октября 1974 года

У меня впечатление, что мои немецкие земляки меня просто ненавидят. Меня не только обругивают, но порой дело доходит чуть ли не до рукоприкладства. Сейчас в Германии идут три моих фильма, и насчёт того, как их там понимают, у меня есть что сказать.

30 октября 1974 года

Я защищаюсь от бестактности. Свою частную жизнь я хотела бы оградить насколько это возможно. О своей работе я в любое время даю информацию.

Роль в «Поезде» — лучшее, что мне предлагалось в последние годы.

Я уехала из страны, потому что кроме Зисси мне ничего не предлагали. Но потом это было превратно истолковано как предательство. Не уехала бы я тогда во Францию — никогда не получила бы такого развития. Если из Германии придёт подходящий интересный материал — всё равно, сценарий или пьеса, — то в любой момент я его приму.

3 ноября 1974 года

Если прекращается везение, то выручает мастерство.

Завтра всё это может кончиться. Одного плохого фильма достаточно, чтобы все хорошие фильмы канули в забвение. Все говорят о провале. Это меня, конечно, пугает, но представление, что я могла бы профессионально однажды рухнуть вниз, не ужасает меня. Всё, что касается возможного провала, я поняла уже давно.

Я только не могу себе представить, что снова жила бы в Германии, но хотела бы там хоть раз сыграть в театре на моём родном языке, потому что ни разу в жизни этого не делала.

Роль в «Адском трио» привлекла меня тем, что она ироничная и даже саркастическая. Но с воплощённой мною личностью я не имею ровно ничего общего. Я никогда не играю саму себя. Кто видит это по-другому, тот ошибается.

В ролях, что мне предлагают, мне важнее всего сценарий, затем — имя режиссёра, и наконец — партнёры по фильму.

Поэтому я нечасто ошибаюсь. Я хотела бы играть разные роли, выдать лучшее из того, что я могу, и отношусь к себе критически. Знаю, что плохо, что посредственно, а что действительно хорошо. Тут меня не переубедишь.

Нужно ли говорить, что Давид значит для меня очень много? Это звучит патетически, но что-то другое было бы для меня и моего сына слишком печально.

Нет, с Зисси уже покончено. Я её уже давно забыла. Если она ещё торчит в чьих-то головах, то это их проблема, не моя.

В понедельник мы начинаем съёмки нового фильма «Невинные с грязными руками». Впервые с режиссёром Клодом Шабролем. Сейчас я мечусь от одной примерки костюмов к другой, а между ними — обсуждения, фотосессии и интервью.

К ток-шоу я уже прекратила готовиться. Я знаю этого господина Шёнхерра и знаю, что это выступление будет мне на пользу.

Страх перед немцами? Скажем так: желание играть в Германии в театре сильнее этого страха.

Многие скажут: ну вот, теперь она нагнетает антинемецкие настроения. Но у меня были профессиональные и личные причины играть в «Поезде», обижаются на меня за это в Германии или нет. Я всегда стою за то, что делаю, даже если я и ошибаюсь. У меня был шанс, теперь посмотрим, что из этого выйдет. Для меня не существует вершин в карьере, я хотела бы работать и учиться. Всё ещё. И когда-то найти верный момент, чтобы закончить. Может быть, до этого момента ещё много времени, но

сколько — этого я не знаю. Вещи, которые я планирую, я хотела бы сделать быстро.

21 ноября 1974 года

Я люблю играть в фильме сразу две роли — как это было в «Адском трио», а теперь у Шаброля в «Невинных с грязными руками».

24 ноября 1974 года

Надеюсь, публике я ещё не надоела.

Декабрь 1974 года

1974-й был для меня как актрисы очень хорошим, а как для частного лица — очень плохим. Надеюсь, в следующие двенадцать месяцев мне удастся придать моей жизни окончательную форму.

Телеграмма её матери Магде Шнайдер
Декабрь 1974 года

Моя мама — что касается профессии, то большего успеха не бывает — моя личная жизнь на нуле — позвоню тебе утром в воскресенье — как всегда твоя Роземари слегка печальная, слегка одинокая.

1975-1980
Я ничего не могу в жизни — зато на экране я могу всё!

«Старое ружьё» — «Женщина в окне» — «Мадо» — «Групповой портрет с дамой» — «Простая история» — «Кровная связь» — «Свет женщины» — «Прямой репортаж о смерти» — «Банкирша»

В апреле 1975 года начинается напряжённая работа над фильмом «Старое ружьё» в Керси и Биаррице. Роми играет Клару, которая замучена и зверски убита немецкими солдатами. Съёмки очень глубоко затрагивают её. Она хочет наконец расслабиться, иметь время для обычной жизни. И, возможно, родить ребёнка. 8 июля 1975 оформляется её развод с Харри Мейеном. Роми знает, чего она хочет: пережить новые интересные впечатления от съёмок у крупнейших режиссёров, всегда доходить до предела возможного, не боясь никакого риска. Спонтанные выходки этих лет спровоцированы освобождением от распавшегося брака, алкогольными эксцессами и неконтролируемым излиянием чувств, и это — оборотная сторона её артистической жизни, жёсткой, дисциплинированной, регламентированной во время съёмок до последней минуты.

Премьера фильма «Старое ружьё» в августе 1975-го — истинный триумф. Она проводит счастливое лето с Давидом и Даниэлем Биазини. Он моложе её на девять лет и с 1974 года — её личный секретарь. Её работа, её страсти, её желание не сдаваться, создать себе убежище и известную определённость в жизни, её любовь к сыну — вот что для неё важнее всего. Она непрерывно черпает из источника своей энергии, своей чувствительности, своей фантазии; новообретённая свобода, однако, кружит ей голову. После съёмок она, как всегда, чувствует себя абсолютно затерянной в мире. Дружбы, возникающие во время съёмок, оказываются недолгими. Исключение — только Клод Сотe. В сентябре она узнаёт, что ждёт ребёнка, и 18 декабря 1975 года в Берлине празднует свадьбу с Даниэлем Биазини. В начале 1976 года она попадает в аварию, что приводит к выкидышу. В апреле 1976-го получает «Сезара» как лучшая актриса за «Старое ружьё» и

«Главное — любить». Сразу после этого она снимается в Греции в фильме «Женщина в окне». У Клода Соте она снимается в «Мадо».

Её профессия даёт ей силы, но душевно изматывает её. Привязанность к Биазини — сильная и страстная. В сентябре 1976-го в Берлине начинаются съёмки «Группового портрета с дамой» по роману Генриха Бёлля; это её 50-й фильм. Она чувствует себя чужой. В январе 1977-го, во время съёмок в Австрии, она вновь узнаёт о своей беременности. 21 июля 1977-го года посредством кесарева сечения появляется на свет её дочь Сара Магдалена. Год проходит в незамутнённой гармонии. В 1978-м она играет Элен в «Простой истории» у Клода Соте, которому полностью доверяет. Роми — на вершине своей карьеры. Ей 40 лет. В конце года она снимается в фильме «Кровная связь» (съёмки идут на Сардинии и в Мюнхене), а в 1979-м — в картинах «Свет женщины» и «Прямой репортаж о смерти» (в Глазго). 3 февраля она получает своего второго «Сезара» — за «Простую историю». 15 апреля 1979 года, после Пасхи, в гамбургской квартире кончает жизнь самоубийством Харри Мейен. В феврале 1980 года Роми снимается в «Банкирше», и в августе того же года с большим успехом проходит премьера этого фильма. Осенью 1980-го в Италии Роми снимается в «Призраке любви», и это приводит к дружеским отношениям с директором картины Лораном Петеном. Работа заполняет её жизнь, но делает эту жизнь хаотичной.

26 августа 1980 года в Вене умирает Роза Альбах-Ретти, бабушка Роми.

Несмотря на обилие съёмок, Роми находит время сообщать в письмах друзьям о своих чувствах, об обыденной жизни, о режиссёрах и о своих размышлениях по поводу ролей. Рабочие записи и личные заметки о съёмках по-прежнему важны ей. Но также важны и разговоры о её браке, о рождении дочери и о семейной жизни.

20 февраля 1975 года

Вот теперь действительно перерыв!

Я не думаю, что слишком много сделала — то есть надоела людям, публике тем, что меня можно слишком часто видеть в кино. Скорее я надоела самой себе.

24 апреля 1975 года

Я навестила в Вене свою бабушку. Она настойчиво внушала мне, что женщины не позволяют себе сдаваться под ударами судьбы. Мы сильнее, чем большинство мужчин.

19 мая 1975 года

Главное сейчас — Даниэль Биазини. Он так напоминает мне Алена Делона! У него такой же независимый характер, такой же шарм и юмор.

22 мая 1975 года

Я могу любить и быть счастливой, не связывая себя каким-то документом. Может быть, это вообще единственная форма отношений, сохраняющая любовь и счастье.

Я хотела бы второго ребёнка. Мне скоро 37, пора подарить Давиду маленького брата или сестру. Я хочу исполнить это желание только сейчас, потому что раньше я не была ни влюблена, ни счастлива. А теперь я готова.

7 июня 1975 года

Я уже стала уставать защищаться от клеветы и бесчисленных сплетен — они распространяются обо мне ежедневно.

Прежде всего их изобретают молодёжные издания. Я хотела бы, конечно, второго ребёнка — так скоро, как возможно. Мне скоро 37, Давиду восемь — пора. Но мои планы в кино едва ли оставляют мне эту возможность: на весну и осень 1976-го уже подписаны договоры. Однако новое материнство для меня — не повод срочно выходить замуж. К тому же я близко знаю Даниэля всего лишь полгода. Мой развод идёт своим чередом, и я попытаюсь за два месяца покончить с этим делом. Это уже чистая формальность, в Германии её можно уладить даже в моё отсутствие. Я полагаю, мы расстанемся, сохранив взаимопонимание, поэтому Харри может потом в любой момент видеть Давида хоть в Париже, хоть в Гамбурге.

Хочу сказать вам ещё кое-что: я буду ещё много раз сниматься в Германии, только бы нашлись подходящие сценарии и режиссёры.

Не было такого времени, когда бы я боялась немцев.

24 июня 1975 года

Это вовсе не было у нас как удар молнии. Даниэль красив, умён и обаятелен. Разница в возрасте, девять лет, мне тоже не мешает. Наоборот — с ним я чувствую себя моложе.

21 сентября 1975 года

Теперь я знаю, что жду ребёнка, и через несколько недель я выхожу замуж за отца этого ребёнка.

22 сентября 1975 года

Скоро свадьба. Будут присутствовать только свидетели.

Не знаю, поженились ли бы мы так быстро, если бы не моя беременность, но счастливы мы были бы и без формальностей. Они бессмысленны. Конечно, я не должна! Но я хочу, чтобы ребёнок получил фамилию своего отца. Столько потом бывает трудностей в жизни у внебрачных детей, что для меня бы было безответственным позволить ребёнку носить фамилию Шнайдер.

Даниэль свободен от комплексов. Он был моим личным секретарём и в будущем станет моим кинопродюсером. Мы собираемся основать свою компанию и снимать собственные материалы.

Мы понимаем друг друга, как все любящие. Я уверена, что ещё никого так не любила. Ален? Я же была тогда девчонкой, он должен был сначала сделать из меня женщину, и при этом что-то разрушилось.

По национальности ребёнок будет французом. Ещё пару месяцев назад мы хотели мальчика, теперь предпочли бы девочку. Мой восьмилетний сын Давид хочет сестру! Кроме того, оказалось, что женщинам вообще приходится легче, чем мужчинам.

22 октября 1975 года

Он так спокоен, что я всё время чувствую себя под покровительством. Каждая беременная женщина желала бы себе такого мужа. Он относится с пониманием к любым осложнениям. И я хочу сделать всё, чтобы ребёнок родился здоровым. В руках профессора Ваттевиля чувствую себя уверенно. В апреле я произведу на свет моего бэби. Я чувствую себя невероятно молодой. Рождение ребёнка, несмотря на небольшие трудности, — что-то чудесное. Для каждой женщины.

Октябрь 1975 года

Я не могу жить одна, но мне было дано счастье познакомиться с мужчиной, к которому я чувствую сильную привязанность. Мне тридцать семь лет, ему — едва двадцать восемь. Но эта разница в возрасте меня не ужасает. С годами я научилась радоваться каждому дню моего счастья, наслаждаться прекрасными моментами в жизни.

19 декабря 1975 года

У меня температура, лёгкий грипп, и я на пятом месяце беременности.

Я люблю город, где девять лет тому назад родился мой сын Давид.

Берлин — единственный город в Германии, где я всегда жила

с удовольствием.

22 декабря 1975 года

Мне *плохо*. Дни после моей свадьбы я представляла себе прекраснее.

Я очень хотела бы извиниться перед всеми берлинцами, которые ждали меня возле загса Фриденау. Но в день моей свадьбы у меня была температура. Поскольку я была не на ногах и лечилась, то не хотела покидать отель и поэтому мы зарегистрировали свой брак там, а не в загсе, как это было запланировано.

В сентябре 1976 года я буду 12 недель сниматься в Берлине. Тогда я всё улажу.

10 января 1976 года

Раньше я хотела видеть людей такими, как этого мне желалось. Я предпочитала ослепнуть, только бы жить в своих иллюзиях. Поэтому я часто подставлялась под удары судьбы, переживала разочарования, одиночество. Я чувствовала себя внутренне неуютно.

Вот уже несколько лет — после того как я разошлась с мужем и забыла о своем одиночестве — я работаю как вол. Я снялась в шести фильмах, последним было «Старое ружьё». Я научилась обманывать саму себя — и жила отвратительно.

Кое-что я хотела бы прояснить: я жила с мужчиной, который мне при разводе выставил жёсткие условия. Я не та женщина, которая имеет связи на стороне, и никогда такой не буду.

Поэтому я подписала этот документ, будучи готова отдать половину моего состояния. Я пострадала от своей собственной наивности.

Я хотела получить свободу от своего мужа, который, невзирая на уже очевидный развод, продолжал обвинять меня и предъявлять претензии. Я хотела этой свободы от него — не только потому, что была глубоко задета, но и потому, что страдал наш сын.

В сентябре я снимаюсь в Берлине в «Групповом портрете с дамой» по роману Генриха Бёлля. Буду продолжать работать в кино, пока во мне есть потребность. Но есть то, что я в будущем намерена охранять: спокойная семейная жизнь.

Киберон, 2 февраля 1976 года

Это очень тяжело и довольно угнетающе — это лечение — побороть все эти килограммы — all my really big efforts [32] — и что касается веса, не иметь пока никакого результата, чего я так

хочу! Сильно бьёт по нервам.

Письмо Роми Шнайдер её матери Магде Шнайдер
Май 1976 года

Я устраиваю чудесный маленький праздник для мамы, мы сделаем так: 1) в четверг ужин в «Оранжерее» [33] у Жана-Клода Бриали; 2) в пятницу ужин «У Максима»; 3) на субботний вечер я попытаюсь раздобыть билеты в Оперу или куда-нибудь ещё; 4) в воскресенье — отдыхаем… Мы идём на шоу в «Лидо». Давида тоже возьмём с собой, потому что он хочет вместе с бабушкой посмотреть на голых тёток (полуголых! Совсем — только на свою маму!). Он уснёт посреди шоу и будет видеть во сне груди и попы.

30 июня 1976 года

«Групповой портрет с дамой» снимается осенью в Берлине. Я ужасно этому рада! Потому что уже давно хотела здесь работать, но не было ничего подходящего. И съёмки у Фассбиндера тоже сорвались. Речь не шла о гонораре!

Сейчас я снимаюсь в Париже, Италии и Греции в фильме, где я опять должна играть любящую женщину. Эта любовная история на политическом фоне между 1936 и 1972 годами называется «Женщина в окне».

Начало июля 1976 года

Одна фраза, которую я говорю в роли Марго в фильме «Женщина в окне»:

«Я мечтаю о мужчине, который уходит всё дальше и дальше. Мне всегда восемь лет, и я всегда — со своей матерью в Вене. Моя мать говорит мне, что мой отец нас покинул, потому что любил других женщин. Комната женщин. И вдруг входишь ты, и улыбаешься мне, но мне по-прежнему восемь лет, а тебе — сорок…»

7 августа 1976 года

Развод? Я не смеюсь. Так называемые интимные сообщения я принимаю хладнокровно. Я привыкла к тому, что меня начиная с семнадцати лет упаковывают как товар и продают. Меня расхваливают так и сяк, будто это судьба Сорайи. Я полагаю, это — цена карьеры, которая началась в 15 лет, в том возрасте, когда не можешь себя защитить и не имеешь собственного мнения. C'est la vie, такова жизнь, кого это волнует? Дармоеды будут всегда. Ни следа от семейного кризиса, мы счастливы.

После отпуска я закончу съёмки «Женщины в окне» в Риме.

После этого я играю маленькую роль у моего друга, режиссёра Клода Соте, в «Мадо».

1 сентября я начинаю в Берлине трёхмесячные съёмки у режиссёра Александара Петровича, фильм «Групповой портрет с дамой». Роль, которая мне близка душевно. К тому же действие происходит в то время, которое застало поколение моей матери — поколение, жизнь и поступки которого меня восхищают и трогают. При распределении ролей стало ясно, сколько в Германии отличных театральных актёров. Во Франции было бы труднее найти таких исполнителей для этого фильма.

В личной жизни у меня всё настолько хорошо, что мне уже почти безразлично, что о нас пишут. Наша совместная жизнь придаёт мне уверенности.

Я желаю второго ребёнка, несмотря на выкидыш в январе.

Берлин, 30 сентября 1976 года

Я как-то подумала, что меня вовсе не ранит, когда тут моего мужа выставляют как жиголо или дурня. Нужно однажды чётко объяснить, что Даниэль жёстко работает по своей профессии. Он телерепортёр на политические темы. Делал сюжеты из Бельгии и Анголы, а теперь снимает в Аргентине и Парагвае. Французское, бельгийское и швейцарское телевидение сразу покупали его репортажи.

Я уже десять лет не снималась в Германии. Материал, который мне предлагали в последние годы, был неприемлемым, он мне просто не нравился. Это было связано либо с моими старыми немецкими фильмами, либо с молодым немецким кино. Для этого кино я просто не создана. Если мне предлагают что-то вроде «Ложного движения» Вима Вендерса, я нахожу, что это никуда не годится. «Групповой портрет с дамой» — тут мне понравился роман, хотя мне поначалу было тяжело его читать. Для меня важнее всего сценарий, потом — режиссёр, потом — актёры. У Бёлля мне понравился материал. Потом я увидела, что Александар Петрович понимает образ Лени, её мысли. И тогда я согласилась. Я захотела играть эту Лени, быть ею так хорошо, как могу. Выбор ролей был для меня непростым, потому что это почти мужское кино. 70 процентов хороших ролей написаны для мужчин.

Эта Лени всегда рискует — тем, как она живёт, и как она чувствует, и как она любит. Только так она может выстоять. А что касается Роми Шнайдер — она выстояла несмотря на всё то, что делали с ней 15 лет подряд.

Во Франции я живу «нормальнее», чем здесь. Потому что меня иначе воспринимают и оставляют в покое. Во Франции

никто мне не навязывается на улице. Или — очень редко. А здесь, я должна сказать прямо, уже в 15 лет для меня создали образ, который давно живёт сам по себе, и мне его с себя уже не стряхнуть. Но он ничего не имеет общего со мной, с личностью Роми Шнайдер.

Желания? Что касается карьеры — да. Я абсолютно европейская актриса. Но с удовольствием снялась бы в хорошем американском фильме.

Послевоенный мир Лени, который я совсем не могу ощутить в мои 38. Что-то я знаю от моей матери. И это сильно трогает меня. Она знает это время, и мне есть чему поучиться.

Нет смысла, чтобы Давид сейчас приехал ко мне: я же должна три месяца работать по двенадцать часов в день.

После роли Лени я делаю перерыв на год. Потом запланированы четыре фильма. История одной женщины, больной раком; её преследует человек со встроенной в голову камерой. Фильм будущего.

Затем идёт фильм Франсиса Жиро, с которым я делала «Адское трио», — «Банкирша», а потом у Клода Соте «Простая история».

Я надеюсь, что за три месяца съёмок мне удастся улучить момент, чтобы погулять по Берлину. Мне ещё ни разу не удавалось побродить по Ку'дамм.

Надеюсь, берлинцы всё ещё такие, какими я их знаю. Это всегда была публика, особенно приветливая ко мне. В этом городе я прожила больше двух лет.

Начало письма Генриху Бёллю о встрече в Кёльне
6 декабря 1976 года

Многоуважаемый господин Бёлль, я уже давно хотела сесть в поезд или в самолёт и смело поехать или полететь к Генриху Бёллю — я этого не делала из трусости или боязни Вас обеспокоить, помешать Вам.

Многоуважаемый господин Бёлль, писать Вам для меня очень трудно — но теперь я одна и нервно сгибаюсь, как складная табуретка, перед Генрихом Бёллем, который... если бы пришёл на распределение ролей, наверняка отказал бы мне в роли Лени... Знаете ли, мне ещё есть чему поучиться, сделать какие-то шаги и побороться за личную жизнь...

Многоуважаемый господин Бёлль, теперь я начинаю снова, и кроме «Многоуважаемый господин Бёлль» не знаю что сказать...

25 октября 1976 года

Я была на частном просмотре фильма «Битва за Берлин». Мне

важно было наблюдать поведение людей во время бомбёжек — для моего фильма «Групповой портрет с дамой».

Декабрь 1976 года

За три года я снялась в десяти фильмах. Хотела оглушить себя работой. Но вот уже год как у меня снова есть личная жизнь. Я хотела бы прерваться хотя бы на год. Когда я работаю в отъезде, то разговариваю с Давидом по телефону каждый день.

9 декабря 1976 года

По сравнению с другими городами мира Берлин — чопорный и почти сухой. Но мне это не мешает. То, что выглядит серым и сухим, меня словно обнимает. И даже возбуждает. Мне здесь всегда нравилось.

30 декабря 1970 года

Я попытаюсь впредь меньше сниматься в кино. Профессия придавала смысл моему существованию. Но теперь, уже год, есть у меня и личная жизнь.

Конец 1976 года

Клод, я хотела бы, чтобы ты написал историю про женщин. Мне уже надоели эти бесконечные истории про парней.

Конец 1976 года

Я хочу перед камерой снова и снова быть другим человеком, постигать проблемы, конфликты, чувства и побуждения других женщин; более того — жить их жизнью. Это возможно только если вместе с конкретными характерами меняется и вся среда.

Только стремление хорошо делать своё дело, выстоять перед критическим взглядом зрителей — вот что меня наполняет.

6 января 1977 года

Самым важным человеком в моей жизни был и остаётся Ален Делон. Когда я в нём нуждаюсь, он сразу же протягивает мне свою руку. И сегодня это так: Ален — единственный мужчина, на которого я могу рассчитывать. Он помог бы мне в любую минуту. Ален никогда не бросал меня на произвол судьбы, и сейчас это по-прежнему так.

17 января 1977 года

Вообще-то говоря, я была чужой в своей стране, пусть и в других обстоятельствах. Для Парижа моё выступление в «Нельзя её развратницей назвать» оказалось приятной неожиданностью, а

Берлин обиделся на меня за то, что я больше не была приторной и сентиментальной Зисси.

20 января 1977 года

Мы снимаем в Розенау, под Цветтлем в Нижней Австрии. Я собираю в кулак свою последнюю энергию, вот проклятье. Пытаюсь не позволять себя согнуть.

Производство — это же месиво, вязкая грязь. Час за часом стараешься противостоять этому как немецкий солдат, и потом вдруг является некто и заявляет: не-е, это всё снято не так. Теперь мы сделаем что-нибудь другое.

Эта проклятая дерьмовая пресса когда-нибудь меня просто уничтожит.

Лени вытаскивает из себя всё. Вот и я такая же, неустрашимый борец-одиночка, если дело идёт о моей работе. Когда я поехала к Бёллю, то ужасно волновалась. А это были лучшие четыре часа всего моего времени в Германии. Я убеждена, что фильм получится хороший.

Есть настоящие и ненастоящие актёры. Саму себя я считаю настоящей. Со всеми ошибками, со всеми особенностями, со всей силой и со всем честолюбием, со всеми страхами и с моей боязнью сцены, которая не проходит никогда.

Моя величайшая тревога — однажды проснуться совсем пустой, ничего больше не способной выдать, потому что отдано уже всё.

Мой первый шаг к настоящей актрисе был — отказаться от четвёртого фильма про Зисси, хотя они мне предлагали миллион марок наличными. Тогда обо мне говорили: «Всё, тебя пора сдать в сумасшедший дом».

Фассбиндер хотел снимать меня в «Иммензее», но мне это не понравилось. Другой, уж-ж-жасно мелодраматический проект, который мне потом предложил Фассбиндер, тоже не стоил внимания.

В Берлине меня просто осаждали. Пожалуйста, запишите точно так, как я скажу: я хочу, чтобы кроме публики мною вообще никто не интересовался. Я хочу, чтобы меня больше ни о чём не расспрашивали, и не таращились на меня, и не фотографировали. Моя жизнь принадлежит мне. Раньше мне нравилось быть принцессой. Я воспринимаю свою особу куда менее серьёзно, чем о том думают. В 1977-м я вообще не хочу сниматься. 1978-й, год, когда мне стукнет сорок, должен принести что-то совсем новое в профессиональном смысле.

Я очень хотела бы познакомиться с Лив Ульман и режиссёром Ингмаром Бергманом. Я ценю Лив Ульман как вообще одну из

лучших актрис.

Я совершенно не способна жить для себя — только для других.

Писатель Хайнар Кипхардт говорит: «Любовь — это всегда двое. Поэтому любовь — всегда печаль. Мысль теряет свободу, и порой нести свое „я“ бывает слишком тяжело».

К концу моего нового фильма я — женщина 65 лет. Я бы хотела и выглядеть на 65 лет. Но это не получится, потому что под маской всё равно лицо 38-летней. Вот и выходит, что всё — только игра, но ведь это меня и возбуждает.

Вот вам мои 38 лет — и всё тут.

19 февраля 1977 года

Но прежде всего меня восхищает, как эти тонко чувствующие женщины обходятся с «Медиум Фильм». Это для меня что-то новенькое: работать с режиссёром и автором — женщинами. Уже по этой причине я взяла крошечную роль, на одну минуту, в фильме «Тысяча песен без звука» с Эвой Маттес и Клаудией Холлдакс.

25 мая 1977 года

Лени очень заметная и очень немецкая личность. В этой роли я могла пользоваться какими-то чертами своей собственной сущности, которая так и осталась немецкой.

Моя работа здесь — не исключительно профессиональная. Я привнесла в роль Лени много своего, личного. Детские впечатления, например. Конечно, к концу войны мне было всего шесть или семь лет. Но благодаря моей матери, моей семье я очень остро ощущаю это время. Лени — очень отстранённая, очень немецкая личность. Многие мои собственные черты, так и оставшиеся немецкими, я передала этому персонажу. Самое интересное в этом фильме — то, что трагедия 1939-1945 годов показана здесь с точки зрения побеждённых: ведь до сих пор её изображали со стороны победителей.

Раматюэль, 30 июня 1977 года

Я хотела бы в Германии прямо сейчас играть (если вообще играть) U. M. [34], или кого-то вроде Ревентлов [35], или что-то подобного калибра, и ничего проходного, потому что мне больше не нужно себя испытывать: я просто уверена! (С настоящей режиссурой!) О более или менее неудавшейся Лени (без моей вины, как ты знаешь лучше всех) мы ничего говорить не будем. Всё это я уже отодвинула.

21 июля 1977 года

Я родила девочку. Я так счастлива! Мне было всё равно, мальчик или девочка, лишь бы здоровое дитя. Её будут звать Сара Магдалена!

15 августа 1977 года

Я так рада, что ребёнок родился здоровым. Но я уверена, что это у меня — последний.

21 декабря 1977 года

Я не получаю ни одного предложения интересной роли на моём родном языке.

6 апреля 1978 года

Я отказалась от роли Лулу в одноимённой драме Франка Ведекинда у итальянского режиссёра Лилианы Кавани.

Это же безумие — подгонять себя под такую юную девочку: она же могла бы быть моей дочерью.

Июнь 1978 года

Я знаю, почему я вернулась во Францию. Здесь я чувствую себя хорошо, здесь я — дома. Если мне будет пятьдесят и Клод Соте захочет меня, потасканную, какой я тогда буду, то я пойду к нему. Это объяснение в любви.

31 августа 1978 года

«Простая история».

Я должна была сыграть в этом фильме: он ведь тоже отчасти про меня.

Мы полностью отдаёмся друг другу, что вообще-то не ново, но на этот раз нам и слова уже не нужны. Довольно одного взгляда, и тут же получаешь ответ на невысказанный вопрос.

Осень 1978 года

Нельзя заставить быть счастливым. Счастье охватывает тебя, и тогда можно его удержать — например, работой, вообще деятельностью. Но талант — это вопрос любви.

Февраль 1979 года

Все тени исчезли. Тени мужчин, которые мне говорили, что любят меня, а на самом деле не давали мне ничего. Тени неврозов, которые принуждали меня глотать таблетки, чтобы пересилить себя и освободить голову для работы. Я никогда ещё не была так счастлива, как теперь. Я жила под навязанной мне

установкой, что меня предадут и бросят на произвол судьбы. Моему счастью угрожали со всех сторон. По-видимому, меня никто не мог так любить, как Даниэль.

3 февраля 1979 года

«Сезар». Не может этого быть... такая честь мне, я же этого совсем не заслужила... есть так много других... Спасибо. Спасибо.

15 апреля 1979 года

Смерть Харри. Мне следовало лучше о нём позаботиться.

Конец апреля 1979 года

Мне сорок лет. Если мне предлагают играть семнадцатилетнюю, как в «Лулу», мне просто смешно. Я вернула сценарий.

Эту женщину в «Простой истории» я понимаю: в ней много моих собственных чувств.

Сегодня дело обстоит так, как будто я подстроила Зисси каверзу. Я выглядела так, что люди могли подумать, будто корона — у меня в кармане.

Непонимание исключить нельзя. Даже в лучшей роли. Ведь себя видишь иначе, чем тебя видит режиссёр, иначе, чем тебя видит публика.

Почему я не могу писателю, такому как Дрист, открыто сказать, что он мне нравится? Я имею в виду художников, авторов. Об этом было бы тут же сказано, что я объясняюсь ему в любви или делаю непристойное предложение.

Почему меня никак не оставят в покое? Я не могу высказываться как того от меня ожидают. И это называется — у меня плохой характер, поскольку я не та женщина, которая всегда говорит «да». Если я поднимаю брови, то на самом деле выгляжу злой. Я только спрашиваю себя: а что могли бы начать вытворять другие, при моём-то чувстве свободы? Она же принадлежит мне.

Актрису следует судить только по её ролям. Не пущу на порог больше ни одного фотографа.

Осень 1979 года

«Свет женщины».

Монтан и я, мы оба — перфекционисты. Наши страхи объединяются. Мы работаем жёстко.

25 февраля 1980 года

В роль Кэтрин Мортенхоу («Прямой репортаж о смерти») я не могу входить без смущения. Вы же знаете, как дорого

продавались в прессе мои приватные фотографии, например после выкидыша. Всё равно где.

26 февраля 1980 года

Конечно, я играла эту роль в «Прямом репортаже о смерти» не без смущения. Добрые три четверти этой героини имеют отношение ко мне самой.

Этот фильм для меня — нечто большее, чем просто очередной фильм, правда.

Не так уж много существует возможностей у звезды оградить себя от вторжения в личную жизнь. Не люблю я слова «звезда», я просто хочу иметь право хорошо работать.

Есть такие посягательства, от которых мне едва ли удастся защититься. Я знаю, какую высокую цену платят за мои фото из личной жизни. Я считаю, это безвкусно. Не знаю, как защищаются другие. Может быть, мои коллеги делают это более умело. Или лгут. Но и эта женщина в этом фильме, внезапно став предметом общественного интереса, беззащитна. Именно в этой точке мы с ней и пересекаемся.

С проектом Фассбиндера «Замужество Марии Браун» ничего не вышло. Мне сначала не понравился сценарий. А потом мы потеряли друг друга из виду.

Вернуться на сцену? Я бы охотно сделала это, и как раз в Париже или Берлине. Не знаю, почему здесь. Всегда говорят о «берлинском воздухе». Но я его боюсь. Мне надо найти для этого и мужество, и время. У меня есть предложение от Боя Гоберта работать в театре. Но об этом я ничего не могу сказать. Если я это приму, то должна быть такая пьеса или роль, где меня бы никто ни с кем не сравнивал. Новая, современная пьеса. Это я бы сделала с удовольствием. Только мне необходимо доверие.

10 апреля 1980 года

Я хочу учиться, развиваться, узнавать, что во мне скрыто. Не хочу злиться на себя. Не хочу больше выносить бесцеремонность немецкой прессы. Любой вопрос о моей профессии, о моей работе, но только не о личной жизни! Мой сын Давид умеет читать и проглатывает всё, что бы обо мне ни написали. Почему я должна позволить его травмировать? Что происходит между мной и моим мужем, никого не касается. Мой долг — оградить моих детей.

Съёмки «Банкирши».

Апрель 1980 года

Наверняка ты просыпаешься утром и говоришь себе: сегодня я

не буду нервничать сама и никого раздражать тоже не буду. И ты идёшь с этим решением на студию. Всё напрасно! Ты трясёшься от страха и становишься невыносимой для себя и для других.

22 мая 1980 года

«Банкирша».

Я, конечно, суперпрофи, но в то же время — просто ребёнок. Но я вижу столько взрослых, которые не могут хорошо чувствовать себя в своей собственной шкуре, что уж лучше я останусь ребёнком. Никогда не могла бы жить так, как Ханау [36].

Шёнау, лето 1980 года

Моя мамулечка, — вся моя любовь, все мои мысли! Я пишу здесь, в твоей постели, и здесь, в своей постели, ты скоро снова будешь счастливо спать — в своём прекрасном убежище. Этого я желаю тебе и нам всем, кто тебя любит, от всего сердца. God bless [37] — твоя Роми-Роземари.

30 августа 1980 года

26 августа умерла моя бабушка, похоронят её 3 сентября. Не хочу привлекать внимание на панихиде, она бы тогда потеряла своё собственное значение из-за моего присутствия. Этого моя бабушка совсем не заслужила. Приеду несколькими днями позже и навещу одна её могилу.

Май 1980 года

«Банкирша».

Я основательно подготовилась и много прочла о Марте Ханау, разговаривала и с людьми, которые её знали. Но решение всегда за тем, в чьих руках камера, и вовсе не всё нужно слушать, о чём говорят люди, и не всему можно верить. Вы не можете себе представить, что за возмутительные вещи написаны о Марте Ханау. Её человечность меня восхищает. Лучше скажем так: она была так человечна, эта маленькая женщина, что стремилась наверх при любых обстоятельствах — но не любой ценой.

Марта Ханау — Эмма Экхерт использует всю свою силу воли, свою энергию, своё искусство обольщения, чтобы достичь своей цели. Всё это она в себе соединяет, и я надеюсь, что мне удастся это отобразить. Это непросто, если ты одна... Никакой режиссёр не может себе представить, насколько покинутой я чувствую себя перед камерой. Не знаю, как это происходит у моих коллег, но со мной это так — каждый раз. Я зависима от своих режиссёров, работаю вместе с ними всегда очень тесно, но есть такие моменты, когда всё исходит только от меня. И если при этом из

Эммы Экхерт и Марты Ханау возникнет привлекательный образ — некое неопределимое впечатление — то тогда можно сказать: тем лучше, потому что я как раз того и хотела достичь. Можно представить Эмму Экхерт как опустившуюся дрянь — извините за выражение, — однако если чуть поразмыслить, появляется другой взгляд, человеческий.

1981
«Я исчерпана до дна...»

«Под предварительным следствием» — «Призрак любви»

Роми становится проницательнее и жёстче в отношении к самой себе, пристрастнее в стремлении к совершенству и бескомпромиссности. Обороняясь от журналистов, она ненавидит прессу, но парализована и повержена ею. Даниэль отдаляется от неё, и она отдаляется от него. От страстной любви остаются только нескончаемые споры. Давид боится: он хочет удержать Даниэля. Устав от ссор, Биазини в начале января 1981 года покидает совместное жилище. Роми хочет развода; в мае развод становится очевидным. В Париже начинаются съёмки фильма «Под предварительным следствием». Давид и Сара живут у родителей Биазини в Сен-Жермен-ан-Ле. Угнетённая и вымотанная, Роми пытается в апреле найти покой в санатории в Кибероне, ей нужно отдалиться и уединиться ото всех; однако первая же фотосессия оборачивается для неё переломом щиколотки. Из-за внезапно начавшихся сильных внутренних болей Роми переправляют в Американский госпиталь в Нейи, где 23 мая ей удаляют пораженную опухолью правую почку. 24 мая, как только Роми в силах встать, она на одних обезболивающих и стимуляторах озвучивает фильм «Под предварительным следствием». Давид помогает ей при работе в тонстудии, поправляя её немецкий акцент. Они строят планы совместного отдыха после её выздоровления. Вместе они — в последний раз. 5 июля Давид погибает в результате несчастного случая, перелезая через железную ограду в саду родителей Биазини. Он прожил всего 14 лет, и Роми переживёт его всего на 10 месяцев.

В интервью журналу «Штерн» в апреле 1981 года Роми в отчаянии говорит о своём душевном состоянии, она чувствует себя выжатой до капли, чрезмерное напряжение ей больше не по силам — однако самые жестокие удары судьбы у неё ещё впереди.

Телефонный разговор с её матерью Магдой Шнайдер
26 января 1981 года

Даниэль ушёл. Он меня оставил! Уезжает в Америку. Но я совсем не думаю отправить в Америку Давида!

Январь 1981 года

Давид уже уехал. Он уже сидит в самолёте на Нью-Йорк. Он летит к Даниэлю.

Февраль 1981 года

Ах, мама, я думаю, мы сделали большую ошибку. Мы не должны были передоверять Давида. Мальчик произвёл такое странное впечатление после своего возвращения...

Февраль 1981 года

Хватит. Это — развод. Это больше не брак.

Февраль 1981 года

Кто знает, как долго длится счастье. Я живу только моментом. Могут произойти ужасные вещи. Можно заболеть или умереть.

Сейчас я исчерпана до дна.

23 апреля 1981 года [38]

Ненавижу этот образ Зисси. Что ещё я даю людям, кроме этой вечной Зисси? Я ведь уже давно не Зисси и вообще никогда ею не была.

Я — несчастная женщина 42 лет, и зовут меня Роми Шнайдер.

Все три фильма про Зисси трижды шли здесь, во Франции, по телевидению. Мой сын Давид сказал: мама, ты уж не сердись, но лучше я посмотрю вестерн по другой программе. Только моя маленькая дочка всё это посмотрела.

Все эти фильмы были сняты в своё время, они ему соответствовали, и людям это понравилось. Но я не могу об этом говорить, как о многих других моих фильмах, не могу нормально реагировать — могу только повторять: нет, я не Зисси, я Роми Шнайдер, я всего лишь играла Зисси — давным-давно...

Я хочу покоя. Я ненавижу шумиху и паблисити, весь этот шоу-бизнес. И я вовсе не их Зисси, около которой они все до сих пор отираются. Конечно, тут было чему радоваться, получив эту роль. Тогда это считалось чем-то вроде счастья.

Я никого не хочу обижать, я благодарна моей матери и ни в чём никого не упрекаю.

Может быть, я и не могу ничего другого, может, это и есть мой менталитет.

Я даже хотела поменять имя, ещё тогда, в Париже, на Розу Альбах. Но не позволила себе это сделать, чтобы не ранить мою мать. С другой стороны, я же тогда очень хорошо себя

чувствовала как дочь и кинозвезда — мне это удавалось. Весь этот мир кринолинов, вальсов, флирта, всегда в декорациях от Маришки...

Сегодня я всё это понимаю, конечно, но ведь надо было научиться понимать. Всё, чему я научилась, я узнала из кино — что-то больше, что-то меньше. В 14 лет я окончила школу и сразу же снялась в фильме «Когда вновь расцветает белая сирень».

Это, конечно, сегодня — только моя проблема, почему мне так плохо. Я сделала слишком много фильмов. Но у меня двое детей, я люблю их, а они нуждаются во мне.

Я никогда не умела обращаться с деньгами, я только знаю, что главным образом на них [39] зарабатывали другие, но денег больше нет. И я не сама их потратила.

Денег нет, баста. Я полагаю, последний ресторан, в который Блатцхайм вложил мои деньги, когда-то уже потерпел крах. Он всегда обо всём заботился. За четвёртый фильм «Зисси» они мне предлагали миллион марок наличными, но я наконец-то, первый раз, сказала — нет. Мне хватило всего этого по уши. Это было в Берхтесгадене. После скандала я ушла в свою детскую и закрылась. Это было так давно. Мне не хватает картинок для этих воспоминаний. Всё это меня больше не интересует, и всё-таки меня это по-прежнему касается. Весь этот тарарам может быть таким прекрасным, а я так его ненавижу. Однажды в Мадриде в аэропорту тысячи людей махали флажками, чуть не проткнули меня насквозь. А моя мать стояла позади меня и говорила: «Ну улыбайся же...»

Да, а в Париже всё пошло правильно. Я была влюблена, и была в Париже, и наконец без присмотра, — но: что за жизнь, что за жизнь из всего этого получилась...

Мир, конечно, не рухнул. Но что это такое — мой мир?

Мне говорили: вот тебе твоя рента в 3000 марок в Париже, и лучше было бы этим и обходиться. Всякий раз, если я превышала сумму на счете, я впадала в немилость. Ален однажды назвал Блатцхайма гнусной задницей. Это было в Лугано. Да и я раньше говорила то же самое, может, не так грубо. Я же была слишком хорошо воспитана и думала о своей матери. Но теперь это уже ничему не поможет, денег нет. Алена нет. Блатцхайм мёртв. Мама теперь может сказать: неужели всё и правда было так плохо, дитя моё? И я бы её поняла. Я уважаю мою мать, моего брата, моих детей, в том-то всё и дело.

...Ничего общего с отцом. Скажем так: со вторым мужем моей матери... это был мещанский мир, и мне надо было вырваться.

Я попыталась.

Нет, те времена прошли, я уже никому ничего не

выплачиваю, кроме того, мой нынешний брак, с Даниэлем Биазини, во Франции из-за формальной ошибки считается недействительным. Ещё во время свадьбы мы заключили брачный договор. Больше я об этом говорить не хочу, потому что дело о разводе сейчас ещё рассматривается.

Это была не страна Зисси, это был мир Зисси, был всюду, где бы я ни пребывала. Я была упакованная в вату и в комплименты юная дама и понимала, как быть вежливой. Но не всегда. Всё-таки я была молодой девчонкой...

Простите, что я скажу так по-простецки, но всё это в моей жизни могло бы сложиться гораздо лучше... Если я сегодня знакомлюсь с молодыми женщинами вроде Эвы Маттес... Она юная, талантливая, но вовсе не такая фотогеничная, как я была когда-то. Я думаю: и ты ведь могла бы так же. Ты ведь тоже имела шанс так же начать, вести нормальную жизнь. Немножко кино, потом театр. Эти молодые актрисы сегодня гораздо более уверены в себе, чем я была тогда... и чем я есть сегодня.

Я хотела жить, жить с Аленом. Это и на задворках могло бы быть. Хотела бы жить всё равно в каком захолустье. Но в то же время я хотела сниматься, я же любила свою профессию. Из этого внутреннего противоречия я так никогда и не выбралась.

Я верю в гармонию, да. Но самой счастливой я была тогда, когда была одна. Теперь это звучит шизофренически, да?

Может, я и смогу это объяснить. Девочкой я больше всего любила сидеть в комнате моего отца, которого больше не было в доме, он оставил мою мать, и там я была одна. Чего-то вроде этого я всегда искала, да и сейчас ищу.

Однажды я даже нашла это на несколько лет. Это было рядом с Висконти. Он придавал мне силу. Я была в него влюблена, но тогда не понимала, что и он тоже в меня влюблён — на свой лад. Все знали, что он — гомосексуалист, и я себя придерживала и не рискнула бы сказать ему, что я его люблю. Теперь слишком поздно.

Я искала кого-то, с кем я могла бы закрыться и жить. Жить с кем-то и меньше работать, не сниматься так много — но это у меня так и не вышло. Поэтому мне порой бывает скверно.

Я же сама за себя решаю, я могла бы теперь сказать: ну хватит. Никаких фильмов, никаких Зисси. Назад, в нормальную жизнь, обратно — в интернат...

Делон, он писал только записки. Самая «длинная» из них была, когда он меня бросил. Он вечно меня обманывал. Я была на съёмках в Америке. Вернулась, квартира в Париже — пустая, никого нет. Там стоял букет роз, и рядом — тот листок: «Уезжаю с Натали в Мексику, всего тебе хорошего. Ален».

Он был трусоват, но очень красив. Такой мещанский мачо. Ужасно честолюбивый, пёкся только о своей карьере, и ещё — чтобы набить квартиру картинами Ренуара.

Пять лет постоянного страха и «несовместности» с Делоном — этого тоже было достаточно. Это было больно. Больно. Я могла бы ему позвонить, если бы он был один.

Мы друг друга не ненавидим. Мы можем вспоминать друг друга, нам даже нравится. Всё это было уже так давно, и теперь уже вовсе не неприятно его увидеть.

Звоню я своей матери и нескольким друзьям. Нужно с кем-нибудь поговорить, когда тебе уже «ниже некуда»; это эгоистично, ясное дело. Стараешься не совсем уж изнемогать. В последние недели и месяцы я впервые почувствовала, кто мне в действительности друг — всё равно где, в Германии или во Франции.

Всех этих людей, кто говорит: звони, если тебе плохо, хоть днём, хоть ночью, — их ты можешь забыть. Если ты звонишь, то их никогда нет дома или они просят сказать, что их нет дома.

Это те, кто друзья только пока я ещё Роми Шнайдер. Пока ещё...

Я пытаюсь защитить себя, я должна этому научиться. Но моему мужу я не говорю ничего. Со мной останется мой сын, и я не позволю сделать ему больно. А это связано с тем, чтобы я начала наконец жить своей жизнью, если это ещё возможно... Всегда были только моменты, и поскольку моя жизнь на 80 процентов состояла из моей профессии, постольку оставались только моменты. С Аленом я надолго уезжала сниматься и говорила себе: вот проклятье, ну почему я не могу работать с Рене Клеманом?

Что же я должна делать, ведь я больше ничему не училась. Мне больше не нравится на себя смотреть. Что я дам людям кроме Зисси, ещё одной Зисси...

Лени в «Групповом портрете с дамой» была очень важной для меня ролью. Ещё и потому, что эта Лени была такая немецкая, такая немецкая... Но прежде всего потому, что я познакомилась с Бёллем. Вот тогда я хорошо себя чувствовала. Его дом — совсем без бутафории, там всё в порядке. Когда я вошла, там стоял рождественский венок со свечками. Он сидел спокойно у стола, и он сразу мне понравился, и всё, что его окружало. Он был со мной совсем прост. Он сказал: вот там туалет, Роми, там, направо. Думаю, я ему тоже понравилась. Вообще мне нравятся все ужасные роли. Например, «Адское трио», вот это было хорошо, я же ничего общего не имею с этой ролью, я не она, и я вовсе не должна была там быть милой. Ещё важный был фильм

«Процесс» с Орсоном Уэллсом... Но я должна сниматься. Мне нужны деньги.

Нет, в этом году я ещё должна сниматься, а потом можно бы и передохнуть. Я даже должна передохнуть, поискать что-нибудь для себя.

Подходящее жильё — это же нормально?

Вот это было бы здорово. Но никто ничего такого не сказал. Сейчас я слишком изнурена, чтобы защитить себя.

Такие вещи вы не можете понять, потому что это не ваша профессия. К тому же сейчас мне правда тяжело смотреть на себя.

Возможно, мне и правда пора сделать перерыв, а потом несколько лет играть в театре, в том городе, где я чувствовала бы себя дома. И это совсем не обязательно Париж, мог бы быть Берлин или Гамбург.

Дом? Во-первых, его нет. Во-вторых, есть ещё только место в прекрасном квартале Парижа, где воняет бутафорией, дом, который мне не нравится, и в-третьих, это будет там, потому что ничего другого не нашлось. Я ищу жильё для себя и своих детей.

Потому что не так просто оттуда убраться, потому что никогда ещё мне это не удавалось.

Это было бы хорошо, я думаю, но никогда ещё не получалось.

Я немногое могу обдумать из своего детства, потому что оно вообще-то состояло из кино.

Значит, просто жить дальше — или сниматься дальше. Я буду жить дальше — правильно, да?

Май 1981 года

Даниэль оставил меня в полном хаосе. Я возбуждаю дело о разводе.

Письмо матери Даниэля Биазини
Конец мая 1981 года

До сегодняшнего дня я не хотела разрушать для Давида образ Даниэля. В этот момент Вы можете сделать хорошую мину, хотя мне было бы легко всё изменить. Я не делаю этого из-за Давида. И если бы Вы действительно любили этого ребёнка, то оставили бы его в неведении относительно тех вещей, которые сделали бы его глубоко несчастным.

3 июля 1981 года

Мой четырнадцатилетний сын Давид и я — у нас с ним очень близкие и полные любви отношения. Он для меня чудесный спутник. Он восхищается моей профессией, не робеет давать советы или поправлять моё произношение, когда мне не удается

взять с бою какой-то звук. Я думаю, возможно, он будет актёром или режиссёром.

В августе мы с Мишелем Пикколи начнём давно запланированный фильм «Прохожая из Сан-Суси». Полагаю, что я преодолею все трудности и буду во всеоружии. Я вообще не устала.

5 шюля 1981 года

Мама, мой ребёнок... Мой ребёнок умер...

1981-1982
Где взять силы, чтобы жить дальше?

«Прохожая из Сан-Суси»

Борьба в эти месяцы суровая, и нет таких ударов судьбы, что обошли бы Роми стороной. Она мечется, меняет свои квартиры, прячется от репортёров и фотографов. Мысль о фильме, который был отложен из-за её операции и смерти Давида, заставляет её держаться. Это «Прохожая из Сан-Суси», проект, который предложила она сама. 12 октября в Берлине начинаются съёмки у режиссера Жака Руффио, с партнёром Мишелем Пикколи. Она создаёт волнующие образы в двойной роли — Эльзы и Лины. Из последних сил и всё же с несокрушимой силой играет она в этом фильме вместе с двенадцатилетним еврейским мальчиком. Живёт одна в берлинском отеле, попеременно принимая снотворное и возбуждающие препараты. В начале 1982 года едет с Сарой и своим новым спутником жизни Лораном Петеном на Сейшелы. Покупает дом в Буасси, в 70 километрах от Парижа. Она хочет жить в деревне, забыться, работать, обрести мир и покой. 14 апреля 1982-го проходит премьера «Прохожей из Сан-Суси». В подробном интервью двум ведущим парижским журналистам Роми рассказывает о работе над этим фильмом, об идее и её воплощении, о том, чего ей стоило выдержать эти съёмки.

Утром 29 мая 1982 года Роми Шнайдер умирает от остановки сердца. Похоронена она 2 июня в Буасси-санз-Авуар. Позднее она и её сын перезахоронены в общей могиле. На надгробии значится «Роземари Альбах» — её наречённое имя; у Давида обозначены только имя и дата рождения.

Сейшелы, 5 февраля 1982 года

Моя милая мама и Хорст — я хотела бы здесь быть шесть месяцев в году — тут меня никто не принуждает. Остальные шесть месяцев путешествовать, немного работать. Рай!!!

Здесь у нас маленькое бунгало, у всех — такие же, хороший ресторан, ласковое море, пальмы и кокосовые орехи — мы их собираем по пути утром и вечером.

На пляже нагишом, а в других местах босиком по ракушкам — вот это жизнь!

До скорого — целую, целую! Ваши Роми, Сара, Лоран...

Телефонный разговор с её матерью Магдой Шнайдер
18 февраля 1982 года

Тебе хорошо. Ты уютно сидишь у камина. У тебя ещё есть твой сын. Но я? Я уже конченая женщина. И это в 43 года.

Отцу Сары — Даниэлю Биазини
9 марта 1982 года

Вчера вечером моя дочь мне сказала: не плюй в людей, которые тебя любят. Это она не сама придумала. Это исходит от тебя... Я никогда не говорила при моей дочери что-то плохое о тебе. Ни разу. Я прошу тебя ради Сары... мою бедную девочку так же используют, как моего Давида...

Апрель 1982 года

Я уже давно натолкнулась на материал «Прохожей». Когда точно это было, мне уже не вспомнить. Прочитала книгу и поняла, что хочу быть Эльзой. Шли годы, но Эльза так меня и не покидала. Когда мы снимали в 1978-м «Простую историю», «Прохожая» вернулась. Мы снимали в декорациях сцену с матерью Марии — её играла Мадлен Робинсон, которую я высоко ценю. Она заговорила со мной об этом материале, сказала: почитай «Прохожую из Сан-Суси»! А я ведь это уже сделала. Но потом у меня всё время было много работы, может, слишком много.

Наконец, однажды вечером в «Клозери де Лила» мы с моим агентом Жаном-Луи Ливи обсуждали мои планы. Я упомянула «Прохожую из Сан-Суси».

— С кем ты хотела бы снять этот фильм?

— Только с одним человеком во Франции, с Жаком Руффио, — ответила я не задумываясь. После его «Горизонта» (1967), «Семи смертей по рецепту» (1975), «Сахара» (1979) мне это было ясно. Я очень надеялась, что он это примет. И он это принял. Я была горда, ведь это было в первый раз в моей карьере, чтобы я сама инициировала проект.

Итак, Жак Руффио начал писать сценарий с Жаком Кирснером. Действие романа Жозефа Кесселя начинается в 1937-м. Оба понимали, конечно, что историю надо продолжить и эмоционально насытить. Прошлое, извлечённое на свет Божий, тащит за собой трагедию вплоть до сегодняшнего дня. Эльза убита. Она погибла из-за безумия нацистов. И Лина тоже умрёт. Жертва другого безумия. Руффио и Кирснер дают понять, что ничего ещё не кончилось.

В 1981-м я уже играла две роли, в фильме «Призрак любви» у режиссёра Дино Ризи. И вот теперь снова была двойная задача.

Страха у меня не было, но опасались Руффио и Кирснер. Они сомневались в том, что я справлюсь с двойной ролью и с тем, что нужно сыграть большую протяжённость во времени. Сначала я не верила: думала, они шутят. Но Жак Руффио написал мне прекрасное письмо, признался в своих сомнениях. Это навело меня на мысль, что я могла бы кого-то запугать. Вечно мне кто-нибудь говорил: «Ну-ка покажи, отчитайся, что ты собой представляешь в своей профессии!» Это меня не интересовало. Этим я была уже сыта по горло; у меня в сумочке всегда с собой зеркало. Я себя знаю. Мой образ мне безразличен. Как это можно — говорить мне, что я себя не знаю? Знаете ли, есть люди, которых ты встречаешь после бессонной ночи, и они тебе говорят: «Ах, как вы прекрасно выглядите! Вы такая красивая сегодня вечером!..» Хоть плачь, хоть смейся.

Вы сказали — большая «романическая» роль? Посмотрите, у меня есть юмор, хотя мне в нём обычно отказывают. Да, Эльза и Лина у меня получились. При этом Жак Руффио очень помог мне, хотя он позволял мне играть инстинктивно, ни разу не делал повторных дублей, полагая, что я сразу выдаю максимум. Хотя не следует всегда полностью доверяться инстинкту. Потому что тогда однажды можешь оказаться брошенной на произвол судьбы. Кроме того, я и сама работаю. Я пишу на маленьких клочках всякие подсказки, делаю пометки к фильму, к персонажам: «Лина делает то», «Эльза делает это». Этот способ работы у меня уже давно.

Жак Руффио, работая со мной, просто говорил очень точные вещи. Например, в сцене в кабаре «Раджа» в Берлине, где Эльза напивается и губит себя, он сказал мне только: «Германия разрушает себя, и Эльза разрушает себя...» Здорово, правда?

Настоящее открытие — Жерар Клейн. Да-да! Он играет моего друга Мориса Буйяра. И он очень значителен. Вначале он чуть не умер от страха. Я от всего сердца хотела ему помочь, как это у меня, кажется, получилось с Жаком Дютронком в фильме Жулавского «Главное — любить».

В чём выражается поддержка дебютантов? Я просто всегда тут. Я требую, чтобы меня вызывали, когда нужно подавать реплики. Без ложной скромности уверяю вас, что при этом я испытываю боязнь сцены даже сильнее, чем когда сама играю свой эпизод.

Снова я играю с моим замечательным партнёром Мишелем Пикколи. Да, Жак Руффио сказал нам:

— С вами не нужно репетировать, всё и так пойдёт как надо. Все пробы уже сделаны.

Всегда начинают с того, что обмениваются комплиментами:

«Ты лучшая!» — «Нет, нет, ты лучше всех!» И в драматических сценах или на полутонах я могу быть лучше. А для равновесия в тех местах, где нужно смеяться, — вот там он босс. Я склоняюсь к тому, чтобы сдерживать смех, просто прищуриваясь. Но когда в его глазах вспыхивают искры, долго мне не вытерпеть. Хотите знать, что он написал обо мне в своей книге «Диалоги эгоиста»? Сначала — что я актриса, которая сама сотворяет свои роли, — конечно, мне это понравилось. А потом ещё вот что: «Мы переживаем важный момент, когда снова находим друг друга, чтобы три месяца сниматься вместе. Где многие люди должны открыто выказывать взаимную склонность, нам с Роми дана счастливая возможность молча понимать друг друга. В работе требуется много интимных вещей. С Роми это не превращается ни в каприз или причуду, ни в любовную связь. Это такое особое предприятие — „общество с неограниченным доверием“».

Эльза поёт потрясающую песню. Это стихотворение Гейне, из «Книги песен». Необыкновенное стихотворение 1822 года.

Была ты из самых верных,
Всегда за меня стояла,
Утехою мне бывала
В моих невзгодах безмерных.
Взаймы мне давала помногу,
Поила и кормила,
Бельём бескорыстно снабдила
И паспортом на дорогу.
Храни тебя Бог, моё счастье,
От зноя, от замерзанья, —
Не дай лишь тебе воздаянья
За такое ко мне участье! [40]

Эти стихи говорят точно о том, о чём Эльза могла бы сказать тем, кто особенно помогает ей с Шарлоттой, — но сама я не пою.

Запись отличная. Я над ней тоже серьёзно работала. Много занималась с Анной-Лаурой Нагорзен, прослушала кассету больше тысячи раз. Звукоинженер Уильям Зивель был очень доволен озвучанием. И что за муку я ему уготовила! Я ошибаюсь, мою артикуляцию трудно разобрать, потому, что я говорю очень тихо. Он прерывает наш диалог с Шарлоттой, поднимает наушники:

— Пожалуйста, громче! Я ничего не слышу.

И мы опять начинаем шептаться.

— Милые дамы, вы, конечно, думаете, но вы не разговариваете!

Мило, правда?

Работали всё время дружно. Только однажды я пришла в ярость. Как-то раз, перед тем как нам нужно было выйти на площадку, Руффио захотел изменить мой текст. Я это ненавижу. Я потратила столько времени, чтобы выучить текст, чтобы его усвоить, овладеть им... Я толкнула большую дверь и заорала:

— Нет и ещё раз нет! Я и так спины не разгибаю! Дело сделано. Теперь слишком поздно!

И встретилась глазами с потемневшим взглядом Жака. Всё тут же было улажено.

Произошло это в Берлине, на студии. Я там уже снималась. Это точно. Но ни разу — после «Девушек в униформе» в 1958-м, и потом был ещё «Групповой портрет с дамой» в 1976-м. Здесь ничего не изменилось. В этом есть даже что-то ужасное. Моё отношение к Германии и к немецкому кино не сказать чтобы хорошее. Я думаю, они меня так и не простили — и никогда не простят.

Берлин для меня — особенный город. Здесь родился мой сын. И здесь я провела три прекраснейших, самых счастливых года моей жизни.

Первый кадр «Прохожей из Сан-Суси» — посвящение: «Давиду и его отцу». Я так захотела. Жак Руффио был на этот счёт не уверен. Думаю, постеснялся. Он мне сказал:

— Мне кажется, это что-то очень уж личное.

Я ему ответила:

— Что сегодня ещё осталось личного?

Кажется, всё принадлежит всем. Значит, уж если я принадлежу всем, то пусть все и знают, что принадлежало мне и что я потеряла... Жак Руффио меня понял.

Посвящение — на экране. Ладно, это моё собственное дело. Никто не знает ответа на простой вопрос, почему всё так дорого. За всё надо так дорого платить.

В 1977-м я объявила: мне исполнилось 50 фильмов. Как люди говорят — мне исполнилось 50 лет. Это моя вершина? Не знаю. Для меня «Прохожая из Сан-Суси» — больше чем просто фильм. Много, много больше!

Апрель 1982 года

Я хотела бы сказать “Life must go on” [41]. Определённо есть моменты, когда так хочется опустить занавес и ничего больше не иметь общего со своей профессией. Но я же чувствую ответственность. Я ведь не одна. Потому и должна жить дальше. Я буду продолжать делать своё дело как можно лучше. Нужно идти дальше, останавливаться нельзя. Разве что поразмыслить

несколько мгновений, а потом продолжать. Стоять на месте — это для меня невозможно.

Восстаёшь против несчастий, и это длится всю жизнь. Даже если публика проявляет сочувствие, это не утоляет боли.

Съёмки «Прохожей из Сан-Суси» пришлось отодвинуть из-за моей операции. Но как только врачи разрешили, я была готова работать. Может быть, я устала, но работа всегда придаёт мне физические и моральные силы. А что касается мучительных для меня сцен с маленьким Максом, то тут мне очень помог Жак Руффио.

Я всегда хотела играть эту «Прохожую». Для актрисы существует работа, и существует жизнь. Они не смешиваются. Для меня в этом — сила, не знаю, откуда она берётся, но она всегда тут. Знаю, что бывают болезненные моменты, — не только из-за нескольких повторений, но и потому, что моя профессия вообще очень жёсткая. Мои настоящие друзья, которым я доверяю, говорили мне: «Лучше всего для тебя — то, что ты можешь работать». Даже Симона Синьоре дала мне по телефону тот же совет. Не то чтобы я хотела работать как раньше, по три фильма в год за счёт своей личной жизни. Так я больше не хочу. Но мне необходим этот страх, что охватывает меня в студии. Он меня заводит. Подталкивает меня к работе, раз уж мне это нужно, и позволяет хоть немного забыться. Немецкая ревность, я думаю, да. Но несмотря на всех моих «Зисси», я им всё-таки не принадлежу.

Я выбрала страну, и эта страна уже давно приняла меня с распростёртыми объятиями; там я была счастлива.

Моя мать снялась более чем в шестидесяти фильмах, прежде чем остановилась. Моя бабушка с отцовской стороны играла и в восемьдесят лет. Я, правда, не хотела бы так работать и дожить до 105 лет, как она.

Отец моего сына, как и многие другие, был в девятнадцать лет депортирован. Это реальность, и её не забыть.

У меня очень мало воспоминаний об этом времени. Я же была ребёнком. Мои родители расстались, когда мы с братом были ещё малы. Напрямую нас это не затронуло. Я только помню, как мама плакала в рождественский вечер, потому что осталась с нами одна. Но фильм в той же степени относится и к нашему времени, ведь если подумать, — Земля крутится скорее к худшему.

Вся команда просто влюбилась в этот фильм. Взаимопонимание во время съёмок было просто фантастическое. Так, кстати, не всегда бывает.

Я ещё не была взрослой, не так уж много размышляла об этом, многого не понимала. Но с тех пор произошли события,

которые меня очень глубоко затронули и показали, что в действительности ничего не изменилось.

Давид читал этот сценарий. Сказал мне, что ему понравилось. Конечно, он не всё мог понять, хотя для своего возраста он был очень зрелым. Он просто хотел, чтобы я снялась в этом фильме.

Я хотела, чтобы режиссёром на картине был Жак Руффио, потому что восхищалась всеми его фильмами. Что он говорил и вообще его манера высказываться — всё это меня полностью убеждало. Это бывает довольно редко. Я уже давно хотела с ним работать. А потом мы — он, его семья и я — подружились. Я могла им звонить, навещать, говорить обо всём на свете.

У него вообще невероятная способность к пониманию. Он угадывает, если что-то причиняет мне боль. Он всегда знает, что мне нужно сказать. Это человек, который относится к актёрам с уважением. Он вообще единственный, кто сказал мне: «Это вовсе не так уж весело — каждый день выполнять актёрские задачи». Это меня поразило. Никогда еще режиссёры не говорили мне чего-то подобного.

То, что я в ком-то нуждаюсь, верно только отчасти. Так со мной было. Но сегодня это уже не мой случай. Я стала более зрелой и поняла, насколько трудно тем людям, кто постоянно находится в тени, придавать нам уверенность и к тому же выносить наше изменчивое настроение. Нет никакого права требовать от своих близких, чтобы они бесконечно несли наш груз. Теперь я точно знаю, насколько я взбалмошная, несносная особа. Я уже отказалась от претензий постоянно иметь рядом кого-то, кто брал бы на себя мои страхи, мою неуверенность, мою истеричность. Теперь я больше уважаю других. Давид приходил на студию ко мне, часто. Сейчас, после трагедии, у меня осталась Сара, но ей ещё только четыре с половиной года, она слишком маленькая, чтобы приходить на студию.

Живу я сейчас в отеле, потому что не могу находиться в обстановке, которая напоминает мне о сыне и о том, как мы с ним были счастливы вместе. Подыскиваю новый дом, чтобы начать жить заново и преодолеть своё горе.

Горе, которое мне не забыть никогда.

У меня нет страха состариться. Нет. Это, кстати, вовсе не специальная женская проблема. Знаете, как я относилась к этому знаменитому Женскому дню? Я спрашивала себя, не организовать ли подобный Мужской день. Потому что — что думают все эти женщины? Может, что у мужчин нет своих проблем и своих страхов? Вы полагаете, что они неуязвимы? Есть вещи, которые меня возмущают, и те, которые я нахожу почти смешными. Но я

люблю мужчин, я не могу без них жить.

Я принимаю возрастные женские роли. Да. Для меня важна сама роль, а уж потом возраст персонажа.

Если вдруг однажды успех уйдёт от меня, вот тогда я познаю безмерное одиночество.

Телефонный разговор с её братом Вольфдитером Альбахом
Май 1982 года

Ничего не выйдет, ничего у меня не получится...

Фильмография [42]

1953

Когда вновь расцветает белая сирень (Wenn der weiße Flieder wieder blüht)

ФРГ. Режиссёр Ханс Деппе. В ролях: Роми Шнайдер (Ева Форстер), Магда Шнайдер, Вилли Фрич, Пауль Клингер, Альберт Флорат, Нина фон Порембски, Гёц Георге.

1954

Фейерверк (Feuerwerk)

ФРГ. Режиссёр Курт Хоффманн. В ролях: Роми Шнайдер (Анна Оберхольцер), Лили Пальмер, Карл Шенбок, Клаус Бидерштедт, Вернер Хинц, Кете Хаак, Рудольф Фогель, Лина Карстенс, Лизль Карлштадт, Эрнст Вальдов.

Юность королевы (Mädchenjahre einer Königin)

Австрия. Режиссёр Эрнст Маришка. В ролях: Роми Шнайдер (Виктория), Адриан Ховен, Магда Шнайдер, Карл-Людвиг Диль, Пауль Хербигер.

1955

Гроссмейстеры Тевтонского ордена (Die Deutschmeister)

Австрия. Режиссёр Эрнст Маришка. В ролях: Роми Шнайдер (Констанца Хюбнер), Магда Шнайдер, Зигфрид Бройер-мл., Ханс Мозер, Пауль Хербигер, Гретль Шерг, Вольфганг Лукши, Адриенна Гесснер, Сузи Николетти, Йозеф Майнрад.

Последний человек (Der letzte Mann)

ФРГ. Режиссёр Харальд Браун. В ролях: Роми Шнайдер (Нидди Хевельманн), Ханс Альберс, Йоахим Фуксбергер, Рудольф Форстер, Михаэль Хельтау, Камилла Спира.

Зисси (Sissi)

Австрия. Режиссёр Эрнст Маришка. В ролях: Роми Шнайдер (принцесса Елизавета Баварская, называемая Зисси), Карлхайнц Бём, Магда Шнайдер, Густав Кнут, Ута Франц, Вильма Дегишер, Йозеф Майнрад.

1956

Зисси, молодая императрица (Sissi, die junge Kaiserin)

Австрия. Режиссёр Эрнст Маришка. В ролях: Роми Шнайдер

(Зисси, императрица Елизавета), Карлхайнц Бём, Густав Кнут, Магда Шнайдер, Йозеф Майнрад, Сента Венграф, Вильма Дегишер, Вальтер Райер.

Китти и большой свет (Kitty und die große Welt)

ФРГ. Режиссёр Альфред Вайдеманн. В ролях: Роми Шнайдер (Китти Дюпон), Карлхайнц Бём, О. Е. Хассе, Пер Шмидт, Шарль Ренье.

Робинзон не должен умереть (Robinson soll nicht sterben)

ФРГ. Режиссёр Йозеф фон Баки. В ролях: Роми Шнайдер (Мод Кэнтли), Хорст Буххольц, Эрих Понто, Магда Шнайдер, Матиас Виман, Густав Кнут, Герт Фрёбе.

1957

Монпти (Monpti)

ФРГ. Режиссёр Хельмут Койтнер. В ролях: Роми Шнайдер (Анн-Клер), Хорст Буххольц, Бой Гоберт, Бум Крюгер.

Скамполо (Scampolo)

ФРГ. Режиссёр Альфред Вайдеманн. В ролях: Роми Шнайдер (Скамполо), Пауль Хубшмид, Виктор де Кова, Элизабет Фликеншильдт, Георг Томалла, Вальтер Рилла, Ева Мария Майнеке, Петер Карстен, Вилли Милович, Вольфганг Валь.

Судьбоносные годы императрицы (Schicksalsjahre einer Kaiserin)

Австрия. Режиссёр Эрнст Маришка. В ролях. Роми Шнайдер (императрица Елизавета), Карлхайнц Бём, Магда Шнайдер, Густав Кнут, Йозеф Майнрад, Вильма Дегишер, Вальтер Райер, Ута Франц, Сента Венграф.

1958

Девушки в униформе (Mädchen in Uniform)

ФРГ — Франция. Режиссёр Геза Радваньи. В ролях: Роми Шнайдер (Мануэла фон Майнхардис), Лили Пальмер, Тереза Гизе, Сабина Синьен, Кристина Кауфман, Бландина Эбинджер.

Кристина (Christine)

Франция — Италия. Режиссёр Пьер-Гаспар Уит. В ролях: Роми Шнайдер (Кристина Вайринг), Ален Делон, Жан-Клод Бриали, Софи Гримальди, Мишлен Прель, Фернан Леду.

Полунежная (Die Halbzarte)

Австрия. Режиссёр Рольф Тиле. В ролях: Роми Шнайдер

(Николь Дассау и Ева), Карлос Томпсон, Магда Шнайдер, Рудольф Форстер, Йозеф Майнрад, Гертрауд Йессерер.

1959

Ангел на земле (Ein Engel auf Erden / Mademoiselle Ange)

ФРГ — Франция. Режиссёр Геза Радваньи. В ролях: Роми Шнайдер (ангел и стюардесса), Анри Видаль, Жан-Поль Бельмондо, Мишель Мерсье, Эрнст Вальдов.

Прекрасная лгунья (Die schöne Lügnerin / La belle et L'Empereur)

ФРГ — Франция. Режиссёр Аксель фон Амбессер. В ролях: Роми Шнайдер (Фанни Эмметсридер), Жан-Клод Паскаль, Хельмут Лонер, Шарль Ренье, Ханс Мозер, Йозеф Майнрад, Марсель Марсо, Хельмут Квальтингер.

Катя, некоронованная царица (Katja)

Франция. Режиссёр Роберт Сиодмак. В ролях: Роми Шнайдер (Катя Долгорукая), Курд Юргенс, Пьер Бланшар, Антуан Бельпетр, Моник Мелинан, Марго Лион.

1960

Послание Лисистраты (Die Sendung der Lysistrata)

ФРГ, телевидение NDR. Режиссёр Фриц Кортнер. В ролях: Роми Шнайдер (Миррин / Уши Хельвиг), Барбара Рюттинг, Карин Кернке, Рут-Мария Кубичек, Петер Аренс, Вольфганг Килинг, Карл Лиффен.

1961

Нельзя ее развратницей назвать (Dommage qu'elle soit une putain)

Франция, Театр де Пари. Спектакль в двух актах по пьесе Джона Форда. Режиссёр Лукино Висконти. В ролях: Роми Шнайдер (Аннабелла), Ален Делон, Валентина Тессье, Пьер Ассо, Даниэль Сорано, Сильвия Монфор.

Боккаччо-70 (Boccaccio'70)

Италия — Франция. Режиссёр Лукино Висконти. В ролях: Роми Шнайдер (Пупé), Томас Милиан, Паоло Стоппа, Ромоло Валли.

Поединок на острове (Le combat dans l'île)

Франция. Режиссёр Ален Кавалье. В ролях: Роми Шнайдер (Анна), Жан-Луи Трентиньян, Анри Серр, Пьер Ассо, Диана Лепорье.

1962

Чайка (La mouette)

Спектакль в 4 актах по пьесе А. П. Чехова. Режиссёр Саша Питоев. В ролях: Роми Шнайдер (Нина), Саша Питоев, Пьер Пало, Люсьен Лемаршан.

Процесс (Le procès / Der Prozeß)

Франция — Италия — ФРГ. Режиссёр Орсон Уэллс. В ролях: Роми Шнайдер (Лени), Энтони Перкинс, Жанна Моро, Эльза Мартинелли, Мадлен Робинсон, Орсон Уэллс, Аким Тамиров, Фернан Леду.

Победители (The Victors)

США. Режиссёр Отто Преминджер. В ролях: Роми Шнайдер (Регина), Джордж Хэмилтон, Джордж Пеппард, Джеймс Митчем, Питер Фонда, Эли Уоллах, Розанна Скьяффино, Мелина Меркури, Жанна Моро, Эльке Соммер, Майкл Каллан, Альберт Финни, Сента Бергер.

1963

Кардинал (The Cardinal)

США. Режиссёр Отто Преминджер. В ролях: Роми Шнайдер (Анна-Мари Ледебур), Том Трайон, Раф Валлоне, Джон Хьюстон, Бёрджес Мередит, Йозеф Майнрад, Кэрол Линли, Джон Сэксон, Питер Век.

1963-1964

Одолжи мне своего мужа (Good Neighbour Sam)

США. Режиссёр Дэвид Свифт. В ролях: Роми Шнайдер (Дженет Лагерлоф), Джек Леммон, Майкл Коннорс, Эвард Дж. Робинсон, Дороти Провайнс.

1964

Ад (L'enfer)

Франция (неоконченный). Режиссёр Анри-Жорж Клузо. В ролях: Роми Шнайдер (Одетт Приёр), Дэни Керрел, Серж Реджиани, Жан-Клод Берк.

Что нового, киска? (What's New Pussycat?)

Великобритания — Франция. Режиссёр Клайв Доннер. В ролях: Роми Шнайдер (Кэрол Вернер), Питер Селлерс, Питер О'Тул, Капучин, Пола Прентисс, Вуди Аллен, Урсула Андресс, Хауард Вернон.

1965

В половине одиннадцатого летним вечером (10.30 P.M. Summer)

США — Испания. Режиссёр Жюль Дассен. В ролях: Роми Шнайдер (Клер), Мелина Меркури, Питер Финч, Хулиан Матеос, Исабель Мария Перес.

1966

Труба № 4 / Воровка (Schornstein Nr. 4 / La voleuse)

ФРГ — Франция. Режиссёр Жан Шапо. В ролях: Роми Шнайдер (Юлия Кройц), Мишель Пикколи, Ханс-Кристиан Блех, Соня Шварц.

Шпион на два фронта (Triple Cross / Spion zwischen zwei Fronten)

Великобритания — Франция — ФРГ. Режиссёр Теренс Янг. В ролях: Роми Шнайдер (графиня), Кристофер Пламмер, Герт Фрёбе, Тревор Хауард, Харри Мейен, Юл Бриннер.

1968

Отли (Otley)

Великобритания. Режиссёр Дик Клемент. В ролях: Роми Шнайдер (Имоджин), Том Кортни, Алан Бадел, Джеймс Вильерс.

Бассейн (La piscine)

Франция — Италия. Режиссёр Клод Соте. В ролях: Роми Шнайдер (Марианна), Ален Делон, Морис Роне, Джейн Биркин.

1969

Инцест (My Lover, My Son)

Великобритания. Режиссёр Джон Ньюлэнд. В ролях: Роми Шнайдер (Франческа Андерсон), Дональд Хьюстон, Деннис Уотермен, Патрисия Брейк.

Мелочи жизни (Les choses de la vie)

Франция — Италия. Режиссёр Клод Соте. В ролях: Роми Шнайдер (Элен), Мишель Пикколи, Леа Массари, Жерар Латиго.

1970

Кто? (Qui?)

Франция — Италия. Режиссёр Леонард Кейгель. В ролях: Роми Шнайдер (Марина), Морис Роне, Габриэль Тинти, Симона Бах.

Цветущее поле (Bloomfield)

Великобритания — Израиль. Режиссёр Ричард Харрис. В ролях: Роми Шнайдер (Нира), Ричард Харрис, Ким Бёрфилд, Морис Кауфман.

Калиффа (La Califfa)

Италия — Франция. Режиссёр Альберто Бевилаква. В ролях: Роми Шнайдер (Калиффа), Уго Тоньяцци, Роберто Бизакко, Марина Берти.

Макс и жестянщики (Max et les ferrailleurs)

Франция — Италия. Режиссёр Клод Соте. В ролях: Роми Шнайдер (Лили), Мишель Пикколи, Бернар Фрессон, Джордж Уилсон, Франсуа Перье.

1971

Убийство Троцкого (Die Ermordung Trotzkis)

Франция — Италия — Великобритания. Режиссёр Джозеф Лоузи. В ролях: Роми Шнайдер (Гита Сэмьюэлс), Ален Делон, Валентина Кортезе, Ричард Бартон.

1972

Людвиг (Ludwig II)

Италия — Франция — ФРГ. Режиссёр Лукино Висконти. В ролях: Роми Шнайдер (Елизавета Австрийская), Хельмут Бергер, Тревор Хоуард, Сильвана Мангано, Герт Фрёбе, Хельмут Грим, Фолькер Бонет, Джон Маулдер-Браун.

Сезар и Розали (Cesar und Rosalie)

Франция — Италия — ФРГ. Режиссёр Клод Соте. В ролях: Роми Шнайдер (Розали), Ив Монтан, Сэми Фрей, Умберто Орсини, Изабель Юппер, Ева Мария Майнеке.

1973

Поезд (Le Train)

Франция — Италия. Режиссёр Пьер Гранье-Дефер. В ролях: Роми Шнайдер (Анна Купфер), Жан-Луи Трентиньян, Нике Арриги, Франко Мацциери.

Любовь под дождём (Un amour de plui)

Франция — ФРГ — Италия. Режиссёр Жан-Клод Бриали. В ролях: Роми Шнайдер (Элизабет), Нино Кастельнуово, Сюзанна Флон, Мехди Эль, Жан-Клод Бриали.

Взбесившийся барашек (Le mouton enragé)

Франция — Италия. Режиссёр Мишель Девиль. В ролях: Роми Шнайдер (Роберта Граут), Жан-Луи Трентиньян, Джейн Биркин, Жан-Пьер Кассель, Флоринда Болкан.

1973-1974

Адское трио (Trio Infernal)

Франция — Италия — ФРГ. Режиссёр Франсис Жиро. В ролях: Роми Шнайдер (Филомена Шмидт), Мишель Пикколи, Маша Гонска, Моника Фьорентини, Андреа Ферреоль.

1974

Главное — любить (L'important c'est d'aimer / Nachtblende)

Франция — ФРГ — Италия. Режиссёр Анджей Жулавский. В ролях: Роми Шнайдер (Надин Шевалье), Фабио Тести, Жак Дютрон, Клаус Кински.

Невинные с грязными руками (Les innocents aux mains sales / Die Unschuldigen mit den schmutzigen Händen)

Франция — Италия — ФРГ. Режиссёр Клод Шаброль. В ролях: Роми Шнайдер (Жюли Вормсер), Род Стайгер, Паоло Джусти, Жан Рошфор.

1975

Старое ружьё (Le vieux fusil / Das alte Gewehr)

Франция — ФРГ. Режиссёр Робер Энрико. В ролях: Роми Шнайдер (Клара), Филипп Нуаре, Каролин Бономм, Катрин Делапорте, Жан Буиз, Мадден Озерей.

1976

Женщина в окне (Une femme à sa fenêtre / Die Frau am Fenster)

Франция — Италия — ФРГ. Режиссёр Пьер Гранье-Дефер. В ролях: Роми Шнайдер (Марго Санторини), Филипп Нуаре, Виктор Лану, Умберто Орсини, Делия Боккардо.

Мадо (Mado)

Франция — Италия — ФРГ. Режиссёр Клод Соте. В ролях: Роми Шнайдер (Элен), Мишель Пикколи, Оттавия Пикколо, Жак Дютрон, Бернар Фрессон, Шарль Деннер.

1976-1977

Групповой портрет с дамой (Gruppenbild mit Dame / Portrait de groupe avec dame)

ФРГ — Франция. Режиссёр Александар Петрович. В ролях:

Роми Шнайдер (Лени Грюйтен), Брэд Дуриф, Мишель Галабрю, Вадим Гловна, Рихард Мюнх, Витус Цеплихаль, Фриц Лихтенхан, Рюдигер Фоглер.

1978

Простая история (Eine einfache Geschichte / Une histoire simple)

ФРГ — Франция. Режиссёр Клод Соте. В ролях: Роми Шнайдер (Мари), Бруно Кремер, Клод Брассёр, Франсин Берже, Вера Шродер, Питер Семлер.

1979

Кровная связь (Bloodline / Blutspur)

США — ФРГ. Режиссёр Теренс Янг. В ролях: Роми Шнайдер (Элен Мартин), Одри Хепбёрн, Бен Газара, Джеймс Мэйсон, Морис Роне, Омар Шариф, Герт Фрёбе, Клаудиа Мори, Ирен Папас.

Свет женщины (Clair de femme / Die Liebe einer Frau)

Франция — Италия — ФРГ. Режиссёр Константин Коста-Гаврас. В ролях: Роми Шнайдер (Лидия), Ив Монтан, Ромоло Валли, Лила Кедрова, Хайнц Беннент.

Прямой репортаж о смерти (La mort en direct / Der gekaufte Tod)

Франция — ФРГ. Режиссёр Бертран Тавернье. В ролях: Роми Шнайдер (Катрин Мортенхоу), Харви Кейтель, Харри Дин Стентон, Тереза Лиотар, Макс фон Сюдов.

1980

Банкирша (La Banquière)

Франция. Режиссёр Франсис Жиро. В ролях: Роми Шнайдер (Эмма Экхерт), Жан-Луи Трентиньян, Жан-Клод Бриали, Клод Брассёр.

1981

Под предварительным следствием (Garde à vue)

Франция. Режиссёр Клод Мюллер. В ролях: Роми Шнайдер (Шанталь Мартино), Лино Вентура, Мишель Серро, Ги Маршан.

Призрак любви (Fantasma d'amore)

Италия. Режиссёр Дино Ризи. В ролях: Роми Шнайдер (Анна), Марчелло Мастроянни, Ева Мария Майнеке, Вольфганг Прайс.

1982

Прохожая из Сан-Суси (La Passante du Sans-Souci / Die Spaziergängerin von Sans-Souci)

Франция — ФРГ. Режиссёры Жак Руффио, Жак Кирснер.

В ролях: Роми Шнайдер (Эльза Винер / Лина Баумштайн), Мишель Пикколи, Венделин Вернер, Хельмут Грим, Доминик Лабурье, Мария Шелл, Жерар Клейн, Матьё Карьер.

Интервью
«Я исчерпана до дна..»

Интервью с Роми Шнайдер, опубликованное в журнале «Штерн» 23 апреля 1981 года

(Шт. — «Штерн », Р.Ш. — Роми Шнайдер)

Шт.: Почему вы так пугаетесь, если некий человек подходит к вам и восхищённо спрашивает, правда ли, что вы — Зисси?

Р.Ш.: Потому что я ненавижу этот образ. Что ещё я дам людям, кроме этой вечной Зисси? Я ведь уже давно не Зисси и вообще никогда ею не была. Я — несчастная женщина 42 лет, и зовут меня Роми Шнайдер.

Шт.: Откуда французы вообще знают Зисси?

Р.Ш.: Все три фильма про Зисси трижды шли здесь по телевидению. Мой сын Давид сказал: мама, ты уж не сердись, но лучше я посмотрю вестерн по другой программе. Только моя маленькая дочка всё это посмотрела.

Шт.: И всё же почему Зисси даже двадцать лет спустя всё ещё проблема для вас?

Р.Ш.: Все эти фильмы были сняты в своё время, они ему соответствовали, и людям это понравилось. Но я не могу об этом говорить, как о многих других моих фильмах, не могу нормально реагировать, могу только повторять: нет, я не Зисси, я Роми Шнайдер, я всего лишь играла Зисси — давным-давно...

Шт.: Но с другой стороны вы — возмутительница общественного спокойствия, поскольку что бы с вами ни случилось — не важно, выкидыш, свадьба, развод или новый фильм, — поколение Зисси тут же принимается вопить, взывая к своей чистой, невинной императрице. И тогда для одних вы — шлюха, а для других — всё ещё мадонна, с которой мир сыграл злую шутку.

Р.Ш.: Я хочу покоя. Я ненавижу шумиху и паблисити, весь этот шоу-бизнес. И я вовсе не их Зисси, около которой они все до сих пор отираются. Конечно, тогда было чему радоваться, получив эту роль. Тогда это считалось чем-то вроде счастья.

Шт.: Редкостное счастье. Очень по-немецки: ваш отчим Блатцхайм, которого вы называли «Дэдди», и ваша мать Магда Шнайдер помогли этому счастью.

Р.Ш.: Я никого не хочу обижать, я благодарна моей матери, и

мне не в чем её упрекнуть.

Шт.: Может, это и есть ваша «проблема Зисси»? Не желаете никому причинять боль?

Р.Ш.: Это так, именно так, но скорее всего я просто не могу иначе, вот такие у меня жизненные установки. Я даже хотела поменять имя, ещё тогда, в Париже, на Розу Альбах. Но не позволила себе это сделать, чтобы не ранить мою мать. С другой стороны, я же тогда очень хорошо себя чувствовала как дочь и кинозвезда. Весь этот мир кринолинов, вальсов, флирта, всегда в декорациях от Маришки...

Шт.: Любая юная девушка реагировала бы так же. Но ведь сегодня вы знаете, что этот мир Зисси не имеет ничего общего ни с детством, ни с юностью, ни вообще с жизнью?

Р.Ш.: Сегодня — да, но ведь надо было ещё научиться это понимать. Всё, чему я научилась, я узнала из кино, — что-то больше, что-то меньше. В 14 лет я окончила школу и сразу же снялась в фильме «Когда вновь расцветает белая сирень».

Шт.: И значит, жизнь для вас — или кино, или как в кино.

Р.Ш.: Вот именно. Отсюда — моя проблема, почему мне сегодня так плохо. Я сделала слишком много фильмов. Но у меня же двое детей, я люблю их, а они нуждаются во мне.

Шт.: Сколько денег вы, собственно, заработали на фильмах о Зисси?

Р.Ш.: Этого я не знаю, правда. Я никогда не умела обращаться с деньгами, я только знаю, что главным образом на них зарабатывали другие, но денег больше нет. И я не сама их потратила.

Шт.: Стало быть, ваш отчим Блатцхайм их растранжирил?

Р.Ш.: Денег нет, баста. Я полагаю, последний ресторан, в который Блатцхайм вложил мои деньги, когда-то уже тоже потерпел крах. Он всегда обо всём заботился. За четвёртый фильм «Зисси» мне предлагали миллион марок наличными, но я наконец-то, первый раз, сказала — нет. Мне хватило всего этого по уши. Это было в Берхтесгадене. После скандала я ушла в свою детскую и закрылась. Это было так давно. Мне не хватает картинок для этих воспоминаний. Всё это меня больше не интересует, и всё-таки меня это по-прежнему касается. Весь этот тарарам может быть таким прекрасным, а я так его ненавижу. Однажды в Мадриде в аэропорту тысячи людей махали флажками, чуть ли не проткнули меня насквозь. А моя мать стояла позади меня и говорила: «Ну улыбайся же...»

Шт.: Но потом, когда вы двадцатилетней удрали к Алену Делону в Париж, вы больше не желали быть Зисси. И дальше всё пошло хорошо?

Р.Ш.: Да, в Париже всё пошло правильно. Я была влюблена, и была в Париже, и наконец-то без присмотра, — но: что за жизнь, что за жизнь из всего этого получилась...

Шт.: Это вы теперь так говорите, потому что не чувствуете почвы под ногами. Но ведь это же нормально — после стольких фильмов и после развода. Мир, однако, не рухнул.

Р.Ш.: Весь мир, конечно, не рухнул.

Шт.: И ваш мир — тоже.

Р.Ш.: Но что это такое — мой мир?

Шт.: А вот это мы сейчас как раз и пытаемся выяснить. Итак, вам было двадцать, вы заработали миллионы, которые находились у тех, кто так по-доброму и так бескорыстно о вас заботился, и Блатцхайм каждый месяц перечислял вам в Париж 3000 марок.

Р.Ш.: Мне говорили: вот тебе твоя рента — и лучше было бы этим и обходиться. Всякий раз, если я превышала сумму на счёте, я впадала в немилость.

Шт.: Ну и почему вы это позволяли?

Р.Ш.: Ален однажды назвал Блатцхайма гнусной задницей. Это было в Лугано. Да и я раньше говорила то же самое, может, не так грубо. Я же была слишком хорошо воспитана и думала о своей матери. Но теперь это уже ничему не поможет, денег нет. Алена нет. Блатцхайм мёртв. Мама теперь может сказать: неужели всё и правда было так плохо, дитя моё? И я бы её поняла. Я уважаю мою мать, моего брата, моих детей, в том-то всё и дело.

Шт.: Таким образом, вы разругались с экономическим гением Дэдди, с вашим отчимом...

Р.Ш.: ...ничего общего с отцом. Скажем так: со вторым мужем моей матери...

Шт.: ...который бахвалился своим богатством — перед вами, его курочкой, несущей золотые яйца...

Р.Ш.: ...это был мещанский мир, и мне надо было вырваться.

Шт.: Вашим родным отцом был Вольф Альбах-Ретти. Что он для вас сделал?

Р.Ш.: Мой родной отец не был по-настоящему отцом. Увы. Но сегодня я думаю: он слишком рано умер. Может быть, он стал бы мне отцом позже — когда я в нём нуждалась, когда вечно возле меня был тот, другой. Мой отец говорил мне ещё тогда: да плюнь, не волнуйся, я тоже считаю его, того другого, противным, брось волноваться.

Шт.: А потом вы научились обращаться с подобными дэдди, как бы они ни выглядели?

Р.Ш.: Я пытаюсь.

Шт.: Сказали бы вы и сегодня, как при разводе с Мейеном:

вот тебе половина моих денег, только впредь оставь меня в покое? Своему нынешнему мужу вы тоже выплачиваете?

Р.Ш.: Нет, те времена прошли, кроме того, мой нынешний брак во Франции из-за формальной ошибки считается недействительным. Ещё во время свадьбы мы заключили брачный договор. Больше я об этом говорить не хочу, потому что дело о разводе сейчас ещё рассматривается.

Шт.: Вернёмся в Париж. Значит, вы жили с Аленом Делоном и наконец вырвались из страны Зисси.

Р.Ш.: Это была не страна Зисси, это был мир Зисси, был всюду, где бы я ни пребывала. Я была упакованная в вату и в комплименты юная дама, которая понимала, как быть вежливой. Но не всегда. Всё-таки я была молодой девчонкой *(обрывает фразу)*.

Шт.: О чём вы сейчас подумали?

Р.Ш.: Простите, что я скажу так по-простецки, но всё это в моей жизни могло бы сложиться гораздо лучше... Если я сегодня знакомлюсь с молодыми женщинами вроде Эвы Маттес...

Шт.: ...театральная артистка...

Р.Ш.: ...да. Она юная, талантливая, но вовсе не такая фотогеничная, как я была когда-то. Я думаю: и ты ведь могла бы так же. Ты ведь тоже имела шанс так же начать, вести нормальную жизнь. Немножко кино, потом театр. Эти молодые актрисы сегодня гораздо более уверены в себе, чем я была тогда... и чем я есть сегодня.

Шт.: Почему вы себя так уж принизили? Вы же тогда вырвались в Париж, и это было по-настоящему мужественное личное решение.

Р.Ш.: Я хотела жить, жить с Аленом. Это и на задворках могло бы быть. Хотела бы жить всё равно в каком захолустье. Но в то же время я хотела сниматься, я же любила свою профессию. Из этого внутреннего противоречия я так никогда и не выбралась.

Шт.: Но несмотря ни на что вы всё ещё верите в счастье?

Р.Ш.: В гармонию, да. Но самой счастливой я бывала всегда, когда бывала одна. Теперь это звучит шизофренически, да?

Шт.: Да.

Р.Ш.: Может, я и смогу это объяснить. Юной девочкой я больше всего любила сидеть в комнате моего отца, которого уже не было в доме, — он оставил мою мать. Там я была совсем одна. Но я знала: я сижу в комнате того, кто меня очень любил. Кто не был, конечно, настоящим отцом, для кого купить мне и брату по паре обуви было уже непосильным делом, — он говорил, что с него довольно. И всё-таки в этой комнате я никогда не чувствовала себя одинокой.

Шт.: А когда вы стали взрослой женщиной, не пытались ли вы найти для себя подобную «комнату»?

Р.Ш.: Что-то вроде этого я всегда искала, да и сейчас ищу. Однажды я даже нашла это на несколько лет. Это было рядом с Висконти. Он придавал мне силу. Я была в него влюблена, но тогда не понимала, что и он тоже в меня влюблён — на свой лад. Все знали, что он — гомосексуалист, и я себя придерживала и не рискнула бы сказать ему, что я его люблю. Теперь слишком поздно.

Шт.: Это было чрезвычайно редкое стечение обстоятельств — когда Вы и Делон репетировали в Париже «Нельзя её развратницей назвать» в постановке Висконти. Собственно, каждый был влюблен в другого, но никто не доверял самому себе.

Р.Ш.: ...сцена как в кино, да *(смеётся)*.

Шт.: Висконти был для вас мужчиной, который превзошёл даже вашего отца?

Р.Ш.: Ну и вопрос. Я искала кого-то, с кем я могла бы закрыться и жить. Жить с кем-то и меньше работать, не сниматься так много — но это у меня так и не вышло. Поэтому мне порой бывает скверно.

Шт.: Теперь вы обвиняете кино, как будто оно сделало вас враждебной всему свету.

Р.Ш.: Нет. Я же сама за себя решаю, я могла бы теперь сказать: ну хватит. Никаких фильмов, никаких Зисси. Назад, в нормальную жизнь, обратно — в интернат...

Шт.: Ваш отец навещал вас тогда?

Р.Ш.: Нет, никогда. Он прислал мне для карнавала костюм чёрта, когда я была в монастырской школе. Я себе казалась в нём невероятно красивой и очень «секси». Всех прочих этот костюм шокировал. Письмо, которое он приложил, — да нет, какое там письмо, просто листок, — до сих пор со мной. Все письма моего отца — со мной, и письма матери тоже.

Шт.: А от Делона у вас есть письма?

Р.Ш.: Не-е, он писал только записки. Самая «длинная» из них была, когда он меня бросил. Он вечно меня обманывал. Я была на съёмках в Америке. Вернулась, квартира в Париже — пустая, никого нет. Там стоял букет роз, и рядом — тот листок: «Уезжаю с Натали в Мексику, всего тебе хорошего. Ален».

Шт.: Тоже способ покончить с большой любовью: букет роз и записка.

Р.Ш.: Он был трусоват, но очень красив. Такой мещанский мачо. Ужасно честолюбивый, пёкся только о своей карьере, и ещё — чтобы набить квартиру картинами Ренуара.

Шт.: Он был похож на вашего отца?

Р.Ш.: Нет, отец был человек очень легкомысленный, детей он вообще не хотел, хотел только женщин. Но он был вовсе не таким, как Ален. Моя мать ждала его восемь лет, хранила его киношные наряды в шкафах на чердаке. Проплакала все глаза. Ребёнком я её спрашивала, почему она плачет. Она ничего не говорила. Я точно знаю: она была одна, никого у неё не было.

Шт.: Мать ждала своего исчезнувшего принца, и дочь тоже ждала, ведь и как отец он тоже исчез.

Р.Ш.: ...и я его только тогда верно почувствовала, когда мы вместе снимались у Преминджера в фильме «Кардинал». Он сделал это прежде всего из-за меня, ведь гонорар был невелик. Мы только один раз снимались вместе, и контакт был просто превосходный. Мне было 25 или 26. Он играл, как всегда, барона в смокинге и был очень красив. Думаю, моя мать никого так не любила. Напрасно она ждала его с чемоданами на чердаке, он так и не вернулся. Он умер от второго инфаркта, потому что, на мой взгляд, всю жизнь страдал странной, болезненной, непрерывной боязнью сцены. Я это унаследовала от него. Свой первый инфаркт он перенёс прямо на спектакле в венском театре «Академия», и мы с братом Вольфи сидели в первом ряду. Но он продолжал играть и только после представления уехал в больницу, милый простофиля. Первым, кому он потом позвонил по телефону, был его пёс. Последний раз я видела его в больнице, в Вене. Мне пришлось долго ждать снаружи, он не впустил меня в палату, пока не причесался. И потом приложил чудовищные усилия, чтобы встретить меня сидя.

Шт.: Вы бы влюбились в такого мужчину, если бы он не был вашим отцом?

Р.Ш.: Я же никогда не спала с ним *(смеётся)*.

Шт.: Если это не сенсация для «Бильда»... Вы ждали когда-нибудь какого-то мужчину так же долго, как ваша мать вашего отца?

Р.Ш.: Нет, но пять лет постоянного страха и «несовместности» с Делоном — этого тоже было достаточно. Это было больно. Больно.

Шт.: В той ситуации, когда вам не по себе, могли бы вы позвонить Алену? Оказался бы он для вас на месте?

Р.Ш.: Возможно. Я могла бы ему позвонить, если бы он был один.

Шт.: Он ведь тоже должен принимать это во внимание.

Р.Ш.: Почему бы и нет?

Шт.: Могло бы сегодня что-то вспыхнуть между вами, когда вы будете вместе сниматься, — это же запланировано на осень?

Р.Ш.: Нет, уж это точно нет. Но мы друг друга не ненавидим.

Мы можем вспоминать друг друга, нам даже нравится. Всё это было уже так давно, и теперь уже вовсе не неприятно его увидеть.

Шт.: Кому вы звоните, если вы подавлены? Вашей матери?

Р.Ш.: Да, и нескольким друзьям. Нужно с кем-нибудь поговорить, когда тебе уже «ниже некуда»; это эгоистично, ясное дело. Стараешься не совсем уж изнемогать. В последние недели и месяцы я впервые почувствовала, кто мне в действительности друг — всё равно где, в Германии или во Франции.

Шт.: А тот Билль Тремпер, который написал вам открытое письмо в «Бунте» [43] («Мы любим тебя, дурочка!»), — он принадлежит к вашим друзьям?

Р.Ш.: Тремпер, конечно, нет: он допотопный журналист времён Зисси. Он не заслуживает, чтобы о нём говорили. Всех этих людей, кто говорит: звони, если тебе плохо, хоть днём, хоть ночью, — их ты можешь забыть. Если ты звонишь, то их никогда нет дома или они просят сказать, что их нет дома.

Шт.: А позже, когда вы выкарабкиваетесь из своей депрессии, вы их хотя бы замечаете?

Р.Ш.: О да, легко. Это те, кто друзья только пока я ещё — Роми Шнайдер. Пока ещё…

Шт.: И она больше не хочет быть любезной и наконец даёт сдачи? Не хочет больше соблазняться таким мужским персонажем, как её нынешний муж?

Р.Ш.: Я пытаюсь защитить себя, я должна этому научиться. Но моему мужу я не говорю ничего. Это вы сказали, не я. Со мной останется мой сын, и я не позволю сделать ему больно. А это связано с тем, чтобы я начала наконец жить своей жизнью, если это ещё возможно…

Шт.: Вы никогда не жили так, как хотели?

Р.Ш.: Вы меня об этом уже спрашивали… Всегда были только моменты, и поскольку моя жизнь на 80 процентов состояла из моей профессии, постольку оставались только моменты. С Аленом я надолго уезжала сниматься и говорила себе: вот проклятье, ну почему я не могу работать с Рене Клеманом? Харри всегда говорил: я не приду, если ты снимаешься, это же скука смертная, я не могу сидеть и наблюдать, как моя жена играет, — и я это понимаю. Но когда мы с Аленом снимались в «Бассейне», он тут же явился. Я, правда, жаловалась, что он слишком мало со мной бывает, но с другой стороны, я вообще не могла выносить, если он тут торчит — и глазеет, и придирается к каждому флирту. Настроение пофлиртовать у меня не проходит. Это у меня тоже от отца *(смеётся)*. С Харри я два года вообще не работала, жила в нашей четырёхкомнатной квартире в Берлине.

Шт.: И почему вы всегда возвращаетесь к своей профессии?

Р.Ш.: Что же я должна делать, ведь я больше ничему не училась.

Шт.: Что значит — ничему? Вы же хорошая актриса и сделали хорошие фильмы?

Р.Ш.: Мне больше не нравится на себя смотреть. Что я дам людям, кроме Зисси, ещё одной Зисси...

Шт.: У вас есть фильмы намного важнее, чем «Зисси». Какие вы обозначили бы как лучшие?

Р.Ш.: Лени в «Групповом портрете с дамой» была очень важной для меня ролью. Ещё и потому, что эта Лени была такая немецкая, такая немецкая... Но прежде всего потому, что я познакомилась с Бёллем. Вот тогда я хорошо себя чувствовала. Его дом — совсем без бутафории, там всё в порядке. Когда я вошла, там стоял рождественский венок со свечками. Он сидел спокойно у стола, и он сразу мне понравился, и всё, что его окружало. Он был со мной совсем прост. Он сказал: вот там туалет, Роми, там, направо. Думаю, я ему тоже понравилась.

Вообще мне нравятся все ужасные роли. Например, «Адское трио», вот это было хорошо, я же ничего общего не имею с этой ролью, я не она, и я вовсе не должна была там быть милой. Ещё важный был фильм «Процесс» с Орсоном Уэллсом...Что он, вообще-то говоря, делает, Орсон Уэллс?

Шт.: Он делает рекламу. Сидит за столом, толстый, круглый, и пьёт свое вино. Кино ему больше не нравится. Он говорит: то, что я хочу, снимать мне не позволяют, а то, что я должен, я снимать не хочу.

Р.Ш.: И он прав.

Шт.: Ну и вы делайте то же самое. Если вы не можете больше себя видеть, вот и снимайтесь меньше.

Р.Ш.: Но я должна сниматься. Мне нужны деньги.

Шт.: Уж скажите честно, разве вы не можете жить на то, что уже заработали раньше?

Р.Ш.: Нет, в этом году я ещё должна сниматься, а потом можно бы и передохнуть. Я даже должна передохнуть, поискать что-нибудь для себя.

Шт.: Разве не мог сказать кто-нибудь из мужчин, с кем вы жили: прекрати сниматься, мы найдём себе дом, настоящее убежище без Ренуара, нормальное?

Р.Ш.: Вот это было бы здорово. Но никто ничего такого не сказал. И сейчас я слишком изнурена, чтобы защитить себя.

Шт.: Вы же сами делаете всё, чтобы себя исчерпать.

Р.Ш.: Такие вещи вы не можете понять, потому что это не ваша профессия. К тому же сейчас мне правда тяжело смотреть на себя.

Шт.: Это Midlife-Blues [44], всё нормально. У каждого так.

Р.Ш.: Господи, эти мужчины tough… [45]

Шт.: Но вы же должны понимать, что вы вызываете в людях нечто позитивное, как, например, у этого вчерашнего Фишера, который в полном восторге искал Зисси и нашел Роми Шнайдер.

Р.Ш.: Вы так думаете? Возможно, мне и правда пора сделать перерыв, а потом несколько лет играть в театре, в том городе, где я чувствовала бы себя дома. И это совсем не обязательно Париж, мог бы быть Берлин или Гамбург.

Шт.: Что сегодня для вас — дом?

Р.Ш.: Дом? Во-первых, его нет. Во-вторых, есть ещё только место в прекрасном квартале Парижа, где воняет бутафорией, дом, который мне не нравится, и в-третьих, это будет там, потому что ничего другого не нашлось. Я ищу жильё для себя и своих детей.

Шт.: У вас с собой всегда — листок с цитатой из Макса Рейнхардта, из его речи к актёрам: «Засунь себе в карман своё детство и двигай оттуда, потому что это всё, что у тебя есть». После этой цитаты вы поставили три вопросительных знака. Почему?

Р.Ш.: Потому что не так просто оттуда убраться, потому что никогда ещё мне это не удавалось.

Шт.: И если вы не суёте ваше детство в карман, то хотя бы принимаете его и не убегаете оттуда?

Р.Ш.: Это было бы хорошо, я думаю, но никогда ещё не получалось. Я немногое могу обдумать из своего детства, потому что оно вообще-то состояло из кино.

Шт.: Вы или слишком робеете и погружаетесь в себя, или раскрываете себя сразу всему свету. Как же вам живётся — всегда на пределе?

Р.Ш.: Плохо. Значит, просто жить дальше — или сниматься дальше.

Иллюстрации

Роземари Альбах родилась 23 сентября 1938 года в Вене.

1, 2, 3. Роми, трижды заснятая папой: в 1, 2 и 3 года

1. Роми в возрасте 1 года

2. Роми в возрасте 2-х лет

3. Роми в возрасте 3-х лет

4. Роми в возрасте 8 лет

5. Отец Роми - Вольф Альбах-Ретти (1906-1967)

6. Мать Роми - Магда Шнайдер (1909-1996)

7. Роми в интернате Гольденштайн. Общая фотография класса с директрисой сестрой Терезой (сидит вторая справа). Роми стоит первая справа

8. В усадьбе Мариенгрунд прошло детство Роми. Десятилетней поступила она в интернат Гольденштайн и, учась там с 1949 по 1953 год, охотно проводила каникулы в баварском сельском доме

9. Роми и её дед Франц Ксавер Шнайдер, отец Магды Шнайдер

10. Роми в интернате Гольденштайн в костюме ковбоя (1952)

11. Роми в интернате Гольденштайн (1952)

12. «Когда вновь расцветает белая сирень» (1953) — первый её фильм.

Роми с Вилли Фричем и Магдой Шнайдер. Когда съёмки начались, ей было 14

13. «Фейерверк» (1954)

14. «Юность королевы» (1955). С Адрианом Ховеном

15. «Гроссмейстеры Тевтонского ордена» (1955)

16. «Последний человек» (1955). С Хансом Альберсом

17. Роми в окружении поклонников и охотников за автографами (1955). Ей 16 лет

18. «Зисси» (1955).
Этот австрийский фильм принёс ей мировую известность

19. «Зисси, молодая императрица» (1956). С Карлхайнцем Бёмом

20. Роми на съёмках фильма «Китти и большой свет» (1956) в главной роли Китти с Карлхайнцем Бёмом

21. Роми на съёмках фильма «Китти и большой свет» (1956)

22. «Робинзон не должен умереть» (1956)

23. Дни, свободные от съёмок «Робинзона». С Хорстом

Буххольцем (1956, ноябрь)

24. Роми и олимпийский чемпион Тони Зайлер, с которым она познакомилась в 1956 году на карнавале в Мюнхене

25. Роми и Хорст Буххольц на съёмках «Монпти» (1957) в Париже, в Люксембургском саду

26. «Скамполо» (1957)

27. «Судьбоносные годы императрицы» (1957) с Вальтером Райером

28. «Девушки в униформе» (1958) с Лили Пальмер

29. «Девушки в униформе» (1958)

30. В 1957 году Роми с матерью Магдой Шнайдер и отчимом

Хансом-Хербертом Блатцхаймом предпринимают путешествие в Индию и на Цейлон

31. Путешествие в Индию и на Цейлон (1957)

32. В 1958 году она вместе с матерью летит в Нью-Йорк, а также посещает киностудии в Голливуде и Диснейленд

33. Роми Шнайдер и Ален Делон в их первом совместном

фильме «Кристина» (1958)

34. Роми и Ален в ресторане в Риме (1959, октябрь)

35. 22 марта 1959 года Роми и Ален обручились в Моркоте на озере Лугано

36. и 37. На репетициях пьесы Джона Форда «Нельзя её развратницей назвать» в Театр де Пари. Роми играет главную роль, Ален — её партнёр, режиссёр — Лукино Висконти. Премьера состоялась 29 марта 1961 года.

37. Роми и Ален — словно любящие брат и сестра

38. «Послание Лисистраты», её единственная роль на телевидении (1960). С Барбарой Рюттинг

39. «Боккаччо-70» (1961)

40. «Процесс» (1962) с Орсоном Уэллсом

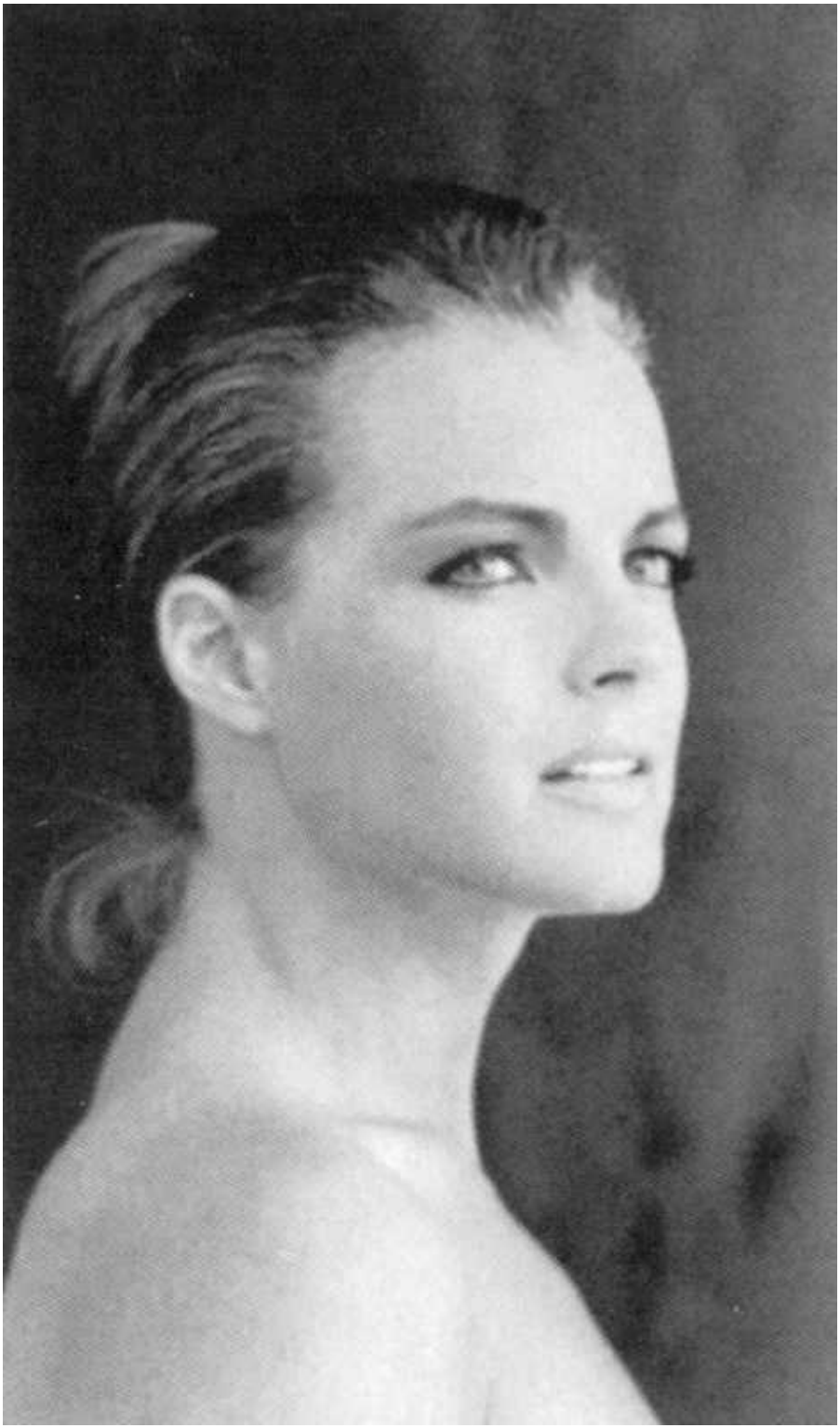
41. Роми и её брат Вольфдитер Альбах (р. 1941) на Оперном

балу в Зальцбурге (1964, август)

42. Роми с бабушкой Розой Альбах-Ретти, матерью Магдой Шнайдер

и отчимом Хансом-Хербертом Блатцхаймом (1905-1968) в январе 1964 года в Инсбруке

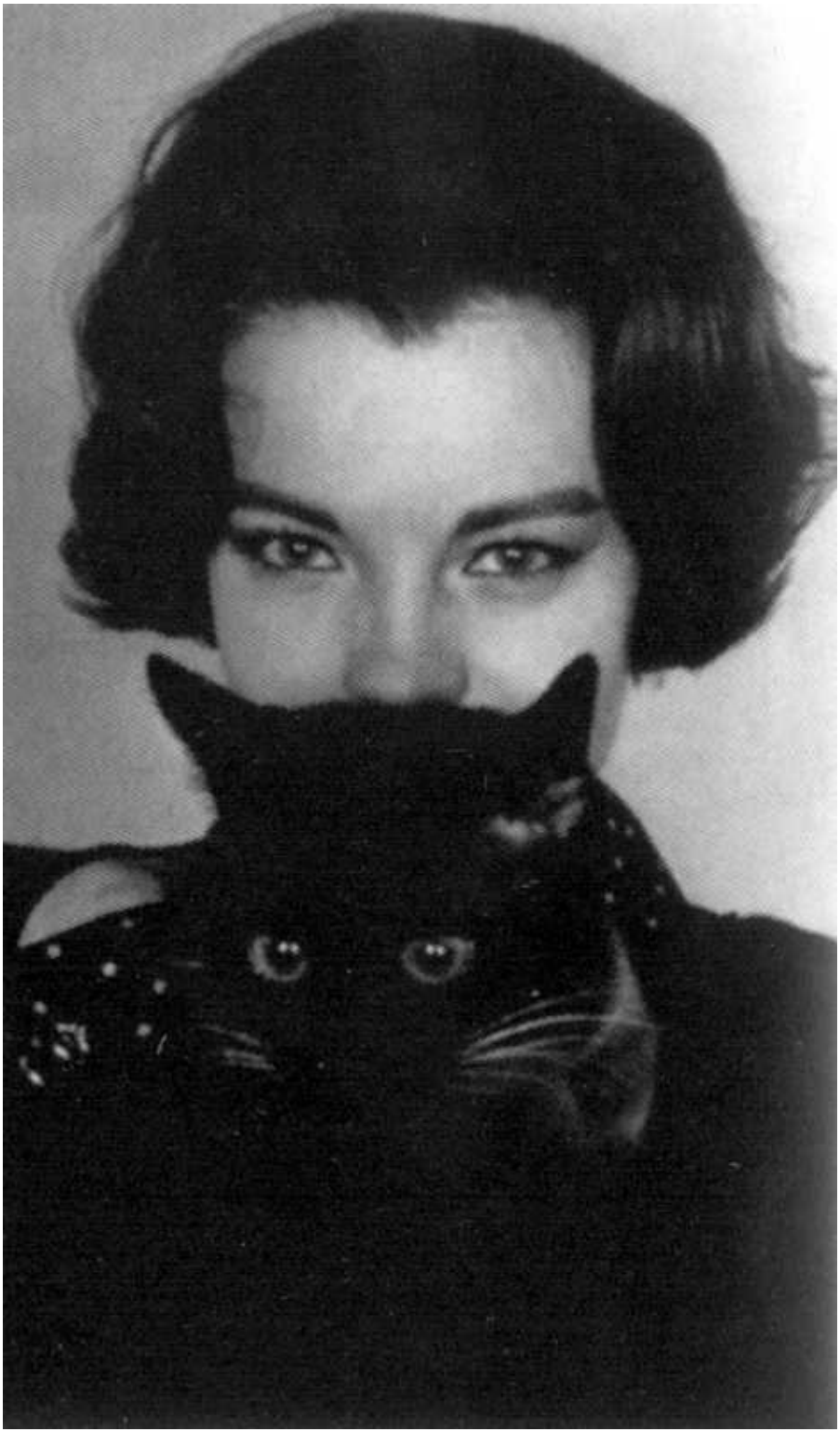
43. Фото из частной жизни (1962)

44. «Кардинал» (1963)

45. Фото из частной жизни (1964)

46. «Что нового, киска?» (1964)

47. Роми в отпуске

48. На съёмках фильма «Одолжи мне своего мужа» (1963)

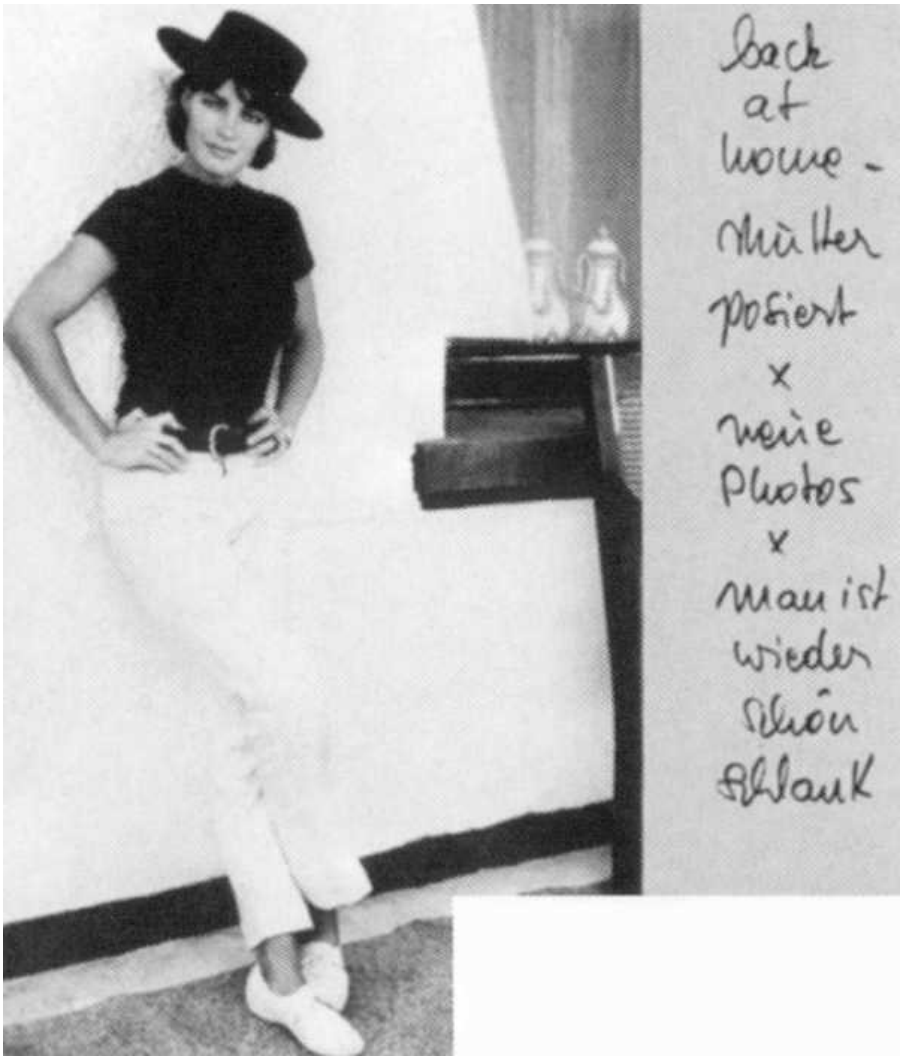
49. Новый год в Монако (1963)

50. После разрыва с Аленом Делоном (1963) Роми в 1965 году знакомится в Берлине с местным актёром и режиссёром Харри Мейеном (Хаубенштоком; 1924-1979). Они поженились 15 июля 1966 года

51. 3 декабря 1966 года в Берлине родился её сын Давид Кристофер Хаубеншток. Роми совершенно счастлива

52. Роми весной 1967 года

53. С Давидом Кристофером (1968)

54. В сентябре 1968 года Роми снимается с Аленом Делоном в фильме «Бассейн»

55. «Мелочи жизни» (1969) с Мишелем Пикколи. Он был её партнёром в шести фильмах, пять из них поставил режиссер Клод Соте

56. «Кто?» (1970) с Морисом Роне

57. «Калиффа» (1970) с Роберто Бизакко

58. «Макс и жестянщики» (1970)

59. Роми в жизни (1971)

60. «Людвиг» (1972) — фильм, в котором она ещё раз играет Елизавету Австрийскую

61. «Сезар и Розали» (1972) с Ивом Монтаном и Сами Фреем

62. «Поезд» (1973) с Жаном-Луи Трентиньяном

63. «Взбесившийся барашек» (1973)

64. «Главное — любить» (1974) с Фабио Тести

65. «Невинные с грязными руками» (1974) с Паоло Джусти и Родом Стайгером

66. «Адское трио» (1973-1974)

67. В телепередаче «Звёздные гости» (1971, июнь)

68. Фото из частной жизни (1972)

69. Фото из частной жизни (1973)

70. «Старое ружьё» (1975)

71. «Женщина в окне» (1976)

72. 18 декабря 1975 года в Берлине Роми выходит замуж за Даниэля Биазини (р. 1947), её брак с Харри Мейеном расторгнут в

июле того же года. Роми ожидает ребёнка, но после автомобильной аварии в январе 1976 года теряет его

73. Роми Шнайдер и Даниэль Биазини (1976)

74. Роми в жизни (1977, лето). 21 июля родилась её дочь Сара Магдалена Биазини

75. «Групповой портрет с дамой» (1976-1977) с Вадимом Гловна

76. «Простая история» (1978) с Клодом Брассёром

77. «Прямой репортаж о смерти» (1979)

78. «Банкирша» (1980) с Жаном-Луи Трентиньяном

79. «Призрак любви» (1981)

80. «Под предварительным следствием» (1981)

81. На съёмках телепередачи «Воскресные встречи» в Париже (1980, сентябрь)

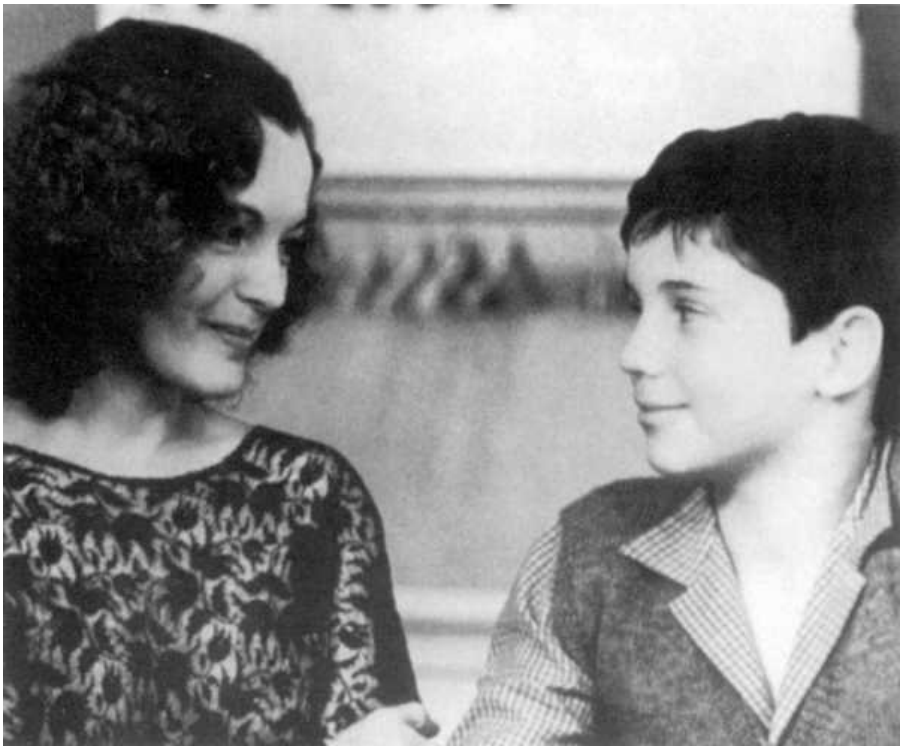
82. Роми со своей дочерью Сарой (1981, апрель)

83. 31 января 1981 года в Париже во Дворце конгрессов ей вручают премию «Сезар». Рядом с Роми её сын Давид. 5 июля 1981 года, четырнадцати лет от роду он погибнет в результате несчастного случая

84. «Прохожая из Сан-Суси» (1981) с Мишелем Пикколи. Это её 58-й и последний фильм, Роми играет здесь две роли: Лины Баумштайн и Эльзы Винер. После ударов судьбы в этом году — развода с Биазини в апреле, операции на почке в мае, смерти её сына в июле 1981-го — 12 октября в Берлине она начинает сниматься...

85. ...Роми играет с двенадцатилетним Венделином Вернером, который постоянно напоминает ей сына. Фильм представлен в Париже 14 апреля 1982 года, за полтора месяца до её смерти

86. Роми Шнайдер с Лораном Петеном, её последним спутником жизни

87. Могила Роми и Давида в Буасси-санз-Авуар

Примечания

Примечания

1

Высший балл по принятой тогда в Австрии системе оценок.

2

Одно из значений имени Эрнст — «серьёзный» *(др.-герм.)*.

З

Беролина (*лат.* Berolina) — позднелатинский эквивалент названия города Берлин. Беролиной также называли женскую скульптуру, символизировавшую этот город. Самым известным изображением Беролины является статуя, некогда украшавшая берлинскую площадь Александерплац. Название «Беролина» носит ряд берлинских компаний, а в прошлом под этим именем в эфир выходило много радио- и телепередач. Очевидно, одна из последних и имеется в виду

4

Причисление к лику блаженных (в римско-католической церкви — этап, предшествующий канонизации).

5

Молотов (наст. фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890-1986) — в то время министр иностранных дел СССР.

6

Сорайя Асфандияри (1932-2001), вторая жена (1951-1958) иранского шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, немка по матери. Одна из самых известных женщин своего времени.

7

11 ноября, день начала «пятого времени года» — карнавального сезона.

8

Название этого фильма в русском языке не закрепилось; буквально оно может быть переведено как «Валли-коршун» (исходя из сюжета о женщине, вырастившей птенца коршуна).

9

«Очень рада вас видеть» *(англ.)*.

10

Соответствует русскому выражению «как из ведра»

11

Название пьесы дословно переводится с английского как «Жаль, что она шлюха». Этот смысл был сохранён и во французском названии постановки.

12

До свиданья, мадемуазель *(франц.)*.

13

Шведский королевский драматический театр в Стокгольме, основан в 1788 году.

14

Ты — Лени *(англ.)*.

15

Не останавливайся. Я сам остановлю *(англ.)*.

16

Ну ладно, Лени. Я это сделаю *(англ.)*.

17

Возможно, намёк на образы из сказочной оперы Э. Хумпердинка «Королевские дети».

18

Так Роми Шнайдер вспоминала об отце, отвечая на вопросы журнала «Штерн» (см. текст интервью в конце книги).

Слава Богу *(англ.)*.

«Весь Париж» *(франц.)*.

21

Назад в Берлин *(англ.)*.

Поверженным *(англ.)*.

Французские *(англ.)*.

И без того *(англ.)*.

25

Большая актриса, умная, независимая, великолепная и прекрасная как никогда прежде *(франц.)*.

26

В данном случае — возвращение к профессии после долгого перерыва (выражение, принятое у актёров и спортсменов).

27

Роковой женщиной *(франц.)*.

28

Außer Parlamentarische Opposition, студенческое движение в Германии конца 1960-х — начала 1970-х годов, в русле молодёжных протестных движений тех лет.

«Мелочи жизни» *(франц.)*.

30

Городок на Средиземноморском побережье (департамент Эро)

31

То же самое *(франц.)*.

32

Все мои действительно большие усилия *(англ.)*.

33

Ресторан на острове Сен-Луи в Париже; принадлежит упомянутому артисту.

34

Скорее всего , подразумевается Ульрика Майнхоф (1934-1976), западногерманская журналистка, политический деятель леворадикального толка, идеолог RAF (Фракция Красной армии), террористка. 8 или 9 мая 1876 года (сведения разноречивы) была найдена повешенной в тюремной камере, где ожидала суда.

35

Фанни (собств. Франциска-София-Лиана-Августа-Адриенна), графиня цу Риентлов (1871-1918) — немецкая писательница и общественная деятельница. Выступала за права женщин, но и за право оставаться женщинами при социальном и экономическом равноправии, за отмену института брака и сексуальную свободу.

36

Прототип героини фильма «Банкирша» Эммы Экхерт.

Благослови тебя Боже *(англ.)*.

38

Эта запись содержит большую часть ответов Роми Шнайдер на вопросы журнала «Штерн» (см. текст интервью в конце книги).

39

На фильмах о Зисси (см. интервью).

Перевод В. Коломийцева.

41

Жизнь должна продолжаться *(англ.)*

42

Как и во всей книге, названия фильмов на русском языке приводятся здесь в соответствии с традициями российского кино- и видеопроката. В случае нечёткого оформления таковых переведены названия, фигурировавшие в немецком прокате. Для справки в скобках приведены оригинальные названия, принятые в странах — участницах постановочного процесса.

43

Немецкий иллюстрированный еженедельник с изрядной «желтизной».

Кризис среднего возраста *(англ.)*.

Грубые *(англ.)*.